

Протоиерей Валентин Свенцицкий

Диалоги

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Протоиерей Валентин Свенцицкий

Протоиерей Валентин Свенцицкий — выдающийся пастырь-мученик Русской Церкви XX века, родился в 1882 году в Казани, в дворянской православно-католической семье (отец — католик, мать и дети — православные)¹. Возможно, именно благодаря различию вероисповеданий отца и матери, у юного Валентина рано пробудился интерес к религиозным вопросам. В гимназические годы очень большое влияние на него оказал законоучитель Казанской гимназии священник Молчанов, человек большой эрудиции, обладавший прекрасными ораторскими способностями, ставший впоследствии Экзархом Грузии².

Когда Валентину было 15 лет, семья Свенцицких переехала в Москву, где Валентин учился сначала в 1-ой Московской классической гимназии, затем в частной гимназии Креймана.

Вскоре он поступает на филологический факультет Московского университета, а также учится на юридическом и историко-философском факультетах университета.

Промыслом Божиим молодой Свенцицкий попадает в круг мыслящих, ищущих Правды Божией людей, с именами которых связано развитие русской религиозно-философской мысли. В числе его друзей и близких знакомых были Владимир Эрн, Павел Флоренский, Сергей Булгаков, Николай Бердяев, Андрей Белый, кн. Евгений Трубецкой.

События 1905 года увлекли В.П. Свенцицкого идеями христианского социализма и побудили его организовать нелегальное общество «Христианское братство борьбы», куда входили также П. Флоренский, В. Эрн, А. Ельчанинов.

В эти же годы Свенцицкий начинает выступать в «Религиозно-философском обществе памяти Вл. Соловьева» и Политехническом музее с лекциями на темы: «Христианство и насилие», «Террор и бессмертие», «Атеизм и любовь» и т. п.

Выступления собирают большое количество слушателей. Сила его убеждения была покоряющей. И в молодые годы, и впоследствии В. П. Свенцицкий умел необыкновенно влиять своим словом на людей и в лекциях, и в проповедях, и в частных беседах.

¹ Воспоминания М. Б. Свенцицкой: Рукопись.

² Архиепископ Алексей II Молчанов (1913–1914).

В 1906 году он писал: «Современное церковное движение можно назвать либеральным христианством, а либеральное христианство только полу истина. Душа, разгороженная на две камеры — религиозную и житейскую — не может целиком отдаться ни на служение Богу, ни на служение миру.

В результате получается жалкая полуистина, тепло-прохладное, либеральное христианство, в котором нет ни правды Божией, ни правды человеческой. Представители этого христианства лишены религиозного энтузиазма, среди них нет мучеников, обличителей, пророков.

И союз «церковно-обновленных» — это не первый луч грядущей апокалипсической жены, облеченной в солнце, а один из многих профессиональных союзов, и я убежден, что настоящее религиозное движение будет не это и скажется оно совсем не так» (Вопросы религии. 1906. Вып. 1. С. 5–8). Именно эти слова цитировал в своем воззвании от 15(28) июня 1923 г. Святейший Патриарх Тихон, давая характеристику идеологии обновленчества³.

В.П. Свенцицкий сотрудничает в сборниках «Свободная совесть», «Вопросы религии», публикует статьи о творчестве Ф. М. Достоевского, Н. Клюева, Г. Ибсена, пишет рассказы, повести, драмы («Пастор Реллинг», «Смерть», «Интеллигенция»), в основе сюжета которых лежит конфликт между общественной и индивидуальной моралью. Драму «Пастор Реллинг» ставил (и играл в ней главную роль) знаменитый артист Орленев.

В интеллигентской Москве Свенцицкого уже знают, о нем говорят. Выступает В. П. Свенцицкий и в Петербурге, а также сотрудничает в издании журнала «Новая земля». Он пишет книгу «Второе распятие Христа», где повествуется, как Христос приходит в современный город и попадает в церковь во время пасхальной заутрени. Он видит, что никто не думает о Нем, мысли всех заняты мирскими заботами. По городу в эту ночь кого-то везут на казнь. В конце концов собрание высших духовных представителей арестует Христа. Никем не узанный и не признанный. Он судим и изгоняем.

Книга была напечатана, но с множеством пропусков, замененных многоточиями, а вскоре изъята совсем, а ее автор был приговорен к нескольким годам заточения в крепости.

В 1908 году выходит книга В. П. Свенцицкого «Антихрист, или Записки странного человека». В этой книге в образе двух женщин изображены две силы в человеке, борющиеся между собой. С одной стороны — ложь и чувственность, а с другой — правда и чистота. Основанием неблагоприятных поступков для героя романа стала пагубная мысль о том, что избегающему искушений не узнать святости.

Издание этих книг, сложные драмы в личной жизни, осуждение со стороны близких друзей, исключение из «Религиозно-философского общества» привели В. П. Свенцицкого к состоянию глубокого духовного кризиса, из которого

³ См. «Акты Святейшего Тихона, Патриарха Московского и всея России, позднейшие документы и переписка о каноническом преемстве высшей церковной власти. 1917-1943» Сост. М. Е. Губонин. М., 1994. С. 284.

трудно было найти выход.

В результате всех этих событий в 1909 году Свенцицкий бежит во Францию под чужим именем, скрываясь от полиции, друзей и родственников, пытаясь убежать от самого себя.

Годы, проведенные в изгнании, привели мятущегося интеллигента к переосмыслению всей предыдущей жизни, стали отправной точкой на пути к нравственному очищению — через боль страдания и глубокое покаяние.

Выбор был сделан. Свенцицкий, оставив все «мудрствование», всецело предает свою жизнь Христу и Его Церкви.

По возвращении в Россию в начале 1910-х годов Валентин Павлович едет на Кавказ, желая своими глазами увидеть монахов-отшельников, прикоснуться к православной святости. Это удается ему вполне, и вскоре в 1915 году, под впечатлением поездки на Кавказ, он пишет книгу «Граждане неба. Мое путешествие к пустынноикам Кавказских гор», пронизанную глубоким пониманием сути христианской жизни и христианского подвига.

Но важнейшим событием по возвращении из-за границы стало его знакомство с великим оптинским старцем иеросхимонахом Анатолием (Потаповым), который «усыновил» Валентина Свенцицкого, даровал ему надежду на прощение грехов и полное обновление жизни во Христе. От старца Валентин Павлович принял благословение — учиться непрестанной молитве и другим духовным деланиям, свойственным, в основном, монашеству. Эти старческие напутствия были бережно пронесены им через всю дальнейшую жизнь, стали основой его собственного «монашества в миру» и помогли многим другим людям обрести твердость в вере в эпоху грядущих гонений.

Революция 1917 года избавляет В. П. Свенцицкого от иллюзий христианского социализма. Он стремится служить Церкви. В. П. Свенцицкий просит своего духовного отца иеросхимонаха Анатолия благословить его на монашество, но старец указывает ему другое служение. В 1917 году в Петрограде В. П. Свенцицкий принимает священный сан. Посвящение происходило в Иоанновском монастыре, где погребен святой праведный отец Иоанн Кронштадтский, которого отец Валентин всегда глубоко любил и почитал. Рукополагал его митрополит Петроградский Вениамин (Казанский), священномученик Русской Православной Церкви, пять лет спустя расстрелянный большевиками.

Духовное чадо оптинских старцев, о. Валентин был священником пламенной веры и непрестанного молитвенного подвига. Соединив в себе дух монашеского «умного делания» и пастырства, он принял на себя крест священнического служения в революционной Москве 20-х годов. Проповеди, выступления, все духовное наследие отца Валентина отличают кристальная чистота и ясность, свойственные подлинно православному мышлению.

Вскоре после рукоположения о. Валентин принял участие в гражданской войне, будучи священником в Белой армии.

Под непосредственным влиянием военных впечатлений он издает в Ростове в 1919 г. брошюры «Общее положение России и задачи Добровольческой армии» и «Война и Церковь», где призывает к

сопротивлению злу большевизма силой ⁴.

После окончания гражданской войны он не эмигрировал, а остался в России и в 1920 году приехал в Москву. Вначале он выступал как проповедник по разным храмам, часто сослужа Святейшему Патриарху Тихону, которого очень любил и уважал. В. П. Свенцицкий считал, что Святейший Патриарх Тихон необыкновенно верно и правильно ведет церковный корабль в сложнейших и труднейших условиях окружающей жизни того времени. «Пока он существует, за Церковь, до известной степени, можно быть спокойными. Может быть, были и есть патриархи эрудированней и внешне как бы талантливее Святейшего Патриарха, но он какой-то благодатный, тихий и очень мудрый», — говорил о. Валентин.

После проповеди в Крестовоздвиженском монастыре, где о. Валентин утверждал, что деятельность обновленцев направляется органами ЧК, он подвергается аресту и ссылке в Педжикент в Среднюю Азию. В Педжикентской ссылке он пишет работу «Тайные поучения о нашем спасении» (о молитве Иисусовой) — адресованный духовным чадам труд о молитвенном делании и преодолении многочисленных искушений на этом пути.

Вернувшись в 1925 году из первой ссылки, отец Валентин стал служить в храме священномученика Панкратия в переулке на Сретенке и вести регулярные беседы с прихожанами по вопросам веры, церковной жизни. Священного Писания. Его духовные дети записывали эти беседы и распространяли их среди верующих. Таким образом составилось «Полное собрание сочинений протоиерея Валентина Свенцицкого» из 9-ти томов, которое распространялось в церковном самиздате и передавалось верующими из рук в руки.

В Великий пост 1926 года отец Валентин прочитал в храме св. Панкратия свой труд — «Шесть чтений о Таинстве покаяния в его истории», направленный против начинавшей тогда широко распространяться общей исповеди.

В 1926 году отец Валентин организует и возглавляет паломнические поездки в Саров и Дивеево. Там от блаженной Марии Ивановны он получает предсказание о переходе в другой московский храм — св. Николая Чудотворца на Ильинке, «Никола Большой Крест». Так и произошло — отец Валентин стал настоятелем этого храма ⁵.

Отец Валентин создал в Никольском храме крепкую общину. Он ввел регулярную индивидуальную исповедь, частое причащение Святых Христовых Тайн. В своих поучениях и проповедях он открывал духовным чадам путь нравственного и духовного совершенствования в условиях гонения на церковь.

Отец Валентин выдвинул идею особого пути духовного совершенствования, который называл «монастырем в миру». Это не означало,

⁴ См. Полищук Е. Вдохновенный пастырь // Московский журнал, 1992. N10.

⁵ Церковь снесена в 1933 году. Теперь на ее месте небольшой скверик.

что люди, вставшие на такой путь, делаются тайными монахами и принимают негласно какие-то обеты. Речь шла о том, чтобы внутренне, духовно воздвигнуть как бы монастырскую стену между своей душой и миром, во зле лежащем, не допускать, чтобы его суета, его зло захлестнули, душу.

Для этого, конечно, нужно отказываться от многого, чем может прельстить современная жизнь, развращающая, проникнутая безбожием. Это трудный путь. Внешне жить, как все, работать, находиться в среде безбожия, в семейных повседневных заботах и хлопотах, и только силой внутреннего решения с Божией помощью не допускать в душу тлетворного духа мира. К этому сокровенному подвигу, известному лишь духовному отцу, и призывал отец Валентин своих духовных чад.

Декларация митрополита Сергия (Страгородского) от 16/29 июля 1927 года вызвала у о. Валентина резкий протест. Он пишет письмо митрополиту Сергию:

«Митрополиту Сергию.

Во имя Отца и Сына и Святого Духа!

Сознавая всю ответственность перед Господом за свою душу и за спасение душ вверенной мне паствы, с благословения Димитрия, епископа Гдовского, я порываю каноническое и духовное общение с Вами и организовавшимся при Вас совещанием епископов, незаконно присвоившим себе наименование — «Патриаршего Синода», а также со всеми находящимися с Вами в каноническом общении, и не считаю Вас более Заместителем Местоблюстителя Патриаршего престола на следующих основаниях:

Декларация Ваша от 29 июля и все, что общеизвестно о Вашем управлении Церковью со времени издания Декларации, с несомненностью устанавливает, что Вы ставите Церковь в ту же зависимость от гражданской власти, в которую хотели поставить Ее два первых «обновления», — вопреки св. канонам Церкви и декретам самой власти гражданской.

И «Живая Церковь», захватившая власть Патриарха, и григорианство, захватившее власть Местоблюстителя, и Вы, злоупотребивший его доверием, — вы все делаете одно общее, антицерковное обновленческое дело, причем Вы являетесь создателем самой опасной его формы, так как, отказываясь от церковной свободы, в то же время сохраняете фикцию каноничности и Православия. Это более чем нарушение отдельных канонов!

Я не создаю нового раскола и не нарушаю единства Церкви, а ухожу и увожу свою паству из тонкой обновленческой ловушки: «Да не утратим по молу, неприметно, той свободы, которую даровал нам Кровию Своею Господь наш Иисус Христос, освободитель всех человеков» (из 8-го правила III Вселенского Собора).

Оставаясь верным и послушным сыном Единой Святой Православной Церкви, я признаю Местоблюстителем Патриаршего Престола митрополита Петра, признаю и тех епископов, которые, не присваивая себе самочинно общецерковной власти, уже порвали с Вами каноническую связь, по их свидетельству: «впредь до суда совершенного Собора местности», то есть с участием всех православных епископов или до открытого и полного покаяния перед Святой Церковью самого митрополита.

г. Москва, 12.01.1928 г.

Протоиерей Валентин Свенцицкий».

В 1928 году отец Валентин вновь был арестован и сослан в Сибирь на поселение. Главным поводом для высылки послужило его открытое несогласие с Декларацией митрополита Сергия от 16/29 июля 1927 года. Именно в ссылке отец Валентин написал свои «Диалоги», которые по частям пересылались в Москву, где от руки переписывались его духовными детьми. В ссылке отец Валентин выстрадал решение вернуться в общение с митрополитом Сергием, с которым в 1927 году прервал свое каноническое общение. Известен текст покаянного послания отца Валентина к митрополиту Сергию, проникнутое глубоким смирением:

«Ваше Высокопреосвященство, Всемилостивейший Архипастырь и Отец. Я умираю. Уже давно меня тревожит совесть, что я тяжко согрешил перед Святой Церковью, и перед лицом смерти мне это стало несомненно.

Я умоляю Вас простить мой грех и воссоединить меня со святой Православной Церковью. Я приношу покаяние, что возымел гордость, вопреки святым канонам, не признавать Вас законным первым епископом, поставив личный разум и личное чувство выше соборного разума Церкви, я дерзнул не подчиниться святым канонам. Моя вина особенно страшна тем, что я вовлек в это заблуждение многие человеческие души. Мне ничего не нужно: ни свободы, ни изменения внешних условий, ибо сейчас я жду свой кончины, но ради Христа примите мое покаяние и дайте умереть в единении со Святой Православной Церковью.

11/IX — 1931 г. Валентин Свенцицкий».

Одновременно он пишет родным и духовным детям:

«Милые мои деточки, сейчас получил от вас письмо. Так много надо сказать, и так мало сил это сделать. Спрашиваете, в чем я прошу прощения у вас. В страдании, как бы ни была на моей стороне истина, но своей ошибкой я вызываю эти страдания, и не только у вас, у всех. Со всею скорбью, на какое способно мое сердце, прошу это прощенье.

Но дальше вы уже неправы, когда говорите, что вам неясно происшедшее со мной. Оно, может быть, неясно в смысле переживаний, которые привели к этому, но то, к чему они привели, — это ясно совершенно.

Свой разум и свои чувства я поставил выше Соборного разума Церкви. Мудрость человеческая заслонила вечное и премудрое. Соборы провидели всю историю, знали, какие ужасы будут творить сидящие на патриарших престолах, сколько будет борьбы, жестокости, неправды, недопустимых компромиссов, граничащих с преступлением, и знали, какой это будет соблазн для человеческих душ, подобных тому, в который вовлек я вас, и все будет разорвано в клочья, они премудро оградили человеческие души от соблазнов строжайшими канонами, что не признавать можно только тогда, когда извращается догмат веры.

Вы скажете, а раньше ты этого не знал. Знал, но в этом-то и ужас всех этих наваждений и опасности их. Разве вы не знаете, как иногда вдруг все станет иным, и то, что было справа, становится слева, и что было слева, становится справа? Около года по временам меня гложет этот червяк, но я гнал его, как искушение, и он исчезал.

Как случилось, что у меня открылась вполне истина, — рассказать

почти невозможно, но знайте, что это имеет прямое отношение к моему концу, и, может быть, Господь меня сохранил перед смертью и дал возможность принести покаяние.

Не думайте, ради Христа, что я не понимаю всех страшных последствий моего покаяния для окружающих. Все понимаю, все пережил, до последней черты, но в этом вопросе нельзя ничем иным руководствоваться, кроме совести. Это страшно — это непосильно человеку — совесть. Такая страшная вещь. Она возлагает такие ужасающие бремена, но без нее нельзя жить.

Поймите все это, не теряйтесь от внешних обстоятельств. и поймите меня до конца, как всегда понимали раньше.

Писать не в силах больше. Господь с вами».

7/20 октября 1931 года отец Валентин скончался в деревушке Тракт-Ужет под Тайшетом после тяжелой болезни, получив полное прощение от митрополита Сергия.

Родные получили разрешение перевезти гроб с телом отца Валентина в Москву. Три недели шел товарный вагон с телом почившего протоиерея, вагон отцепляли, прицепляли к другим поездам, переводили с одного пути на другой. НКВД, спохватившись, послал распоряжение задержать вагон, но его не нашли из-за бесконечных перемещений.

Гроб с телом отца Валентина прибыл в Москву 6 ноября в день празднования иконы Богородицы «Всех скорбящих радости». 7 ноября к вечеру он был установлен в церкви Троицы в Листах на Сретенке. Служил панихиду владыка Варфоломей (Ремов). 8-го в 6 ч вечера начался заупокойный парастас. Служба происходила при огромном стечении народа. После парастаса открыли гроб. Все были потрясены. Отец Валентин лежал как живой, со спокойным, просветленным лицом, без обычных признаков тления.

9 ноября служили заупокойную обедню и отпевание. Возглавлял службу епископ Дмитровский Питирим (Крылов). Сослужил епископ Варфоломей. Перед отпеванием в прощальном слове он сказал: «Мы прощаемся сегодня с замечательным истинно христианским пастырем, который, пройдя трудный путь, прибыл сегодня к нам без признаков тления, дабы явить нам силу духа единения с Православием во веки веков.» За литургией, после чтения Евангелия, возглавлявший службу епископ Дмитровский Питирим сказал:

«По поручению митрополита Сергия прощаю и разрешаю всех духовных чад усопшего батюшки отца Валентина, все они отныне снова становятся членами единой Русской Православной Церкви».

Отпевание было длительным. В нем участвовали о. А. Зверев, о. Александр Пятикрестовский, о. Сергей Успенский, о. Владимир Амбарцумов, всего 11 священников и 5 диаконов, среди них протодиакон Георгий Хохлов и друг почившего отца Валентина о. Николай Орфенов.

Нескончаемым потоком шел народ к гробу, и по благословию Владыки Питирима для каждого поднимали воздух с лица, чтобы прощающиеся могли убедиться в нетленности тела любимого пастыря.

Отец Валентин был похоронен на Пятницком кладбище, около храма. В 1940 году его останки были перенесены на кладбище «Введенские горы», так как Пятницкое кладбище собирались ликвидировать. Могила протоиерея Валентина Свенцицкого на Введенском (Немецком) кладбище и сегодня часто посещается верующими ⁶.

Книга «Диалоги» — наиболее значительное произведение о. В. Свенцицкого. Книга написана в духе православной церковности, ее отличает необыкновенная убедительность в отстаивании основ православной догматики в споре «Духовника», представителя православного священства, и «Неизвестного», интеллигента, не имеющего веры и страдающего от неспособности ее обрести с помощью доводов холодного ума. В ходе спора «Неизвестный», а вслед за ним и читатель, с непреложностью убеждаются в истинности христианского вероучения. Книга обладает такой силой убеждения, что многие и многие люди, в числе которых немало будущих священнослужителей, прочтя книгу в рукописи, обрели веру и укрепились в ней. Как и 60 лет назад, она созвучна исканиям современных, жаждущих истины людей, так как основана на православной вере и неизменных законах духовной жизни как единственно верном, Богом данном пути ко спасению.

Диакон Леонид Калинин

Диалог первый О БЕССМЕРТИИ

Неизвестный. Я пришел к тебе не исповедоваться. Мне просто надо поговорить с тобой, но, может быть, это невозможно?

Духовник. Почему?

Неизвестный. Да видишь ли, я хочу говорить о вере, но сам человек совершенно неверующий.

Духовник. Зачем же тогда говорить со мной?

Неизвестный. Ты разрешишь мне на этот вопрос ответить откровенно?

Духовник. Да.

Неизвестный. Я не только не верую, я не могу себе представить, как можно веровать при современном состоянии науки. Мне хочется понять: что, в конце концов, стоит за верованием образованных людей, которых нельзя назвать заведомыми обманщиками? Я решил — если ты не откажешься — поговорить с тобой начистоту и, так сказать, с глазу на глаз — в чем же тут дело?

Духовник. Я нисколько не сомневаюсь в истинности своей веры и готов защищать ее.

Неизвестный. Прекрасно. Но вот еще что: о чем я могу с тобой

⁶ Если войти через главные ворота и идти по старой аллее до столбов, обозначающих, с одной стороны пятый, а с другой, седьмой и восьмой участки, потом свернуть налево, то тропинка приведет к ограде семейного захоронения, в центре которой крест с надписью «В. П. Свенцицкий». Здесь покоится приснопамятный о. Валентин.

говорить? Все ли вопросы ты считаешь возможным обсуждать с человеком неверующим и совершенно неизвестным?

Духовник. Говори обо всем, что найдешь нужным.

Неизвестный. Прежде всего, я хотел бы говорить о бессмертии. Назначь мне время, когда ты будешь свободен.

Духовник. Говори сейчас.

Неизвестный. Я боюсь, что наш разговор затянется.

Духовник. Тогда мы продолжим его в следующий раз.

Неизвестный. Хорошо. Только не требуй от меня последовательности. Я буду говорить так, как думаю, когда остаюсь один... Бессмертие... Что это такое — жизнь после смерти? Кто же будет жить? Кто-то или что-то во мне находящееся, что не уничтожается после уничтожения моего тела? Если меня бросят в огонь, от моего тела — мозга, сердца, костей — останется горсть пепла. И вот я должен почему-то верить, что я все-таки где-то буду продолжать свое существование. Какие основания для этой веры? Не простое ли желание вечно жить и боязнь уничтожения? Мой разум отказывается представить себе какое бы то ни было бытие без материальной основы. Я не могу рассматривать человека как видимый футляр, в котором помещается невидимая душа. Футляр сломался. Его можно сжечь, а душу вынуть и положить в другое место? И что значит это другое место? Оно будет занимать некоторое пространство? Или эта таинственная, бессмертная душа мало того что невидима, но еще и «беспространственна»? Что же она такое? Для меня она абсолютная бессмыслица. И какие основания могут заставить мой разум «поверить» в эту бессмыслицу?.. На этом я пока остановлюсь.

Духовник. Прежде чем ответить на твой вопрос: «какие основания для этой веры?», попробуем рассмотреть, такая ли уж это «абсолютная бессмыслица» для твоего разума, как кажется с первого взгляда. Возьми чисто физическую область. Брошенный камень падает на землю. Это видят все. И все знают, что причина падения камня — притяжение Земли. Но никто эту силу, именуемую притяжением, не видит.

Неизвестный. Но же общего у силы с душой? Чтобы сила действовала, нужна материальная среда. А вы считаете, что душа может существовать без тела, то есть безо всякой материальной среды.

Духовник. Совершенно верно. Я и говорю тебе, что беру область чисто физическую. Естественно, что здесь явления могут быть только в материальной среде. Я хочу указать тебе, что и в области физической возможны различные свойства бытия, — вот, например, силы не имеют всех свойств материи. Видны лишь действия сил.

Неизвестный. Да, конечно. Свойства сил и материи различны, но это сравнение неубедительно для вопроса о существовании души вне тела. Научные опыты с несомненностью устанавливают, что так называемая психическая жизнь является результатом физико-химических процессов, и поэтому нельзя совершенно отделять ее от материи. А отсюда следует, что с уничтожением этих физико-химических процессов в живом организме — должна уничтожиться и вся жизнь. Значит, никакой «души» остаться не может.

Духовник. О каких опытах ты говоришь?

Неизвестный. О тех опытах, которые устанавливают, что мысль есть результат определенных физико-химических процессов мозга. Искусственное раздражение некоторых желез вызывает определенные психические явления. Повреждение определенных клеток в результате дает как механическое следствие изменение определенных психических состояний и т. д. Ты, конечно, знаком с этим. Неужели эти факты не доказывают неопровержимо, что все явления «душевной» жизни есть простое следствие тех изменений и процессов, которые происходят в нашем теле?

Духовник. Доказывают, но не совсем то. Они доказывают, что душа, соединяясь с веществом, находится с ним в некотором взаимодействии и для своего выражения в вещественном мире требует определенных материальных условий. Это лучше всего опять-таки пояснить примеров из физической области. Возьми электрическую энергию и электрическую лампочку. Когда лампочка в порядке, электрическая энергия дает свет, лампочка горит. Но вот лопнул волосок. Ток оборвался. Лампочка не горит. Значит ли это, что электричества не существует и что лампочка и электрическая энергия одно и то же? Электричество существует вне лампочки. Но для того, чтобы проявить себя, оно требует целого ряда материальных условий. Точно так же и та «энергия», которую мы именуем душой. Если ты повредишь материальный аппарат, который служит для выражения душевной жизни, например, ту или иную часть мозга, душевная жизнь не сможет выражать себя или будет выражать себя неправильно. Но из этого совсем не следует, что мозг твой и есть твоя душа или что душевная жизнь твоя — результат физико-химических процессов в мозговых клетках. Как не следует, что электрическая лампочка и электрическая энергия одно и то же.

Неизвестный. Но ведь существование электрической энергии доказывается не только электрической лампочкой, но и множеством других опытов. Чем же доказывается бытие души?

Духовник. Подожди. Об этом позже. Пока мы говорим только о том, можно ли считать «абсолютной бессмыслицей» для разума какое бы то ни было бытие без материальной основы. Затем я должен тебя спросить: считается ли элементарный рассудок, который больше всего и препятствует вере, считается ли он с научным представлением о материи? Ведь, по этому научному представлению, материя совсем не то, что ты видишь. Разве ты видишь непрерывно движущиеся атомы, которые составляют неподвижную для глаз материю? Разве ты видишь множество движущихся электронов в недрах этих движущихся атомов? И можешь ли отнестись без всякого внимания к указаниям философии, что, постигая вещественный мир, ты постигаешь лишь те «субъективные состояния своего сознания», которые зависят от твоих внешних чувств, а потому о сущности самого вещества ты ничего не можешь знать. Будь у тебя иные органы зрения, иные органы слуха, осязания и вкуса — весь мир представлялся бы тебе иным. Можешь ли ты совершенно откинуть указания философии и на то, что пространство и время есть не что иное, как категории твоего разума. Если принять в соображение все это, не покажется ли

тебе вопрос о «материи» столь сложным, что совершенно невозможным сделается упрощение его до грубого и уж совсем ненаучного материализма?

Неизвестный. Допускаю, что это так. Но какие выводы ты делаешь отсюда?

Духовник. Пока выводы очень незначительны. Я утверждаю, что о сущности материи мы знаем гораздо меньше, чем думаем, и что явления совершенно несомненные дают нам основания не считать обычное вещественное бытие, постигаемое пятью внешними чувствами, единственно возможной формой материального бытия вообще.

Неизвестный. Но из этого нельзя же сделать вывод о существовании такого бытия, как душа.

Духовник. Разумеется. И я такого вывода пока не делаю. Больше того, я должен сказать тебе, что если бы даже в окружающей жизни действительно не было никаких признаков бытия без материальной основы, то одно это ни в коем случае не решало бы вопроса, может ли существовать такое бытие. Мы облечены в материальную форму, все наши органы подчинены материальным законам. И нет ничего удивительного, что этим мы постигаем лишь то, что имеет материальную основу. Но будем рассуждать дальше. Какие же основания для нашей веры в бессмертие? Можно ли бессмертие доказать? Ведь я тебя понял правильно? Ты ставишь вопрос именно так?

Неизвестный. Да.

Духовник. Что ты разумеешь под словом «доказательства»?

Неизвестный. Под этим я разумею или факты, или логические рассуждения, общеобязательные для человеческого разума.

Духовник. Хорошо. Применительно к вопросу о бессмертии какие доказательства тебя удовлетворили бы?

Неизвестный. Прежде всего, конечно, факты. Если бы с «того света» были даны какие-либо свидетельства о жизни человеческой души, продолжающейся после смерти тела, я считал бы вопрос решенным. Этого нет. Остается другое — логика. Логика, конечно, менее убедительна, чем факты, но до некоторой степени может заменить их.

Духовник. Свидетельств, о которых ты говоришь, множество. Но таково свойство неверия. Оно всегда требует фактов и всегда их отрицает. Трудно что-нибудь доказать фактами, когда требуют, чтобы сами факты, в свою очередь, доказывались.

Неизвестный. Но как же быть, нельзя же достоверными фактами считать рассказы из житий святых?

Духовник. Можно, конечно, но я понимаю, что тебе сейчас такими фактами ничего не докажешь, потому что эти факты для тебя нуждаются в доказательствах не менее, чем бессмертие души.

Неизвестный. Совершенно верно.

Духовник. Мы подойдем к решению вопроса иначе. Мы тоже будем исходить из фактов. Но из факта для тебя несомненного — из твоего собственного внутреннего опыта.

Неизвестный. Не совсем понимаю.

Духовник. Подожди, поймешь. А пока я спрошу тебя. Допустим, ты видишь своими собственными глазами зеленое дерево. Тебе докажут путем логических доводов, что никакого дерева на самом деле нет. Скажешь ли тогда: «Неправда — оно есть»?

Неизвестный. Скажу.

Духовник. Ну вот. Именно такой путь выбираю и я в своих рассуждениях. Я беру то, что ты видишь и в чем ты не сомневаешься, затем условно встаю на точку зрения «отрицания бессмертия». Доказываю тебе, что то, что ты видишь и в чем ты не сомневаешься, — «бессмыслица» и на самом деле этого не существует. Скажешь ли ты мне тогда: «Неправда, существует — я это знаю»?

Неизвестный. Скажу.

Духовник. Но тогда тебе придется отказаться от основного моего положения, допущенного условно, — от отрицания бессмертия.

Неизвестный. Все это для меня не совсем ясно.

Духовник. Тебе станет ясно из дальнейшего. А теперь скажи мне, признаешь ли ты в человеке свободную волю?

Неизвестный. Конечно, признаю.

Духовник. Признаешь ли ты какое-либо моральное различие в поступках людей, то есть одни поступки считаешь хорошими, другие плохими?

Неизвестный. Разумеется.

Духовник. Признаешь ли ты какой-нибудь смысл в своем существовании?

Неизвестный. Да, признаю. Но оставляю за собой право этот смысл видеть в том, что мне кажется смыслом. Для меня он в одном, для других может быть совершенно в другом.

Духовник. Прекрасно. Итак, несомненными фактами для тебя являются свобода воли, различие добра и зла и какой-то смысл жизни.

Неизвестный. Да.

Духовник. Все это ты видишь, во всем этом ты не сомневаешься?

Неизвестный. Да.

Духовник. Теперь на время я становлюсь неверующим человеком и никакого иного мира, кроме материального, не признаю. Начинаю рассуждать и прихожу к логически неизбежному выводу, что «несомненное» для тебя на самом деле — бессмыслица: нет ни свободы воли, ни добра, ни зла, ни смысла жизни. И если в моих доказательствах ты не найдешь ни малейшей ошибки — скажешь ли ты все-таки, что я говорю неправду, что свобода воли существует, существуют добро и зло и смысл жизни, что это не бессмыслица, а несомненный факт?

Неизвестный. Да, скажу.

Духовник. Но если ты это скажешь, не должен ли ты будешь отвергнуть основную посылку мою, из которой сделаны эти выводы, то есть мое неверие?

Неизвестный. Да... Пожалуй...

Духовник. Теперь тебе ясен путь моих рассуждений?

Неизвестный. Да.

Духовник. Так начнем рассуждать. Перед нами вопрос о свободе воли. Что разумеется под этим понятием? Очевидно, такое начало, действия которого не определяются какой-то причиной, а которое само определяет эти действия, являясь их первопричиной. Воля человека начинает ряд причинно-обусловленных явлений, сама оставаясь свободною, то есть причиной не обусловленною. Ты согласен, что я верно определяю понятие свободы воли?

Неизвестный. Да.

Духовник. Можем ли мы признать существование такого начала? Разумеется, нет. Для нас, материалистов, понятие «свободы» — вопиющая бессмыслица, и наш разум никаких иных действий, кроме причинно-обусловленных, представить себе не может. Ведь мир состоит из различной комбинации атомов и электронов. Никакого иного бытия, кроме материального, нет. Человек не составляет исключения. И он своеобразная комбинация тех же атомов. Человеческое тело и человеческий мозг можно разложить на определенное количество химических веществ. В смысле вещественности нет никакого различия между живым организмом и так называемой неодушевленной вещью. А мир вещественный подчинен определенным законам, из которых один из основных — закон причинности. В этом вещественном мире нет никаких бессмысленных и нелепых понятий «свободных» действий. Шар катится, когда мы его толкаем. И он не может катиться без этого толчка и не может не катиться, когда толчок дан. И он был бы смешон, если бы, имея сознание, стал бы уверять, что катится по своей свободной воле и что толчок — это его свободное желание. Он не более, как шар, который катится в зависимости от тех или иных толчков, будучи вещью, напрасно воображает себя каким-то «свободным» существом.

Все сказанное может быть заключено в следующий логически неизбежный ряд: никакого иного бытия, кроме материального, не существует. Если это так, то и человек — только материальная частица. Если человек — только материальная частица, то он подчинен всем законам, по которым живет материальный мир. Если мир живет по законам причинности, то и человек, как частица вещества, живет по этим же законам. Если материальный мир не знает свободных «беспричинных» явлений, то и воля человека не может быть свободной и сама должна быть причинно-обусловленной. Итак, свободы воли не существует. Ты согласен, что я рассуждаю строго логически?

Неизвестный. Да.

Духовник. Ты согласен с этим выводом?

Неизвестный. Нет, конечно, не согласен. Я чувствую свою свободу.

Духовник. Будем рассуждать дальше. Перед нами вопрос о хороших и дурных поступках. Один человек отдал последний кусок хлеба голодному. Другой отнял последний кусок у голодного. Признаешь ли ты нравственное различие этих двух поступков?

Неизвестный. Признаю.

Духовник. А я утверждаю, что никакого материального различия между этими поступками нет, потому что вообще понятия добра и зла — полнейшая

бессмыслица. Мы уже показали бессмысленность понятия свободы воли в вещественном мире. Такою же бессмыслицей мы должны признать и понятия добра и зла. Как можно говорить о нравственном поведении шара, который двигается, когда его толкают, и останавливается, когда встречает препятствие? Если каждое явление причинно-обусловленно, то в нравственном смысле они безразличны. Понятия добра и зла логически неизбежно предполагают понятие свободы. Как можно говорить о дурных и хороших поступках, когда и те и другие одинаково не зависят от того лица, которое их совершает?

Представь себе автомат, который делает только те движения, которые обуславливает заведенная пружина — разве ты скажешь, что автомат поступил нравственно или безнравственно, опустив руку? Он опустил руку, потому что не мог сделать иначе, потому что такова его пружина, и поэтому его механические действия никакой моральной оценки иметь не могут.

Но чем же отличается живой человек от автомата? Только тем, что пружина автомата видна, а пружина живого человека не видна. Но как тот, так и другой — лишь кусочки вещества, и потому они никаких иных действий, кроме механических, то есть причинно-обусловленных, производить не могут.

Все сказанное заключим опять в последовательный логический ряд: никакого иного мира, кроме вещественного, не существует. Если это так, то и человек — только частица вещества. Если он частица вещества, то подчинен законам вещественного мира. В вещественном мире все причинно-обусловлено, потому и у человека нет свободной воли. Если у него нет свободной воли, то все его поступки, как механически неизбежные, в нравственном смысле безразличны. Итак, «добра» и «зла» в вещественном мире не существует. Ты согласен, что я рассуждаю совершенно логично?

Неизвестный. Да, я не заметил никакой ошибки в твоих рассуждениях.

Духовник. Значит, ты согласен с моими выводами?

Неизвестный. Нет, не согласен.

Духовник. Почему?

Неизвестный. Потому что во мне есть нравственное чувство, и я никогда не соглашусь, что нет морального различия между подлым и благородным поступком.

Духовник. Очень хорошо. Будем рассуждать дальше. Перед нами вопрос о смысле жизни. Ты признаешь, что какой-то смысл жизни существует?

Неизвестный. Да, признаю.

Духовник. А я утверждаю, что никакой цели и никакого смысла у человеческой жизни нет, потому что ни о каком смысле не может быть речи там, где отрицается свобода воли и где вся жизнь рассматривается как цепь механических явлений. Когда ты говоришь: я протянул руку, чтобы взять стакан, — ты имеешь два факта, связанных между собой, как цель связывается со средством. Цель — взять стакан, средство — протянутая рука. И хотя ты, как частица вещества, лишен свободы воли, потому и цель твоя, и средство твое суть не более, как механические явления, но все же, в известном смысле, можно сказать, что в твоём движении руки была цель. Если ты возьмешь всю свою жизнь в ее совокупности и поставишь вопрос о цели этих связанных друг с

другом целесообразных фактов, то такой цели при отрицании вечной жизни быть не может. Смерть прекращает твою жизнь, тем самым прекращает и цель, какую бы ты ни поставил в оправдание всей своей жизни, и делает ее «бесцельной». Отрицая бессмертие и признавая только вещественный мир, можно говорить о цели в самом ограниченном смысле — о цели отдельных поступков, всегда при этом памятуя, что каждый этот поступок есть не что иное, как механически обусловленное действие автомата. Ты согласен с этим?

Неизвестный. Нет, не согласен. Разве не может быть целью человеческой жизни такое возвышенное стремление, как счастье грядущих поколений?

Духовник. Нет, не может быть. Во-первых, нет ничего возвышенного и нет ничего низменного, коль скоро все совершается одинаково несвободно, автоматически, по тем или иным законам вещества. Если один умирает за грядущее счастье людей, а другой предаёт их, то не потому, что один поступает возвышенно, а другой низко, — они поступают по-разному, как два разных автомата, у которых разные пружины, обуславливающие разные автоматические действия. Но если рассмотреть вопрос и с другой стороны — с точки зрения условной целесообразности этих явлений, то никак эта «возвышенная цель» не может оправдать жизнь человеческую. В самом деле, если человеческая жизнь не имеет цели, то почему эту цель может дать счастье грядущих поколений? Ведь жизнь каждого из представителей этих грядущих поколений также не имеет никакой цели. Каким образом может осмыслить жизнь человеческую счастье бессмысленно живущих людей? В какую бы даль ни отодвигали бессмыслицу и бесцельность, она не приобретает от этой дальности расстояния ни цели, ни смысла.

Неизвестный. Однако люди, совершенно отрицающие вечную жизнь, во имя этой цели жертвуют собой не на словах, а на деле. Очевидно, для них «счастье грядущих поколений» не пустой звук. За пустой звук не отдашь свою жизнь.

Духовник. Во-первых, они отдают свою жизнь не почему-либо иному, как все по той же основной причине: так комбинируются атомы, так действует механическая причина, что иначе они поступить не могут. Но, конечно, оставаясь верным логике, мы должны назвать такую жертву совершенно бессмысленной. И если ты скажешь человеку: иди умирать за счастье людей, которые будут жить через несколько десятков лет, — он вправе ответить: а какое мне дело до счастья этих ненужных людей, чтобы я отдал за них свою собственную жизнь?

Неизвестный. Ужасные выводы все-таки.

Духовник. Да, ужасные. Но их следует сделать неизбежно. И если ты не хочешь, не можешь их принять, чувствуешь их неправду, ты должен отвергнуть основную посылку, то есть отвергнуть отрицание бессмертия. Ведь эти выводы, в конце концов, гораздо бессмысленнее для твоего разума, чем признание бытия без материальной основы или «беспространственности» души.

Неизвестный. Да, конечно. Особенно трудно принять вывод об отсутствии смысла жизни. Так величественна история человечества, так много

создано человеческим гением, так прекрасны произведения искусства, наконец, в своей собственной жизни столько возвышенных стремлений, столько внутренней борьбы, столько страданий, что дикою кажется мысль о бесцельности всего этого. Но что меняется в этом вопросе при вере в бессмертие?

Духовник. Все меняется совершенно! Вечная жизнь, как нечто, не имеющее предела и потому не нуждающееся для своего оправдания в чем-то последующем, может быть самодовлеющей целью и потому может осмыслить весь предшествующий ряд явлений, то есть все конечные моменты земной жизни. Остановимся на этом подробнее. Со стороны формальной, земная жизнь человеческая есть последовательный ряд причин и следствий, который, с точки зрения целесообразности, может рассматриваться как ряд средств и целей. Например: я иду по улице, чтобы купить хлеб. Я совершаю ряд движений, которые являются средством для достижения цели — покупки хлеба. Какова цель покупки хлеба? Мне хочется есть, и я хочу утолить голод. Эта цель совершенно достаточна, чтобы дать смысл покупке хлеба. Но можно ли сказать: цель моей жизни — утолить голод? Такая цель не может оправдать жизнь, потому что конечное само определяется чем-то последующим, что является для него целью. Целью окончательной, дающей смысл всем предыдущим преходящим моментам, может быть только то, что остается всегда и потому не нуждается в последующей цели как своем оправдании. Такая цель и есть жизнь вечная. В ней заключается смысл жизни земной.

Неизвестный. Как же ты определишь этот смысл? Для чего надо жить, если есть бессмертие?

Духовник. Ответ ясен и прост. Надо жить для того, чтобы в процессе земной жизни достигнуть наилучшего устройства бессмертной своей души. Нас ждет жизнь вечная — и в зависимости от достигнутого здесь духовного состояния — будет тем или иным наше вечное бытие. Освещаемая этой вечной задачей, вся земная жизнь до последней мелочи приобретает великий смысл. При отрицании бессмертия самые крупные события ничтожны, потому что вся жизнь твоя в своей совокупности бессмысленна, а потому и ничтожна. При вере в бессмертие, напротив, самое ничтожное событие приобретает великий смысл, потому что великий смысл приобретает вечная твоя жизнь. Для верующего человека нет в жизни мелочей. Все может иметь положительное или отрицательное значение для внутреннего устройства, потому что все в жизни важно, все связано с вечным ее началом в положительном или отрицательном смысле.

Неизвестный. Да, ответ ясен. Но сколько опять поднимается вопросов и недоумений! Зачем тогда рождаются идиоты? Какой смысл в рождении сейчас же умирающих младенцев и прочее, прочее?..

Духовник. Да, много есть вопросов, на которые мы не можем ответить. Потому что многое нам не открыто в Божественном откровении и для человеческого разума, без высшего откровения, недоступно. Но разве на все вопросы могут ответить признающие только вещественный мир и разве все явления для них понятны? Однако это не заставляет тебя сомневаться в том,

что ты считаешь основными истинами о веществе. Так же и здесь. Если на какой-либо вопрос мы не имеем ответа — это нисколько не должно нас смущать, коль скоро мы поняли главное, — что мир имеет потустороннее бытие, кроме видимого вещественного, и человек, кроме тела, имеет бессмертную душу. Что же касается вопросов твоих о младенцах и идиотах, то они до некоторой степени могут быть объяснены нами. Мы знаем, каков смысл жизни у человека, живущего на земле. Но совершенно не знаем, и это тайна Премудрости Божией, зачем нужно, чтобы он родился, зачем нужно соединение души и тела. Очевидно, самое соединение это является необходимым условием той вечной жизни, которую даровал людям Господь. Если так, то и младенцы, и идиоты — это условие имеют как вечной жизни участники. И этим уже оправдывается явление их на свет. Неведомо только нам, почему процесс жизни земной для одних душ нужен полностью, для других вовсе не нужен, и они умирают, лишь облекшись в материальную форму, трети, наконец, как идиоты, должны понести физическое возрастание, имея душу, совершенно загражденную слабостью разума.

Неизвестный. Еще вопрос. Если смысл жизни где-то там, на небесах, то все здешнее делается безразличным. Зачем бороться со злом? Терпи. Умрешь — там будешь блаженствовать. Но против перенесения смысла жизни в загробную область во мне протестует мое право на жизнь здесь, на земле.

Духовник. То, что ты говоришь, — это ходячее и совершенно ложное обвинение. Напротив, вера в бессмертие вливает энергию в борьбу со злом. Человек не кусок материи, который сгниет, а нечто, имеющее великую ценность, потому что он является носителем вечного бессмертного начала. Поэтому все существо верующего человека охватывает желание бороться с тем, что калечит и губит эту вечную ценность.

Верующему человеку настолько важнее бороться со злом, чем человеку неверующему, насколько вечность больше краткого мгновения земной жизни. Если неверующие люди, для которых человек не более, как кусок материи, живущий неизвестно зачем 50–60 лет и потом распадающийся на составные части, борются со злом, то как же должен бороться с ним тот, для кого человек имеет вечную бессмертную душу?

Неизвестный. Все это так сложно, так отвлеченно и так трудно принять!

Духовник. Простота неверия кажущаяся. Неверующие люди поступают недобросовестно. Они отрицают бессмертие и этим освобождают себя от тех нравственных обязательств, которые возлагает на человека религия. Неверие дает простор в удовлетворении страстей, и безудержный эгоизм становится главной движущей силой. Но, освободив себе путь для эгоистической жизни, они в то же время не хотят сделать всех выводов, к которым их обязывает неверие. Если бы они эти выводы сделали добросовестно, получился бы такой ужас, что им ничего не осталось бы другого, как бежать от своего неверия и искать спасения от безнадежного отчаяния в религии. Вместо этого они предпочитают грубый самообман. Они продолжают употреблять слова, не имеющие в их устах решительно никакого смысла: «свобода», «добро» и «зло», «цель жизни» и этими словами спасают себя от ужаса неизбежных выводов

неверия. Но эти слова чужие. Только религия дает им действительное содержание. Самообман ловкий, очень удобный, но не прочный. Отвергнув религию, потому что так удобнее, и позаимствовав от нее слова, на которые не имеет права (потому что так тоже удобнее), неверие не может удовлетворить человеческую совесть. Она непременно скажет более или менее слышно, что сказал ты: я чувствую свободу воли. Значит, человек не вещь. Я чувствую различие добра и зла. Значит, есть иной, не только вещественный мир. Я чувствую смысл жизни. Значит, неверие — ложь. Против насилия повседневного элементарного рассудка протестует бессмертный дух наш и побуждает совесть искать истину. Не рассудок, а сама душа знает и таинственное непостижимое начало свободы, которая дарована ей, и коренное различие добра и зла, и высший, вечный смысл человеческой жизни. Потому и можно сказать положительно: добросовестное неверие всегда приводит к вере.

Неизвестный. А что, если окажется легче принять ужас, чем веру? Что, если ты меня убедишь, что «свобода», «добро» и «зло», смысл жизни — чужие слова, и надо выбирать: или полный отказ от этих слов и признание всех ужасающих выводов последовательного неверия, или право на эти слова и вместе с тем религиозную их основу. И что, если при такой постановке вопроса, я не смогу выбрать второе и выберу все-таки первое, как ты тогда будешь убеждать меня в истинности твоей веры?

Духовник. Тогда я не буду убеждать тебя, вот и все.

Неизвестный. Почему?

Духовник. Один великий человек сказал, что абсолютная истина и абсолютная нелепость одинаково не требуют доказательств.

Неизвестный. Как не требуют? Выводы, к которым ты пришел в своих рассуждениях, ужасны. Но нельзя заставить себя веровать из страха перед неизбежностью принять их. Твои рассуждения могут привести человека к такому безнадежному решению: ничего, кроме материи, не существует. Я в этом убежден. Из этого следует, что человек автомат, добра и зла не существует и жизнь человеческая не имеет никакого смысла. Это ужасно. Но пусть так. Если эти выводы, неизбежны, я принимаю и эти выводы. Что можешь сказать ты такому человеку в защиту веры? Чем опровергнешь его неверие? Неужели, по-твоему, с таким человеком просто не стоит разговаривать?

Духовник. Нет, ты не понял меня. В конечном итоге вера и неверие логически одинаково недоказуемы. Что может сделать логика? Она может вскрыть ложь основной посылки, показав, к каким нелепым выводам эта ложная посылка приводит. Но если человек лучше готов принять явно нелепые выводы, чем отказаться от этой посылки, — тут логика бессильна. такому человеку можно помочь иным путем. Ему не надо доказывать, а надо раскрыть положительное содержание истины. И если непосредственное чувство подскажет ему, что это действительно истина, — он ее примет.

Неизвестный. Какого метода ты будешь держаться со мной?

Духовник. И того, и другого. Говоря о бессмертии, я пользовался логическим методом, потому что ты обещал мне в случае явно нелепых выводов остаться при своих убеждениях о свободе воли, добре и зле и смысле

жизни и отказаться от неверия в бессмертие как основной посылки. Что же касается всех наших разговоров в их совокупности, я надеюсь, что они дадут то, что достигается вторым методом, то есть раскроют перед тобой самое содержание истины. Но это касается будущего. А теперь вернемся к нашим рассуждениям и подведем итог сказанному.

Неизвестный. Хорошо. Подводи итог, но потом я должен сказать тебе еще нечто.

Духовник. Прекрасно. Итак, рассмотрение веры в бессмертие нас привело к следующим выводам. Во-первых, вера в бессмертие не так противоречит разуму, как кажется с первого взгляда, потому что и в материальном мире есть явления, не вполне совпадающие с обычным нашим представлением о веществе. Во-вторых, условно допустив истинность отрицания всякого бытия, кроме вещественного, мы пришли к целому ряду логически неизбежных нелепых выводов, таких, как отрицание свободы воли, различия добра и зла и смысла жизни.

В-третьих, эти нелепые выводы, противоречащие непосредственным и несомненным данным нашего сознания, заставили нас отвергнуть основную посылку, из которой они вытекали, то есть наше утверждение, что никакого иного мира, кроме вещественного, не существует, и человек является лишь частицей этого вещественного мира.

Неизвестный. Да, правильно. Только последнее я бы не мог принять в столь категорической форме. Я бы сказал так: эти выводы поставили под сомнение истинность основной посылки о том, что человек только частица вещества.

Духовник. Пусть для тебя это будет так — твое субъективное состояние от моей логики не зависит. Но логически, то есть объективно, я утверждаю, что неизбежно не только поставить под сомнение эту основную посылку, а отвергнуть ее совершенно.

Неизвестный. Допустим. Но для меня важна не только отвлеченная или, как ты говоришь, объективная истина, а именно субъективная уверенность. Вот к этому имеет отношение и то, что я хотел тебе сказать.

Духовник. А именно?

Неизвестный. Можно ли назвать верой то, что дают какие бы то ни было рассуждения?

Духовник. Конечно, нет.

Неизвестный. Вот видишь, и ты согласен с бесплодностью рассуждений. Меня, по крайней мере, убедить могут только факты, потому что безусловную уверенность всегда дает опыт. Отвлеченные доказательства в лучшем случае приводят к мысли: «а может быть, и так». Если бы «логика» в отвлеченных вопросах имела силу математических доказательств, тогда — да, она могла бы заменить факты. Но этого нет. И если я не знаю, что тебе возразить, из этого не следует, что ты убедил меня. У меня силу твоих рассуждений подтачивает мысль: а как же другие? Сколько великих ученых не имеют веры и признают только материальный мир! Неужели им неизвестны эти рассуждения? Очевидно, возражения есть, только я их не знаю. Иначе все должны были бы

стать верующими. Ведь все признают, что Земля движется вокруг Солнца, и что сумма не меняется от перемены мест слагаемых. Значит, бессмертие не математическая истина. Эти соображения превращают для меня твою истину в простую возможность. Но возможность в вопросах веры — это почти ничто.

Духовник. Представь себе, я согласен со многим из того, что ты сказал. Но выводы мои совсем иные. Прежде чем говорить об этом, уклонюсь в сторону: об ученых и математических доказательствах. Ведь нам с тобой придется говорить о многом, и это пригодится. Вот ты сказал о неверующих ученых, что в тебе их имена подтачивают безусловную веру. Но почему тогда имена верующих великих ученых не подтачивают безусловной твердости твоего неверия? Почему ты так же не хочешь сказать: «Неужели им неизвестны рассуждения неверующих людей? Очевидно, возражения есть, только я их не знаю. Иначе все должны бы стать «неверующими»». Ведь тебе известны слова Пастера: «Я знаю много и верую, как бретонец, если бы знал больше — веровал бы, как бретонская женщина». Ты прекрасно знаешь, что великий Лодж, председательствуя в 1914 г. на международном съезде естествоиспытателей, заявил в публичной речи о своей вере в Бога. Ты знаешь, что наш Пирогов в изданном после его смерти «Дневнике», подводя итог всей своей жизни, говорит: «Жизнь-матушка привела наконец к тихому пристанищу. Я сделался, но не вдруг, как многие, и не без борьбы, верующим...» «Мой ум может уживаться с искреннею верою, и я, исповедуя себя очень часто, не могу не верить себе, что искренне верую в учение Христа Спасителя...» «Если я спрошу себя теперь, какого я исповедания, — отвечу на это положительно — православного, того, в котором родился и которое исповедовала моя семья». «Веру я считаю такою психологическою способностью человека, которая более всех других отличает его от животного...»

А Фламмарин, Томсон, Вирхов, Лайель? Не говоря уже о великих ученых, философах и писателях. Неужели все эти великие ученые чего-то не знали, что знаешь ты, и неужели они знали меньше, чем рядовой современный человек (неверующий). Почему эти имена не заставляют тебя сказать о неверии хотя бы то же, что ты говоришь о вере: «Эти соображения превращают для меня неверие в простую возможность». Теперь о математических истинах. Даже здесь не все так безусловно, как тебе кажется. Иногда элементарные математические истины находятся в видимом противоречии с математическими истинами высшего порядка. В элементарной геометрии мы знаем «математическую истину», что все точки двух параллельных линий отстоят друг от друга на равном расстоянии. Но высшая математика утверждает, что параллельные линии в бесконечности пересекаются. Из элементарной арифметики мы знаем «математическую истину», что сумма не меняется от перемены мест слагаемых. Но механика утверждает, что сумма сил от перемены их мест меняется.

Вернемся теперь к вопросу о значении рассуждений в деле веры. Да, ты прав, когда говоришь, что безусловную веру может дать опыт. Не факты, а именно опыт. Каждый факт можно взять под сомнение. Опыт — дело другое. Опыт и есть самое твердое основание веры... Таким образом, из твоей верной

оценки относительно значения отвлеченных рассуждений, вывод должен быть такой: пока у человека не будет религиозного опыта, ни факты, ни рассуждения не дадут ему настоящей веры. Без этого опыта он может лишь «допускать» истинность того, чему учит вера, но всегда с оговоркой: «а может быть, и не так». Если ты видишь солнце своими собственными глазами, неужели твоя уверенность, что оно существует, хоть сколько-нибудь зависит от того, что его видят и другие. И неужели, если бы большинство потеряло способность видеть солнце и стало утверждать, что его нет, ты поколебался бы в том, что видел собственными глазами и стал бы говорить о солнце, что, «может быть», оно существует.

Неизвестный. Но я не понимаю, какой опыт может дать уверенность в бессмертии.

Духовник. Тот внутренний опыт, который у религиозных людей столь же несомненен и так же утверждает для них реальность невидимого, как утверждает для тебя реальность видимого опыт твоих внешних чувств.

Неизвестный. Скажи подробнее, что ты разумеешь под этим внутренним опытом?

Духовник. Внутреннее чувство своего духовного бессмертного начала.

Неизвестный. Но солнце видят все, а чувство, о котором ты говоришь, имеют некоторые.

Духовник. Да. И на это есть свои причины. Большинство людей живет недуховной жизнью. Высшее таинственное начало в человеке, которое именуется духом, остается вне их жизни. Естественно, что теряют они и самое чувство своей духовной природы. Оно совершенно заслонено и подавлено реальными чувственными впечатлениями и переживаниями. Все они живут телесной жизнью, и потому все имеют чувственный опыт. Но не все живут духовной жизнью, и потому не все могут иметь духовный опыт. Надо глубоко заглянуть в свой внутренний мир. Надо вызвать к жизни заглохшее духовное начало, надо начать питать его духовною пищею. Тогда мало-помалу в этих внутренних переживаниях все несомненное и несомненное раскроется реальность души, подлинность вечного в ней начала, существенное различие в человеке его телесности и того, что не подлежит тлению. Все, что касается внутренней жизни, трудно выразить словами. Поэтому трудно описать и тот опыт, о котором ты спрашиваешь. В этом опыте ты чувствуешь жизнь совершенно по-новому, ты как будто погрузишься в нее весь, и это откроет тебе, что сущность ее совершенно иная, чем вещество. Ты будешь ощущать какое-то соприкосновение через это ощущение жизни с другим миром, невещественным, и иными человеческими душами, ты будешь улавливать такие оттенки внутренних состояний, которые раньше не замечал и которые явно неземного происхождения. Тебе откроется постоянное действие на тебя сил, каких-то неведомых для тебя, ничего общего не имеющих с теми силами, которые действуют в вещественном мире. Ты начнешь входить через эти переживания своей душой в совершенно иной мир, и твое тело, и мир вещественный станут тяготить тебя своей косностью и тяжеловесностью. Ты с

радостью будешь уходить в себя, чтобы побыть в том, другом мире, который станет для тебя дороже, ближе и роднее, чем косный и тяжеловесный материальный мир. И чем более духовен человек, тем непреложнее для него свидетельствует этот внутренний опыт об особом, непостижимом, но несомненном духовном мире, к которому принадлежит и его бессмертный дух. Неверие, то есть отсутствие этого непосредственного знания бессмертия, начнет казаться таким же странным, каким показалась бы человеку, имеющему зрение, потеря, не у слепого человека способности видеть солнце. В самом деле, создается такое положение: стоит человек, имеющий в себе живое, неопровержимейшее доказательство иного, невещественного мира и вечной своей жизни, и утверждает, что никакой вечной жизни нет и что его разум не может принять такой бессмыслицы, как бессмертие.

Казалось бы, и размышлять нечего, и логики никакой не требуется, и никаких других фактов не надо, кроме одного, который в тебе самом, перед твоим внутренним зрением, но который ты упорно не желаешь видеть: «Докажи бессмертие», «Заставь меня поверить», «Приведи факты». Ну, конечно, самое убедительное, что могло бы быть, — это не философские рассуждения о свободе, о добре и зле, о смысле жизни, а собственный опыт, то есть если бы человек мог заглянуть в свою душу и там ощутить свое бессмертие.

Неизвестный. Но тогда вопрос переносится в другую плоскость — как этого достигнуть?

Духовник. Да, это уже совершенно иной, и очень большой вопрос. Говорить о нем — значит говорить о Церкви, о таинствах, о молитве и о многом другом. А как можно говорить об этом, не имея веры в Бога?

Неизвестный. Так не лучше ли нам перейти к вопросу о Боге?

Духовник. Хорошо. Я тоже думаю, что начать лучше всего с этого.

Диалог второй О БОГЕ

Неизвестный. Да, ты прав, какой вопрос ни возьми, непременно придешь к вопросу о Боге. Поэтому позволь выложить перед тобою все, что делает меня неверующим. Может быть, многое здесь не будет иметь прямого отношения к делу и заставит нас отклониться в сторону. Но иначе я говорить не умею.

Духовник. Говори, не думая о форме, я постараюсь понять тебя.

Неизвестный. Во-первых, я заранее должен тебе сказать, что все схоластические доказательства бытия Божия — кажется, их семь штук — мне известны. Не трудись, пожалуйста, вновь перебирать их. Я думаю, что никого они еще не сделали верующими и менее всего тех, кто их сочинял.

Духовник. Не беспокойся. В вопросе о Боге я меньше буду пользоваться логическим методом, чем в вопросе о бессмертии.

Неизвестный. Значит, ты хочешь не доказывать, а показывать истину?

Духовник. Да.

Неизвестный. Постараюсь добросовестно рассмотреть ее. До сих пор я ничего не видел в учении о Боге, кроме фантастической сказки, в которую к

тому же давно никто не верит. Когда я встречал образованных людей, живущих, между прочим, совершенно так же, как и все неверующие люди, и говорящих о своей вере, — я невольно думал: неужели они не притворяются? Неужели серьезно можно верить во все эти басни?

Духовник. Признание безусловной искренности друг друга — необходимое условие нашего разговора.

Неизвестный. Да, да, конечно. Я привел эту мысль только для иллюстрации, насколько трудно мне допустить возможность веры. Итак, с чего же начать? Начну с второстепенного. Вот ты православный священник и убежден, что знаешь истину. По твоей истине Бог троичен в лицах и един по существу. Ты веруешь в этого Бога и всякую другую веру считаешь заблуждением. Если бы я от тебя пошел бы к мулле, он стал бы говорить мне о своем едином Аллахе и тоже утверждал бы, что знает истину и твоего троичного Бога считал бы ложью, совершенно не соответствующей учению Магомета. Потом я пошел бы к буддисту. Он мне стал бы рассказывать легенды о Будде. И утверждал бы, что он только один знает истину. Я пришел бы к язычнику. Он назвал бы мне несколько десятков своих богов и тоже утверждал бы, что он только один знает истину. Это множество всевозможных религий, часто исключаящих друг друга и всегда утверждающих, что истина только у них, прежде всего заставляет усомниться, что в какой бы ни было из них есть истина. Логика в вопросах веры бессильна, а субъективная уверенность, очевидно, недостаточна. Ведь все представители этих различных религий имеют одинаковую субъективную уверенность и тем не менее только свою истину считают настоящей. Другими словами, только за своими субъективными состояниями они признают объективное значение.

Духовник. Твое мнение подобно тому, как если бы кто усомнился в истинности научного знания только потому, что по каждому научному вопросу десятки ученых высказывают различные взгляды. Ясно, что прав кто-то один. И для тебя научной истиной будет, что соответствует твоему пониманию этой истины. Возьми хотя бы вопрос о происхождении видов. Разве достигнуто здесь полное единомыслие? До сих пор многие совершенно опровергают теорию Дарвина. Многие возвращаются к Ламарку. Есть и неоламаркисты и неодарвинисты. До сих пор еще в науке идут споры по этому основному вопросу биологии. Однако ты не говоришь: «Биология не знает истины, потому что разные ученые разное считают истиной».

Неизвестный. Да, но в науке есть вопросы, решенные одинаково всеми.

Духовник. Есть они и в религии. Все религии признают бытие Божие. Все признают Бога первопричиной всего сущего. Все признают реальную связь божественной силы с человеком. Все признают, что Бог требует исполнения нравственного закона, все признают кроме видимого невидимый мир, все признают загробную жизнь. Поэтому одна религия исключает другую не безусловно. В каждой религии есть доля истины. Но полнота ее заключается действительно в одной, в христианской, поскольку она раскрыта и сохраняется в Православной Церкви.

Неизвестный. Вот видишь, опять новое подразделение: поскольку она

раскрыта и сохраняется в Православной Церкви. А католики? Протестанты? Англиканцы? Кальвинисты? А множество всевозможных сект? Менонниты, баптисты, квакеры, молокане, духоборы, хлысты и другие — ведь все они только себя считают настоящими христианами, и Православие кажется им грубым искажением Евангелия. Как же быть? Кому же из вас верить?

Духовник. Сколько бы ни было разногласий, истина от этого не перестает быть истиной. Ты это понимаешь в отношении науки. Пойми и в отношении религии. Частичную правду многие по разным причинам признают за полную истину, но полная истина существует, и когда ты ее увидишь, то сразу узнаешь.

Неизвестный. Почему не узнают все?

Духовник. В громадном большинстве случаев по неведению, потому что им не известно учение Православной Церкви. А если известно и все же не видят истины, то причина коренится в нравственной области. Религия не наука. Нравственное состояние человека — необходимое условие для познания религиозных истин.

Неизвестный. Значит, по-твоему, полноту истины не видят в Православии, благодаря своему греху?

Духовник. Да. Гордость, эгоизм, страсти делают человека настолько невосприимчивым к чувствованию истины, что, и видя, ее не узнают. Таковыми бывают, главным образом, родоначальники заблуждений и первые их приверженцы. А дальше заблуждение продолжает действовать из поколения в поколение, потому что в этом заблуждении воспитываются и вырастают и настоящей истины даже не стараются узнать.

Неизвестный. Это, во всяком случае, остроумно. Если твоя истина меня не убедит, ты всегда можешь сказать: сам виноват — поменьше бы грешил.

Духовник. Да, совершенно верно, и могу так сказать, и скажу. Потому что совершенно убежден в том, что знать по-настоящему учение Православной Церкви и не чувствовать его истинность можно только при каком-то нравственном помрачении.

Неизвестный. Пусть так. Ведь, в конце концов, мне важно не то, как ты будешь оценивать мое нравственное состояние, а то, как ты оправдаешь свою веру. Выслушай меня дальше. Все сомнения мои о невидимой душе еще в большей степени касаются невидимого Бога. И понятно. Ведь, когда речь шла о душе, перед нами было все же какое-то несомненное бытие — «человеческая личность», и вопрос был лишь о ее составе. Здесь же мы говорим о чем-то совершенно фантастическом. О каком-то несуществующем «лице», которое создало наше собственное воображение, и делаем вид, что речь идет о чем-то действительно существующем. И что всего замечательнее, что этот выдуманный нами Бог, как нарочно, снабжен нами самыми нелепыми свойствами. Это, вероятно, для того, чтобы не так легко было обнаружить его фантастичность. Ведь, если бы в Боге все было понятно — сразу было бы ясно, что его нет. Что же такое, по вашему учению. Бог? По-видимому, это какая-то личность. Во всяком случае, верующие награждают своего Бога всякими свойствами человеческой личности. Он имеет разум, волю, чувства, гневается,

любит и т. п. Но эта личность в то же время обладает и такими свойствами, которые прямо противоположны понятию личности. Бог не только всемогущ и всеведущ. Он не имеет никаких границ, всегда был и везде присутствует. Как, спрашивается, совместить представление о личности с понятиями «вездесущий» и «безграничный»? Под словом личность мы всегда мыслим нечто, имеющее предел, «отделяющий» то, что не составляет личность, от того, что ее составляет. Как личность может быть везде? Тогда, значит, все и есть эта личность, и вне этой личности, очевидно, ничего нет. Правда, видя явную нелепость всех этих определений, верующие люди спешат прибавить, что Он еще и непостижим. Но такая поправка не спасает положения. Нельзя же в самом деле наговорить кучу нелепостей и потом оправдывать их непостижимостью того, о ком они наговорены. Если Бог непостижим, то не лучше ли сказать прямо: Бог есть, но я не знаю, почему в Него верую, так как постигнуть Его невозможно. Может быть, мы на этом пока остановимся? Или говорить дальше?

Духовник. Да, я думаю на этом лучше остановиться. Прежде всего везде будем иметь в виду относительность всех человеческих понятий в применении к вопросам веры. Вот ты говоришь: «личность». А можешь ли ты, отделив понятие «личности» от понятия «тела», с достаточным основанием говорить о ее «границах»? Ты здесь опять навязываешь «пространственность», столь необходимую для твоих восприятия материального мира и совершенно чуждую бытию духовному. Те свойства, о которых ты сказал, — ум, воля, чувство — они сами не занимают никакого пространства, и потому, когда ты говоришь о непримиримых противоречиях божественных свойств с определением Его как личности, ты мнимые противоречия усматриваешь здесь потому, что видишь перед собой «личность» материальную и прикладываешь к ней понятие не материального порядка. Но, если бы ты допустил личность без материальной основы, оставив за ней лишь разум, волю и чувство, — ты сразу перешел бы в совершенно иную, «непространственную плоскость» и перестал бы смущаться этими кажущимися противоречиями. Ты должен был бы признать, что Бог и душа одинаково беспространственны и что разница личности Бога и личности человека не в том, что человек занимает «мало» места, а Бог присутствует «везде», то есть занимает «много места», а в том, что неведомое бытие одного относительно, а другого абсолютно. Перечисляя эти абсолютные свойства в земных понятиях, мы в то же время мыслим, что они касаются того, чему эти земные понятия будут соответствовать там, в совершенно иных условиях бытия. Но что-то соответствует и там нашему пространству. Это «что-то» у Бога является в абсолютной полноте, а у человеческой души лишь относительно и потому ограничено. Поэтому мы и утверждаем, имея в виду абсолютность этого свойства, соответствующего пространственности, что Бог вездесущ.

Неизвестный. Меня до известной степени удовлетворяют твои объяснения. Но я не понимаю, почему вы говорите о непостижимости Божества.

Духовник. О непостижимости говорим потому, что знать о некоторых

свойствах Божиих, которые Сам же Господь открыл о Себе людям, — это еще не значит постигнуть ограниченным человеческим сознанием все безграничное содержание Существа Божия.

Неизвестный. Как же можно признавать непостижимое? Ведь мы все признаем существующим лишь настолько, насколько можно постигнуть разумом?

Духовник. Ни в коем случае. Есть нечто вполне реальное, что признает существующим неверующий разум и в то же время не может признать непостижимым.

Неизвестный. А именно?

Духовник. Бесконечность пространства и вечность времени.

Неизвестный. Для меня это не совсем понятно.

Духовник. Ведь ты, признавая только материальный мир, признаешь реальность пространства и времени так, как даны они твоему сознанию. Ты мыслишь их «метафизически», они для тебя реальная «протяженность», которая служит для измерения вещей и чередования явлений. Поэтому для тебя имеет совершенно реальный смысл и понятие «бесконечности» в смысле пространства, не имеющего конца, и «вечности» в смысле времени, не имеющего предела. Для тебя это не «дурная бесконечность», а объективно и реально существующая.

Неизвестный. Да.

Духовник. Но разве твой разум «постигает» понятия бесконечности пространства и беспредельности времени? Для тебя нелеп, потому что непостижим, вездесущий Бог. Но насколько нелепо, хотя столь же непостижимо, «бесконечное» пространство! Разве ты можешь по свойству ума своего мыслить нечто, не имеющее конца и предела? Коль скоро пространство для тебя «реальность», попробуй вести мысленно линию «без конца», попробуй вообразить себе вселенную, не имеющую предела. Вообрази себе, что ты миллиарды верст отсчитываешь куда-то вдаль от Земли, на которой стоишь, и сколько бы верст ни отсчитывал, насколько не приближаешься к концу. Ты бы мог отсчитывать эти версты в течение тысячелетий и все равно был бы в том же положении, потому что конца не существует вовсе... Попробуй представить себе все это — и ты с полной ясностью поймешь всю невозможность для человеческого разума постигнуть понятие бесконечности. Ты мыслишь все имеющим предел. Таково свойство твоего ограниченного разума. И если ты поставишь такую же задачу в отношении времени, твой разум окажется в таком же беспомощном положении. Попробуй вообразить себе миллиарды уже прошедших веков и миллиарды веков грядущих и при этом почувствуй со всей реальностью, что какие угодно чудовищные цифры в прошлом и будущем насколько не могут приблизить тебя к какому-либо пределу потому, что нет у времени ни начала ни конца. И тебе станет совершенно очевидна полнейшая неспособность твоего разума постигнуть понятие вечности. И вот, несмотря на эту невозможность постигнуть бесконечность времени, ты утверждаешь несомненную реальность и того и другого.

Неизвестный. Это неизбежно. Как же я могу допустить предел? Ясно,

что хотя мой ум и не в состоянии представить беспредельное, но было бы абсурдом допустить и предел: ведь какую бы громадную цифру мы ни взяли — всегда можно увеличить ее еще.

Духовник. Совершенно верно. Положение твоего разума безвыходное: с одной стороны, невозможно представить бесконечность, с другой стороны, невозможно положить и предел. Из этого безвыходного положения ты находишь выход в том, что признаешь несомненно существующим непознаваемое понятие бесконечности. Не так ли?

Неизвестный. Да, это верно.

Духовник. Но таково же положение человеческого — ума и в вопросе о Боге. Постигнуть его нельзя. Отрицать нелепо. Остается одно: признать бытие Его и непостижимым, и несомненным.

Неизвестный. Аналогия едва ли может быть доказательством.

Духовник. Я и не доказываю. Я только возражаю против положения: «мы все признаем существующим лишь настолько, насколько можем постигнуть разумом». Я хочу, чтобы ты, утверждая неверие, не расширял своих прав по сравнению с утверждающими веру. И то, что ты требуешь от разума людей веры, требуй и от разума людей, отрицающих веру. Если, по-твоему, верующий разум должен признавать реально существующим только «познаваемое», тогда пусть и неверующий разум признает реально существующим только познаваемое. А если ты признаешь за неверующим разумом право признавать непостижимую для разума «бесконечность», на каком же основании ты лишаешь верующий разум права признавать непостижимого Бога?

Неизвестный. Но, отрицая бесконечность, мы приходим к абсурду.

Духовник. По-моему, отрицая Бога, мы приходим к тому же.

Неизвестный. Да, пожалуй, твоя аналогия верна. Но ты покажешь мне, к какому абсурду приводит отрицание Бога?

Духовник. Непременно. В своем месте.

Неизвестный. Прекрасно. А теперь я могу продолжать дальше?

Духовник. Продолжай.

Неизвестный. Моей вере мешает явно сказочный характер ваших откровений. Эти сказки, я согласен, по-своему прекрасны. Но все же это сказки. И нельзя же верить в них серьезно только потому, что они прекрасны. Представь себе взрослого человека, который помнит то, что ему рассказывали в детстве. Как хорошо, если бы существовали шапки-невидимки, ковры-самолеты, скатерти-самобранки. В детстве казалось, что все это «на самом деле». Но вот взрослого человека убеждают, чтобы он продолжал верить во все эти сказочные чудеса только потому, что «уж очень хорошо». Конечно, хорошо. Но что же поделаешь, если действительность не сказка. Хороши ваши рассказы о Боге, о спасении, о вечной жизни, о душе, но ведь это — шапка-невидимка. Не могу же я себя обманывать и по-прежнему утверждать, что я во все это верю. Я не могу заставить себя верить, что есть Бог с большой седой бородой, что у Него есть Сын Иисус Христос, Спаситель мира, и Дух Святой, в виде голубя, и что этот всемогущий старик в шесть дней создал мир. В последний день взял кусок земли, дунул и получился человек. Потом из ребра

этого человека сделал ему жену. Потом поместил их в раю, где Адам и Ева съели какой-то запретный плод, и после этого начались всякие несчастья и т. д. и т. п. Пока я остановлюсь на этом. Я хочу спросить, как ты понимаешь эти басни? Неужели принимаешь за чистую монету? Или это какая-то «аллегория», но к чему было Богу прибегать для откровения к такой странной форме? Неужели нельзя было сказать попросту, безо всяких ковров-самолетов?

Духовник. Нет, библейские рассказы не аллегория, и потому нельзя их пересказывать по-своему, но это и не простое описание событий, как в истории или естественных науках, и потому нельзя понимать их в грубо материальном смысле. Библия — это Божественное откровение, данное человеку в условиях его земной жизни, в рамках его понятий, языка и нравственного развития. Когда ты читаешь о сотворении мира, ты не должен подходить к прочитанному тобой как естественно-научному описанию. Господь открыл своему Пророку в некотором видении тайну творения мира. Моисей видел перед собой как бы один за другим этапы творения Вселенной. И сколько бы ни длились по утверждению науки эти отдельные этапы — Божественное откровение будет по-прежнему утверждать, что это были дни. И будет право, и никакого существенного разногласия с наукой в этом не будет. Божественное откровение будет утверждать это не потому, что так важно арифметическое исчисление — от него ничего не меняется: и в течение громадных периодов и в течение «дней» действовала все та же сила Божия — а потому, что в откровении это было явлено в днях. Ты смущаешься формой, но не поражаешься смыслом. А казалось бы гораздо поразительнее для неверующего разума согласие откровений по существу с самыми последними научными данными, о которых Моисей сам, разумеется, не мог иметь никакого понятия. С научными данными совпадает последовательность в днях творения. И совершенно непонятное в Библии создание света раньше светил небесных оказалось не явной несообразностью, как думали многие, а последним словом науки, по которой раньше образования светил существовал во вселенной «световой эфир». Нельзя мыслить как аллегория и создание человека. Создание человека действительно было так, как об этом говорит откровение. Но то, что там говорится, нельзя так же принимать грубо материалистически, как приготовление фигуры из земли и потом превращение ее в живого человека. И здесь надо входить в библейский рассказ духом, дабы постигнуть в пророческих видениях божественную тайну откровений. Человек — это, действительно, персть, то же, что и весь вещественный мир, живущий по законам причинности. Это то в нем, что было создано, когда уже была создана земля. Но Господь взял эту персть, эту материальную основу и вдунул в нее дыхание жизни, то есть дал ей свой Божественный дух и, прежде всего, свое Божественное начало свободы. И явился человек — образ и подобие Божие.

Неизвестный. Когда ты говоришь таким образом, все приобретает подобие вероятности, потому что ты создаешь какую-то абстрактную картину, нечто вне времени и пространства. Но как только опустишься с облаков этой абстракции в конкретную обстановку и спросишь: но как же все-таки Бог «дунул» в эту «персть» и что из себя представляла эта материальная основа,

когда она еще не была «человеком», так сейчас же и окажется, что все в этих рассказах никакие не откровения, а просто занимательные сказки.

Духовник. Ты называешь абстракцией то состояние, когда мы несколько поднимаемся над чувственными восприятиями, заслоняющими от нас сущность вещей, и начинаем видеть нечто за пределами видимых явлений. Возьми естественное возникновение жизни. Что ты знаешь о ней? Ты знаешь биологические процессы, сопровождающие и обуславливающие это зарождение. Но что такое жизнь и что совершается в момент зарождения нового существа, не с точки зрения внешнего описания биологического процесса, а по самому существу, — как было, так и остается тайной. Соприкосновение материального и потустороннего всегда «вне времени и пространства», и потому, сколько бы ты ни наблюдал и ни изучал внешнее при создании жизни, — та грань, где неживое переходит в живое, будет ускользать от тебя, как неуловимая для тебя «абстракция». Поэтому нелепо говорить «конкретно» в твоём смысле и о создании человека Богом и спрашивать, как «дул» Бог в «персть». Это возможно было показать только в откровении, где видимым становится то, что было невидимо, и осязаемым то, что было неосязаемо. «Конкретно» персть, из которой создан человек, могла быть видима всеми, и Дух Божий, коснувшийся ее, никому не мог быть виден. Он озарил эту персть человеческим сознанием. И это сознание дало человеку возможность видеть Бога. В откровении показан этот невидимый в «конкретных условиях» момент. Да, здесь великая тайна. Но ведь великая тайна и весь окружающий нас мир, и в нём все время видимое соединяется с невидимым и осязаемое с неосязаемым. И если бы это могло быть нам показано, мы непременно увидели бы это в таких же формах, в которых нам даны библейские откровения. «Сказочность», о которой говоришь ты, единственно возможная для откровений форма, вполне соответствующая тому таинственному содержанию, которое в нее облекается и делает доступным нашему ограниченному сознанию непостижимое и нечувственное.

Неизвестный. Но, в конце концов, если допустить, что за этими сказками, действительно, стоит какое-то таинственное содержание, то ты все еще попросту в него веришь, ты его не доказываешь.

Духовник. Логически не доказываю. Но правду их чувствую не только непосредственным чувством, но утверждаю и разумом, потому что эти рассказы объясняют мне необъяснимое и весь хаос приводят в стройное и совершенное мировоззрение.

Неизвестный. Ну, о «совершенном мировоззрении» ты говорить повремени. Выслушай сначала мои главные возражения. Ведь до сих пор я говорил скорее о внешних препятствиях для веры. Теперь перейду к внутренним.

Духовник. Прекрасно.

Неизвестный. Сколько раз я ставил перед собой вопрос о Боге так: допустим, что этот непостижимый Бог существует. Допустим, я умудрился совершить насилие над здравым смыслом и заставил себя признать невидимого, непостижимого личного Бога. Могу ли я успокоиться на этом признании? Ведь

разум потребует от меня ответов на целый ряд вопросов, которые будут вытекать из этого признания. Первый и самый убийственный вопрос будет о зле. Допустим, я уверовал, что существует всемогущий, вездесущий, всеведущий Бог, который все создал и «без Него ничто не бысть, еже бысть». Откуда же зло? Что оно такое? Кто его создал? Тоже Бог? Очевидно, нет. А если Бог не создавал, значит не все создано Богом? А зачем всемогущий Бог терпит зло, если не Им оно создано? Зачем должна разыгрываться эта трагикомедия «борьбы со злом», когда всемогущий Бог мог бы единым движением его уничтожить и оставить в мире одно добро? Какой ответ может дать вера на эти вопросы? Опять все свести к непостижимости? Обычное убежище, когда задаются верующим людям неразрешимые вопросы. Но в данном случае неразрешимость вопроса о зле должна привести нас не к признанию «непостижимости» религиозных истин, а к неизбежному отрицанию Бога, потому что существование зла делает веру в Бога нелепой.

Второй, не менее убийственный вопрос — о страдании. По вашему определению, Бог — это любовь. Абсолютная, совершенная, непостижимая и пр. И вот эта любовь допускает страдать безмерными страданиями и не человека только, но и все живущее на земле, до самой последней инфузории. Даже огрубелое сердце жалеет страдающего. А ведь это Бог, сама любовь, видит и слышит, как стонет земля и не хочет прекратить ее страдания. Ведь Бог всемогущий, значит. Он может дать счастье всему живому? Какой же смысл в том, что Бог молча «взирает», как мир корчится от боли? И в этом тоже есть высший, «непостижимый смысл». Прекрасно. Но, во-первых, зачем же Бог создал человека таким, что он согрешил? А во-вторых, плод с запрещенного дерева съел человек, при чем же здесь инфузория? Ведь она-то никакой заповеди не нарушила, однако и ей больно, если ее положат в какую-нибудь кислоту! Вы любите говорить, что видите в природе Бога. Что это? Слепота или самообман? Ведь с точки зрения «высшей правды», природа — сплошной ужас. Где там Бог? Там все ест друг друга. Жук ест червя, птичка ест жука, коршун ест птичку. лягушка глотает личинку комара, змея глотает лягушку, еж ест змею, лиса ест ежа. И все это Бог в природе? Или, может быть, вы видите Бога в таких фокусах, как прокалывание гусеницы наездником? Да человеку не додуматься бы до такой чудовищной жестокости. Проколоть гусеницу, положить в нее яйцо, из которого выведется личинка, съест внутренности гусеницы и, когда та все-таки окуклится, выведется вместо нее! Все это Бог? Ты скажешь: «это результат греха». Прекрасно! Но ведь Бог «всеведущ». Значит, Он знал, что получится такой результат — зачем же тогда было создавать мир? Опять скажешь: «тайна», непостижимо, невыразимо. Но постой, это не все!

Вы, признающие Бога, со всеми Его «абсолютными» свойствами, утверждаете далее, что Бог-любовь этого жалкого, несчастного, исстрадавшегося человека, когда тот наконец найдет покой в смерти, пошлет еще за его грехи в ад, где несчастный преступник будет страдать вечно — «там будет плач и скрежет зубов». Мало было плача и скрежета зубов здесь, на земле? Оказывается, вселюбящий Господь приготовил и на том свете на веки

вечные еще большие муки. Какая бессмыслица! Какой ужас! И все-таки я должен верить! Никогда! Если с известной натяжкой я еще могу допустить бытие и непостижимого, и «невидимого» Бога, то, когда поставлю перед собой вопрос о зле и страдании, я чувствую, что вера в Бога — просто нелепый вздор.

Духовник. Все, что ты сейчас сказал, действительно, убийственные вопросы, но не для верующих в Бога, как ты думаешь, а наоборот, для тех, кто в Него не верует. И я очень рад, что ты так ясно и твердо поставил эти вопросы — ведь из них нет другого выхода, кроме веры.

Неизвестный. Это великолепно. Ты хочешь все оружие обратить против меня? Посмотрим, как ты это сделаешь.

Духовник. Я постараюсь раскрыть тебе, как на твои вопросы отвечает вера, и тотчас ты увидишь, как беспомощно перед этими вопросами неверие.

Неизвестный. Надеюсь только, что ты обойдешься без ссылок на Отцов Церкви и прочие авторитеты.

Духовник. Ты, вероятно, заметил, что в разговорах с тобой я избегаю таких ссылок, хотя все время имею в виду и Слово Божие и творения Отцов Церкви. Но по этому поводу, может быть, я приведу слова святых Отцов не потому, что считаю их для тебя авторитетом, а потому, что они с таким совершенством выражают почти невыразимое человеческими словами.

Неизвестный. Впрочем, раз ты предоставляешь мне полную свободу говорить так, как я нахожу нужным, — не следует и мне стеснять тебя в этом отношении. Я слушаю.

Духовник. Почему всемогущий Бог допускает существование зла? Почему Он единым актом Своей Воли не уничтожит Зла? И не сделает всех добрыми? Вот первый вопрос, который ты поставил передо мною. Сама постановка вопроса представляется мне недоразумением. Представь себе такой, например, вопрос: может ли всемогущий Бог совершить грех? Очевидно, нет. Но если Он не может совершить греха — значит. Он не всемогущ. Можно ли серьезно ставить такие вопросы? А ведь твой вопрос только с первого взгляда кажется иным. «Может ли всемогущий Бог сделать людей добрыми?» Но ведь это значит уничтожить основное свойство добра и добро превратить в моральное ничто.

Неизвестный. Совершенно не понимаю, что ты хочешь сказать?

Духовник. Если бы добро было простым и неизбежным следствием силы Божией, оно было бы, как и всякое явление материального мира, причинно-обусловлено и потому потеряло бы свое моральное содержание. Я уже показал тебе, когда мы рассуждали о бессмертии, что явление причинно-обусловленное не может иметь моральной оценки. То, что лишено свободы, не может быть ни добрым ни злым, а является неизбежным. Понятия добра и зла предполагают в человеке «свободу выбора». Но там, где речь идет о свободе, нельзя говорить о причинной зависимости. Итак, в логически формальном отношении твой вопрос содержит недоразумение, которое станет совершенно очевидным, если вопрос изложить так: почему всемогущий Бог Сам Своей силой не делает людей добрыми, то есть не лишает их свободы, без которой никакое добро вообще не существует и существовать не может?

Неизвестный. Конечно, в такой формулировке вопрос не имеет смысла.

Духовник. Но эта формулировка вытекает из сущности понятия добра. Итак, ответ на вопрос: почему Бог Сам не сделает людей добрыми и не способными творить зло — ясен. Потому, что Он даровал им свободу. Вот на этом понятии свободы мы и остановимся теперь подробнее. Когда мы говорили с тобой о бессмертии, я рассматривал свободу воли, поскольку надо было показать бессмысленность этого понятия для неверующего разума. Теперь мы постараемся рассмотреть это понятие со стороны его положительного содержания, столь важного не только для решения вопроса о зле, но и многих других вопросов. Понятие свободы принадлежит к числу тех понятий, которые, как вечность и бесконечность, с одной стороны, и непостижимы для нашего разума, а с другой — утверждаются им как нечто несомненно существующее. Человек мыслит по законам причинности. Для ограниченного человеческого разума всякое явление должно иметь свою причину. Действия и явления «беспричинные» он мыслить не может. Но свобода есть беспричинность, нечто первичное, ничем предыдущим не обусловленное, какое-то таинственное, совершенно для нас непостижимое начало. Свобода для нашего разума так же не имеет предела в смысле причинности, как бесконечность не имеет предела в пространстве или во времени. И если бы вздумали постигнуть свободу как причинность, мы пришли бы к такому же безвыходному положению, как пытаюсь постигнуть бесконечность во времени и пространстве. Если мы прервем цепь причинного ряда и скажем, что вот это явление зависит от такой-то причины, и дальше поставим предел, то наш разум сейчас же спросит: а какова была причина, определившая эту последнюю из указанных причин? Если же мы скажем: нет, это была последняя причина, а сама она ничем не обусловлена, тем самым мы утверждаем несомненно существующим непостижимое понятие свободы воли как беспричинности.

Неизвестный. Но почему нельзя признать причинный ряд бесконечным?

Духовник. Можно, но это будет отрицанием свободы воли. А ведь мы с тобой говорили о свободе как о несомненном факте и лишь хотим постигнуть значение этого, понятия. Причинный ряд можно вести до бесконечности лишь для объяснения механических причин, об обусловленных явлениях, а не для объяснения свободы. Если ты будешь говорить о бесконечном ряде причин и следствий, то ты попросту вовсе откажешься решать вопрос о свободе. Это в особенности ясно, когда речь идет не о человеке как первопричине того или иного действия, а о Боге как первопричине всего сущего.

Неизвестный. Разъясни это подробнее.

Духовник. Для верующего разума Бог есть первопричина всего сущего, начало всякого бытия. Сам не имеющий начала и потому вечно пребывающий. Постигнуть это невозможно настолько же, насколько невозможно постигнуть вечное бытие чего бы то ни было. Отрицать Бога как первопричину и сказать, что мир существует вечно, — это значит сказать вдвойне непостижимое.

Во-первых, это непостижимо так же, как и все вечное, а потому и вечное бытие Божие; а во-вторых, это непостижимо в смысле отсутствия первопричины в мире, где все действует по закону причинности и где никогда

нельзя дойти до первой причины всего причинного ряда явлений. Вера в Бога решает этот вопрос иначе. Она отодвигает состояние вечносуущей Первопричины в область доматериальную, в ту область, где не существует явлений преходящих, причинно-обусловленных. Это то, что было всегда, до создания мира. А мир материальный мыслит доступно для понимания человеческого разума, как имеющий начало и созданный во времени. И потому, что материальный мир живет по закону причинности, а не свободы — он имеет и свою первопричину — Силу Божию, его создавшую.

Неизвестный. Разве то, что ты говоришь, раскрывает положительное содержание понятия свободы? Пока ты все время доказываешь мне, почему можно и даже должно признавать это непостижимое понятие, а не раскрываешь его содержания.

Духовник. Да. Мне совершенно необходимо предварительно указать на это, потому что иначе твой разум откажется воспринимать последующее и уже доступное пониманию.

Неизвестный. Пожалуй, ты прав.

Духовник. Перейдем теперь к самому содержанию понятия свободы. Мы созданы по образу и подобию Божию и «свобода воли» есть подобие в нас Божественного начала. Мы указываем на различные свойства Божества, — но это не значит, что мы мыслим Бога как нечто «сложное», состоящее из различных элементов, подобно тому как материализм мыслит материю. Бог абсолютно прост, неразложим и неделим. Таким образом, свойства Его есть не что иное, как совершенное человеческое «описание» этой единой и неделимой сущности. Такова и душа человеческая, созданная по Его подобию. Мы говорим: мысль, воля, чувство, но эти определения не имеют соответствия в сложности элементов души. Душа как подобие Божие несложна, это единица неделимая и простая. Свобода воли в этой единице есть не один из ее составляющих элементов, а одно из ее свойств.

Неизвестный. Это, выходит, какой-то неделимый духовный атом.

Духовник. Пожалуй, да. Но лучше не будем употреблять этого термина. Итак, начало свободы воли и есть свойство души, которое состоит в непостижимой возможности вне причинно-обусловленной зависимости совершать те или иные действия. Это свойство, дарованное душе Богом, делает человека богоподобным, отличает его от всех живых существ и в нравственном смысле открывает для него путь к богосовершенству, оно дает надлежащий смысл понятию добра и зла. Абсолютное добро — это то, что творит воля Божия. Для человека делать добро — это значит свободной своей волей избирать и делать то, что будет совпадать с волей Божественной. Такое свободное произволение соединит человека с Божественным началом, даст ему как сопричастнику Божества вечную жизнь и сделает не отвлеченной, а совершенно реальной задачу богосовершенства. Вот теперь, наконец, мы подошли к твоему вопросу — что такое зло и кто его создал? Зло не есть самостоятельная сущность, поэтому нельзя сказать, что его создал Бог. В человеке его создало то же начало, которое создает и всякое человеческое действие — свободная воля. Что же это такое? Это есть такое свободное

произволение, которое противодействует Божественной воле. Такое противодействие, отсутствие единства воли человеческой с волей Божественной как бы отрывает человека от Божественного начала и влечет за собой страшные последствия, которые создают многообразное зло. Я все же приведу тебе здесь целый ряд суждений о зле святых Отцов и учителей Церкви:

«Зло не есть какая-либо сущность, имеющая действительное бытие, подобно другим существам, созданным Богом, а есть только уклонение существ от естественного своего состояния, в которое поставил их Творец, в состояние противоположное. Поэтому не Бог есть виновник зла, но оно происходит от самих существ, уклоняющихся от своего естественного состояния и предназначения» (Дионисий Ареопагит).

«Мы созданы для смерти, но умираем сами через себя, нас погубила собственная воля» (Тациан).

«Адам сам себе уготовал смерть через удаление от Бога. Так не Бог сотворил смерть, но мы сами навлекли ее на себя лукавым соизволением» (Василий Великий).

Теперь, имея определенный ответ на вопрос, что такое зло и откуда оно взялось, попробуем ответить и на другой твой вопрос — о страдании. В чем заключалось грехопадение человека? В нарушении заповеди Божией. Эта заповедь была тем выражением Божественной воли, с которой могла оказаться в согласии свободная воля человека, — и тогда вся жизнь была бы связана с Божественным началом. Или она могла оказаться в противодействии этой воле и тогда бы разрывалась связь с Божественным началом и начиналась жизнь вне Бога. Человек пал, то есть избрал второй путь.

Неизвестный. Постой, какая же это свобода, если человек должен был соблюдать заповеди Бога?

Духовник. Да, должен, если хотел добра, если хотел иметь жизнь без зла, но он был совершенно свободен в своем выборе и при желании зла, то есть при желании противодействовать Божественной воле — мог выбрать этот путь, и он его выбрал.

Ты не любишь ссылок на святых Отцов, но послушай, как прекрасно говорит об этом св. Иринеи Лионский: «Верующие веруют по их собственному выбору, точно так же и несогласяющиеся с Его учением не соглашаются по их собственному выбору... Тем, которые пребывают в своей любви к Богу, Он дарует общение с Ним. Но общение с Богом есть жизнь и свет и наслаждение всеми благами, какие есть у Него. На тех же, которые по их собственному выбору удаляются от Бога, Он налагает то разъединение с собою, которое они выбрали по собственному соглашению. Но разъединение с Богом есть смерть и лишение всех благ, которые есть у Него. Поэтому те, которые через отступничество теряют эти выше упомянутые вещи, будут лишены всякого блага, — испытывают всякого рода наказания. Однако Бог не наказывает их непосредственно Сам, но это наказание падает на них потому, что они лишены всего того, что есть благо» (Против ересей. Кн. 4, гл. 39, 4).

Жизнь вне Бога, «по своей воле» сразу давала силу над человеком тем стихиям, которые пребывали в полной гармонии лишь при связи человека с

Богом. Когда связь эта была оборвана грехопадением и самоутверждением человеческой воли, все пришло в состояние расстройств, борьбы, разделения, явилось страдание как противоположность блаженству и смерть как противоположность жизни. Вопрос о страдании самым тесным образом связан с вопросом о Зле, потому что страдание есть прямое его следствие. Поэтому и ответ на этот вопрос будет тот же. Кто создал страдание? Оно создано не Богом, а свободной волей человека, отпавшего от Бога. Потому уничтожить страдание — значит уничтожить зло и восстановить абсолютное добро. Но «сделать» людей добрыми силой Божией невозможно, как уже показано раньше.

Неизвестный. Не понимаю. Ведь грех совершил Один человек, а страдает и умирает все живое?

Духовник. В христианском мировоззрении, как в совершенном здании, нельзя выдернуть один кирпич, не повредив целого. Это мироздание нельзя брать по частям. Твой вопрос опять основан на недоразумении. Ты берешь созданное Богом не как единое целое, а как собрание каких-то самостоятельных частей, где судьба одной части не имеет отношения к другой. Бог поручил все живое человеку не только в том смысле, что дал ему власть над этим живым царством, но как совершеннейшему, как носителю в природе образа Божия, как главе, все живое соединяющей с Божеством, и тем вручил ему ответственность за судьбу всей жизни. Поэтому и падение человека было падением всей жизни — отпадением ее в лице человека от Бога. Поэтому, как увидишь дальше, и восстановление этого единства через «Нового Адама» было в то же время спасением не только человечества, но и всей жизни.

Неизвестный. Ты все же не ответил мне на главный вопрос: зачем всеведущий Бог, зная, к чему приведет дарованная им свобода, создал мир? И какой смысл создавать человека, заранее зная, что он отпадет от Бога и превратит всю жизнь в сплошное страдание не здесь только, но еще и за гробом.

Духовник. Этот вопрос я пока не затрагивал, потому что он касается не столько бытия Божия, сколько судьбы человека. Мы говорили до сих пор о том, что такое зло и страдание и кто их создал. Теперь же ты ставишь совершенно другой вопрос, об отношении Бога к греху и страданию. Этот вопрос приводит нас к великой тайне Искупления. Только вера в Искупление дает полный ответ на вопрос о судьбе падшего человека и об отношении к нему Бога. Но об этом будем лучше говорить в другой раз, чтобы нам подробно рассмотреть столь важный вопрос.

Неизвестный. Прекрасно. Но разве о Боге ты сказал все? Ведь ты хотел показать истину?

Духовник. Я отвечал на твои вопросы и в этих ответах показывал ее. Пока это не вся истина, но лишь главнейшее ее основание. Отрешись на несколько мгновений от всех свойств и вопросов своих и посмотри на эту истину как она есть, не искажая ее своими сомнениями.

Неизвестный. Ты хочешь показать положительное содержание веры в Бога?

Духовник. Да.

Неизвестный. Говори. Я постараюсь слушать тебя, как ты этого хочешь.

Духовник. Мы веруем, что Бог по существу есть Любовь. Что в Нем содержится совершенный всеведущий Разум и совершенная всемогущая Воля. Всегда был Бог, и жизнь Божия, от века бывшая, до создания мира во времени, — не ведома нам. Разум Божий, помысливший о вселенной, Любовь Божия, возлюбившая ее, и Воля Божия, решившая быть ей, создали мир. Мир — это творческое создание Божественного Разума, Любви, Воли. Каждое дыхание жизни имеет источник в Божественном начале. И каждая частица вещества имеет в основе своей разум, любовь и волю — как в Боге пребывающая. Все — и видимое, и невидимое — существует Божественной силой. И все имеет жизнь и нетленную основу, ибо все пребывает в Божественном Разуме, в Божественной Любви и Его святой Воле.

Все живет по неизменным законам, которые дал Господь видимому миру, но все имеет, кроме этих механических законов, высший разумный смысл, ибо все соединено с Божеством и стремится к своему первоисточнику. Мир — это не разрозненный, бессмысленный, мертвый хаос, имеющий только видимость порядка и закономерности, а разумное, живым Духом Божиим одухотворяемое, единой жизнью живущее, для вечного нетленного бытия приуготовленное создание Божие. Высшее в нем — человек, образ и подобие Божие, носитель сознания, которое есть отблеск Божественного Разума, Любви, которая есть искра Любви Божественной и свободы воли, которая есть таинственное начало, подобное непостижимой Воле Божией. Через него в союзе любви человека с Богом, как с Отцом и создателем — утверждается и свободный союз всей вселенной. Эту истину о Боге мы познаем и в своем духе, когда погружаемся в духовное самопознание, и во всей вселенной, когда поднимаемся до молитвенного созерцания.

Неизвестный. Сказка, сказка. Изумительная, великолепная сказка, неведомо кем и неведомо для чего созданная.

Духовник. Ты истину называешь сказкой, но как ты тогда назовешь ложь? Выслушай теперь то, о чем я хотел сказать тебе в начале нашего разговора: к какому абсурду приводит отрицание Бога. Нет Бога... С каким торжеством произносятся многими эти страшные слова! Но понимают ли те, кто их говорит, что они значат? Не понимают; если бы понимали, то иначе произносили бы их. Да, их можно сказать. Но какой ужас в душе должен стоять за ними! Ведь только потеряв рассудок, можно с торжеством и ликованием говорить о своей гибели. Чему радоваться? Чем гордиться? Какое тут может быть торжество? А слова «нет Бога» — это не только твоя гибель, это гибель решительно всего, чем жив человек. И все-таки ты смеешься над верой? Все-таки смотришь победителем? И ты скажешь, что это не сумасшедший дом, а нормальное состояние людей? Пусть на один миг окажется, что ты прав. Пусть твое неверие стало несомненной, неопровержимой истиной. Пусть так. Смотри же, какая «истина» откроется перед тобой. Вселенная — это безграничная масса вещества, находящегося в движении. Двигается Земля вокруг Солнца. Луна движется вокруг Земли. Каждая планета имеет свой путь

движения, и каждый спутник описывает вокруг нее определенную математически точную фигуру. Но и само Солнце со всеми своими планетами, в свою очередь, движется куда-то по направлению звезды Веги. И каждая звезда — это такая же солнечная система, находящаяся в движении. Двигается весь небесный свод. Двигается неисчислимое множество звезд Млечного Пути. И движется каждый атом вещества, из которого состоит мир, а в каждом атоме движутся, по строго определенным математическим законам, составляющие его электроны. В неизменном движении пребывает этот никем не созданный мир. Без смысла и без цели. Как у чудовищной машины вертятся его колеса и уносят его в вечность. Что же такое в этом мире — «Я»? «Я» — кусочек такого же вещества. И «Я» — такая же комбинация атомов. И моя жизнь — бесцельная, ни для чего не нужная игра этих движущихся неделимо малых частиц, которые в своем движении скомбинировались так, что явилась моя ни для чего не нужная личность, чтобы потом опять рассыпаться, точно кубики разных форм и цветов, для чьей-то забавы. Наступит момент, когда сгорит и остынет земля. То есть атомы вещества так скомбинируются в ней, что прекратится всякая жизнь. Но вещество не уничтожится никогда. Атомы и электроны будут продолжать свое бесцельное существование (движение). Вечно будут двигаться колеса громадной машины, уничтожаться и вновь возникать миры. Нет высшего разума. Нет высшего смысла. Нет высшей целесообразности в жизни вселенной. Бездушное холодное вещество всегда было и вечно будет. И это все... Вот твоя истина. Вот чем ты гордишься. Вот от чего торжествуешь. И ты скажешь, это не безумие?

Неизвестный. Если почувствовать все так, как ты говоришь, немногие бы согласились бы жить. Уж поскорее пулю в лоб.

Духовник. Да, оно так и было бы. Но дьявол хитер. Чтобы люди не могли прийти в себя, он уверил их, что они-то, потерявшие разум, и есть здравомыслящие люди. Научил их говорить что-то о величии науки, о чудесах техники, о каких-то необыкновенных достижениях, о том, что они что-то такое победят и все покорят — и всем этим вздором так уверил несчастных больных, что им совсем не хочется лечиться. И разве перед смертью иной почувствует, как над ним посмеялся дьявол. Но тогда уже поздно жизнь начинать сначала...

Неизвестный. Да, ты изобразил мою истину не очень-то привлекательной. Но, в конце концов, что же, кроме отвлеченных построений, дает и твоя вера? Ведь на деле-то и верующий, и неверующий имеют одно и то же.

Духовник. Вера в Бога дает не «отвлеченное построение». Она перерождает жизнь.

Неизвестный. Ах, значит, и здесь опыт.

Духовник. Непременно.

Неизвестный. Хотел бы я знать, что это за опыт, превращающий сказку в действительность?

Духовник. Если без внутреннего опыта не может быть веры в бессмертие, тем более это касается веры в Бога.

Неизвестный. Я очень прошу тебя сказать об этом подробнее.

Духовник. Да, сказать нужно. Но ничтожны мои слова. Бессилен человеческий язык. Как передать то, чем живет наша душа, и что озаряет светом своим всю нашу жизнь? Случалось ли тебе когда-нибудь всходить на высокую гору? Помнишь ли ты то чувство, которое испытываешь, когда поднимаешься на вершину и перед тобой откроется даль? Это слабое подобие того, что знают верующие люди. Только перед ними открывается не даль земли, а даль безграничного совершенства. Чувствовать Бога — это значит чувствовать единство вселенной, нетленность жизни, высший ее смысл. У нас есть особое, неведомое вам чувство, что нас соблюдает Господь, и это дает нам уверенность. Мы никогда не бываем одиноки. Мы всегда с Ним. Все согрето для нас любовью Божией. И чувство радости — самое основное, самое неизменное наше чувство. Ум наш, как и у всякого человека, не в силах представить себе бесконечность, не может постигнуть того, что такое свобода, не знает цели мироздания. Но в чувствовании Бога есть нечто подобное тому, как если бы ты на один миг узнал все это и не мог удержать в памяти, но сердце в своей памяти сохранило бы тебе это навсегда. Вера в Бога перерождает нас потому, что открывает нам источник совершенно новых, для нас неведомых душевных состояний. Видим ли мы Бога? Нет, больше, чем видим. Осязаем ли Его? Нет, больше, чем осязаем. Слышим ли Его? Нет, больше, чем слышим. Бог — это самое достоверное, самое несомненное, самое совершенное мое знание. Все может оказаться ошибкой, сном, мечтой. А Бог — есть. Так не нам ли торжествовать? Не нам ли гордиться? Не нам ли праздновать победу? Не мы ли знаем истину?

Неизвестный. Признаюсь, мое положение трудное: рассуждения твои все же не могут убедить меня вполне.

Духовник. Я тебе показываю истину. Смотри и решай, где правда и где ложь.

Неизвестный. Да, так. Но я, пожалуй, сразу теперь выбрать не смогу.

Духовник. Значит, ни да ни нет?

Неизвестный. Пожалуй... Уж очень хороша твоя сказка, заманчиво признать ее действительностью.

Духовник. Что же тебе мешает?

Неизвестный. Все еще многое. И больше всего, пожалуй, непостижимость. Ты меня, отчасти, уже приучил допускать непостижимое, а все же остаются вопросы о зле и страдании.

Духовник. Но к этим вопросам мы еще вернемся, когда будем говорить об Искуплении.

Неизвестный. Думаю, что эта новая сказка об Искуплении не уменьшит, а увеличит препятствия для моей веры.

Духовник. Ни в коем случае. Чем полнее будет раскрываться истина, тем она будет делаться несомненной.

Неизвестный. Но можно сказать и наоборот — чем больше будет лжи, тем труднее в нее поверить.

Духовник. Совершенно верно. Потому истинная вера есть одно из самых несомненных свидетельств об истине.

Неизвестный. Неужели ты думаешь, что твоя вера может убедить меня даже в такой истине, как Искупление?

Духовник. Да, думаю.

Неизвестный. Странно. Впрочем, не знаю. После этих разговоров мне начинает казаться, что я, может быть, не все принял в расчет, утверждаясь в своем неверии.

Духовник. Это очень хорошо. Не гони этого чувства от себя. Я уверен, что дальше оно будет в тебе еще сильнее.

Неизвестный. Посмотрим. Я готов сказать: дай Бог.

Диалог третий ОБ ИСКУПЛЕНИИ

Неизвестный. На этот раз я не собираюсь задавать тебе вопросы. В предыдущих разговорах я доказывал истинность своего неверия и хотел узнать, что стоит у тебя за твоей верой. Но Искупление? Ведь это значит учение о Троице, о воплощении Сына Божиего, о Божией Матери, о Голгофе, о Воскресении... О чем тут спрашивать? Все это мне кажется до такой степени нелепым, такой ясной «мифологией», что просто не о чем разговаривать. Все равно, как если бы речь шла о рождении Венеры или о каком-нибудь прикованном Прометее. Сомнения могут быть в отношении чего-то такого, в чем есть хоть самая ничтожная доля вероятности. Но когда говорится о заведомо нелепом вздоре, какие тут могут быть сомнения и вопросы?

Духовник. Почему же ты хочешь меня слушать?

Неизвестный. Я должен признать, что ты заставил меня по-новому относиться к возможности веры. И если, как ты сказал в нашем разговоре о Боге, учение об Искуплении — необходимое завершение всего, что ты говорил о грехе, страдании и смерти, — как же мне не поинтересоваться, что ты скажешь об этом. Если хочешь, просто умственное любопытство.

Духовник. Прекрасно. Твое любопытство несправдано. За ним стоит инстинктивное стремление к познанию Истины.

Неизвестный. Ты все истолковываешь в свою пользу. Но могу тебя уверить, что я даже представить себе не могу, чтобы я когда-нибудь стал считать истиной то, о чем ты хочешь говорить со мной.

Духовник. Я сказал, инстинктивное стремление к Истине, а не сознательное стремление.

Неизвестный. Ну, о том, что вне моего сознания, я пока еще говорить не научился. Итак, я слушаю.

Духовник. Сейчас мы будем говорить с тобой о величайших тайнах, которые открыл человеку Бог, и о событиях, которые совершались в здешнем мире, но по законам совершенно иного, невещественного бытия, и потому должны быть приняты верой. Под этим мы разумеем не простое доверие к чужим словам, признание чего-либо действительно существующим без всяких доказательств, «на слово», а то высшее познание, более совершенное, чем познание только одним умом, то всеобъемлющее чувство Истины, которое делает эти непостижимые для разума Тайны самыми непреложными и

самыми несомненными истинами, какими не могли бы сделать их никакие логические доказательства. Тебе случалось, конечно, не раз переживать нечто подобное в окружающей тебя жизни. Вот ты слушаешь почти незнакомого тебе человека. Все, что говорит он, вполне вероятно. Но ты безотчетно, и не умом, а всем существом своим чувствуешь, что он лжет. И наоборот, ты слушаешь другого, так же почти неизвестного тебе, и то же непосредственное чувство заставляет тебя верить каждому его слову. И когда у тебя является такое чувство доверия, совершенно ненужными кажутся доказательства правдивости одного и лживости другого. К чему доказательства, когда ты веришь? Все самые убедительные доказательства могут дать меньше, чем та уверенность, которая у тебя есть. Нечто подобное, но гораздо более совершенное и всеобъемлющее нужно сказать и о вере в религиозном смысле. Вот ты сказал: говорить об Искуплении — значит говорить о Троице, о Боговоплощении, о Божией Матери, о Голгофе, Воскресении... Да, это так. Но какие здесь доказательства? Бог открывает человеку то, что выше всякого разума, а мы будем требовать от ничтожного человеческого разума, чтобы он доказал нам истинность того, что открыл человеку о Себе Бог?

Нет, будем лучше с благоговением и страхом внимать Божественному откровению.

Неизвестный. Ты, кажется, забываешь, что говоришь с неверующим человеком?

Духовник. Нет, помню прекрасно. Но я говорю с человеком, не потерявшим способность почувствовать истину, то есть поверить ей, когда он ее увидит.

Неизвестный. Я спрошу тебя, как Пилат: что есть Истина? И думаю, что вопрос мой так же останется без ответа.

Духовник. Вопрос Пилата был оставлен без ответа потому, что перед ним была та Истина, о которой он спрашивал. И если он не хотел ее — всякий ответ, то есть доказательства ее были бы излишни. И твой вопрос будет оставлен без ответа в том же смысле. Я тебе свидетельствую об Истине. И если ты спросишь, где она, докажи мне ее — этот твой вопрос, несомненно, останется без ответа.

Неизвестный. Хорошо. Я согласен. Не доказывай, а показывай свою истину. В конце концов, не все ли равно, каким путем я ее узнаю.

Духовник. То, что мы знаем о Боге, человек сам не мог бы узнать никогда. И в то же время знание это совершенно необходимо для того, чтобы человек мог жить в Боге, сознательно идти дорогой богосовершенства. Человеческое сознание могло бы прийти к мысли о бытии Божиим. Но о сущности Божества он сам ничего бы не мог узнать ни из окружающей жизни, ни из смутных очертаний своего богоподобного образа. Он в этом получил бы лишь основание для более или менее близких к Истине фантастических грез. Таковы все религии, кроме христианской, в которых естественное откровение, данное в самом существе человеческой души и в окружающей природе, смешивается с поэтической и философской фантазией. Только Сам Бог мог сказать о Себе людям: «В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово

было Бог. Оно было в начале у Бога. Все чрез Него начало быть, и без Него ничто не начало быть, что начало быть» (Ин. 1, 1–3).

Только Бог мог сказать людям: «Когда же придет Утешитель, Которого Я пошлю вам от Отца, Дух Истины, Который от Отца исходит, Он будет свидетельствовать о Мне»

Диалог четвертый О ЦЕРКВИ

Неизвестный. Ты хочешь говорить со мною о Церкви. Но знаешь ли ты, почему меня смутили так твои слова о невозможности без Церкви настоящей веры, нравственной жизни и Богообщения?

Духовник. Может быть, и знаю. Но лучше скажи об этом сам.

Неизвестный. После трех разговоров с тобой нельзя сказать, что я стал верующим человеком. Но мне показалось, что я почти подошел к этому. Во всяком случае я почувствовал, что мой внутренний мир и сложность окружающей жизни больше «сродни» религиозным «фантазиям», чем очень простому, но ничего не объясняющему прежнему моему мировоззрению. И вдруг ты произносишь неожиданное слово «Церковь!..» И произносишь, не оправдывая так или иначе человеческие слабости, не в целях защиты своей веры, которая остается истинной, несмотря на существование Церкви, а в самом положительном смысле, указывая в деле веры ее первенствующее значение. Я был совершенно ошеломлен твоими словами.

Духовник. Я знал, что это будет так.

Неизвестный. Знал? Значит, ты понимаешь, что в твоих словах есть нечто несообразное?

Духовник. Нет, не потому. Я знал, что ты думаешь о Церкви то же, что думает большинство неверующих людей. Но говори дальше. Я тебя слушаю.

Неизвестный. В отношении Истин веры у меня были сомнения. В отношении Церкви сомнений нет. Здесь нечто совсем другое. В вопросе о Церкви нет ничего «непостижимого», и с этой стороны не может быть никаких затруднений для разума. Но зато есть и сомнения и затруднения совсем другого порядка. Ведь я немножко знаком с историей. Вот в этих знаниях и заключается трудность.

Духовник. Что же именно в твоих знаниях истории тебя смущает?

Неизвестный. Чисто земной характер развития Церкви. Церковь — это человеческая организация, ставящая себе при этом далеко не исключительно религиозные цели и отразившая на себе все человеческие слабости и грехи. В жизни Церкви все изменения так легко объяснить внешними причинами, что решительно невозможно разыскать в ней что-либо «сверхъестественное»! Даже такие события, как торжество христианской веры над языческой, или победа арианства над православием, а потом православия над арианством, или в новейшей истории, положим, отделение англиканской Церкви от католической и прочее, и прочее — словом, каждый шаг церковной жизни обусловлен политическими, экономическими и всевозможными иными, чисто внешними причинами, как и всякие вообще исторические явления. Какое же все это может

иметь отношение к вере, нравственному совершенствованию или богообщению? Почему такая организация необходима для «сверхъестественных» и внутренних задач, о которых говоришь ты?

Духовник. Ты кончил?

Неизвестный. Нет. Это лишь главное. Но есть еще весьма важное само по себе и косвенно подтверждающее справедливость этого главного. Вы называете Церковь единою, Святою, Соборною и Апостольскою. Разве это не нелепость? Ведь церковь не имеет ни одного из этих свойств! Где эта ваша «единая Церковь», когда всем известно существование, по крайней мере, четырех больших Церквей — православной, католической, лютеранской и англиканской. Несколько малых — григорианство, кальвинизм, гусизм и бесконечное количество «сект» — также считающих себя «единой» истинной церковью. Святая? Это еще нелепее! О какой «святости» Церкви можно говорить, хоть сколько-нибудь зная ее историю и особенно современное состояние. Сколько насилия, лжи, обмана и прямых преступлений совершалось и совершается Церковью. Где же ее святость? Как можно произносить это слово без насмешки и над святостью, и над Церковью. Соборная? Опять неправда. Может быть, когда-нибудь, почти в доисторические времена, и значили что-нибудь ее «Соборы», но, начиная с так называемой «великой эпохи» Вселенских соборов, до наших дней, Церковь — не что иное, как прислужница мирской власти и орудие тех или иных ее совершенно земных целей. Апостольская? Сомнительно. Но, пожалуй, об этом говорить не будем: внешняя преемственность от Апостолов, даже если бы она была, не представляется мне существенной. И вот, зная совершенно земной, «причино-обусловленный» характер истории Церкви, видя, что нет в ней ни одного из тех свойств, о которых говорят верующие люди, — ни единства, ни святости, ни соборности — я все же должен верить, что Церковь — это все в деле религиозной жизни. Я с полным недоумением стою перед твоими словами. И то, что начинало казаться мне почти истиной, — снова отодвинулось куда-то далеко и покрылось туманом. Уж лучше непостижимость, с ней можно примириться, чем «ясность», которую надо «не замечать».

Духовник. Ты говоришь, что в вопросе о Церкви нет ничего непостижимого, нет никаких затруднений для разума. Здесь и заключается основное твое заблуждение. Учение о Церкви и таинственно, и непостижимо. И слова твои свидетельствуют лишь о том, что ты не знаешь этого учения. То, что ты считаешь действительным затруднением для себя, все, что ты говоришь об истории Церкви и отсутствии в ней тех или иных свойств, которые указаны в Символе Веры, — все это также основано на твоем незнании учения о Церкви. Поэтому и мой ответ будет не тот, которого ты ждешь. Прежде чем говорить об исторической жизни Церкви или о ее единстве, святости и соборности, я постараюсь раскрыть перед тобою — поскольку это возможно — самое тайну учения о Церкви. И здесь, как при рассмотрении всех истин веры, ты должен приготовиться услышать многое, непостижимое для разума.

Неизвестный. Я слушаю тебя с особым вниманием. Мне не понятно, что можно сказать о Церкви, кроме того, что известно о ней всем.

Духовник. Кому «всем»? Неверующим людям? Им очень много можно сказать нового, потому что они о Церкви не знают ничего. А для верующих — я и не скажу ничего нового, потому что буду говорить не о своем каком-то учении, а о церковном учении, которое раскрыто в Божественном откровении и которое содержится в Церкви как ее совершенное самопознание.

Неизвестный. Неужели и здесь всему причиной это странное и тоже в своем роде непостижимое ослепление неверующих людей?

Духовник. Несомненно: они, имея очи, не видят, и имея уши, не слышат.

Неизвестный. Может быть, это и так.

Духовник. Внутренняя сущность Церкви так же непостижима для человеческого разума, как тайна Пресвятой Троицы, подобием которой она является.

Неизвестный. Не понимаю. Какое же отношение организация верующих, хотя бы и с самыми возвышенными целями, может иметь к вопросу о сущности Божества?

Духовник. Церковь по своей сущности — вовсе не организация, а организм — живой и цельный. Ее совершенное внутреннее единство при отдельности составных частей — такая же непостижимая тайна, как всякая множественность, воспринимаемая разумом при абсолютном единстве, воспринимаемом верою.

Неизвестный. Объясни мне это подробнее.

Духовник. Ты видел уже, как поверхностно и внешне утверждение ограниченного рассудка, что нелепо мыслить три Лица Пресвятой Троицы Единым по существу Богом. Ты видел, как ничтожны посягательства разума отвергнуть тайну воплощения Сына Божия и два естества в Нем: Божеское и единой Личности Богочеловека. Ты видел, как премудрость веры преодолевает премудрость разума. Теперь ты стоишь перед такой же тайной и такой же задачей: принять единство Церкви по существу при множественности и видимой раздельности ее членов. Это единство Церкви так же невозможно постигнуть разумом, не утверждаясь в нем внешней формой познания — верой.

Неизвестный. Я все же не могу понять твоих сравнений. Когда ты говорил о Троичности Единого Бога, ты говорил о том, каковы свойства Его Ипостасей, и о том, что Троичность их таинственно совмещается с единством Божественного существа. А здесь? Где тут тайна? О каком существе Церкви ты говоришь? Что общего между Церковью и Пресвятой Троицей? Множественность я вижу. А где же единство?

Духовник. Для того, чтобы понять то, о чем ты говоришь, надо сначала уяснить себе по-настоящему характер церковного единства. Единство Церкви совсем не то, что организационное или материальное единство видимого мира. Разница в том, что церковное единство имеет совершенно иную природу. Когда мы утверждаем, что единство Церкви подобно единству Пресвятой Троицы, мы употребляем не простое сравнение, а устанавливаем действительное подобие, уясняющее нам тайну существа Церкви.

Неизвестный. Все это так отвлеченно, что мне трудно понять, о чем именно ты говоришь.

Духовник. Вспомни слова Спасителя: «Отче Святой! соблюди их во имя Твое, тех, которых Ты Мне дал, чтобы они были едино, как и Мы».

«...Да будут все едино; как Ты, Отче, во Мне, и Я в Тебе, так и они да будут в Нас едино...». «И славу, которую Ты дал Мне, Я дал им: да будут едино, как Мы едино» (Ин. 17, 11, 21, 22).

Вот где основа и сущность и тайна единства Церкви. Разве не видишь ты, что это единство есть то же, что и Единство Ипостасей Троицы при видимой их раздельности?

Неизвестный. Но в чем же его сущность?

Духовник. В том же, в чем и сущность Единого Бога, имеющего три Ипостаси. Эта сущность Божественного единства — Любовь. Любовь составляет сущность и таинственного единства Церкви. Читаем в Божественном откровении: «...Да любовь, которую Ты возлюбил Меня, в них будет, и Я в них» (Ин. 17, 26).«...Да любите друг друга, как Я возлюбил вас» (Ин. 15, 12).

Неизвестный. Но разве люди не любят друг друга и вне Церкви?

Духовник. Любят. Но, когда мы говорим о любви как о сущности Церкви, — мы говорим совсем о другом. Речь идет не об отдельных чувствованиях отдельных людей, а о целом живом организме, слагающемся из человеческих душ, рожденных свыше. В церковное единство нельзя войти силой, своим, хотя бы и любвеобильным сердцем. Для того, чтобы соединиться с существенным единством Церкви, — надо преодолеть естественную греховную природу падшего человека через новое рождение.

Церковь в основе своей имеет искупительную жертву Христа, дающую нам возможность через веру, путем нового рождения быть сопричастниками любви Божественной, сопричастниками существа Божия. Поэтому, хотя жизнь Церкви и протекает в естественных внешних условиях и имеет видимые внешние формы, но она по существу своему сверхъестественна. Это объясняет те странные для неверующих слова, которые сказал Спаситель о положении верующих в мирской жизни: «...мир возненавидел их, потому что они не от мира, как и Я не от мира» (Ин. 17, 14). «Если бы вы были от мира, то мир любил бы свое; а как вы не от мира, но Я избрал вас от мира, потому ненавидит вас мир» (Ин. 15, 19). «Я уже не в мире, но они в мире, а Я к Тебе иду» (Ин. 17, 11).

В дальнейшем раскрывается в Божественном откровении еще с большей полнотой это непостижимое для разума учение о внутренней сущности Церкви и о ее свойствах. Здесь надо открыть сердце и безо всяких лукавых мыслей читать то, что говорит Господь устами своего Апостола: «...непрестанно благодарю за вас Бога, вспоминая о вас в молитвах моих, чтобы Бог Господа нашего. Иисуса Христа, Отец славы, дал вам Духа премудрости и откровения к познанию Его, и просветил очи сердца вашего, дабы вы познали, в чем состоит надежда призвания Его, и какое богатство славного наследия Его для святых, и как безмерно величие могущества Его в нас, верующих по действию державной силы Его, которую Он действовал во Христе, воскресив Его из мертвых и посадив одесную Себя на небесах, превыше всякого Начальства, и Власти, и

Силы, и Господства, и всякого имени, именуемого не только в сем веке, но и в будущем, и все покорил под ноги Его, и поставил Его выше всего, главою Церкви, которая есть Тело Его, полнота Наполняющего все во всем» (Еф. 1, 16–23). «Ибо все мы одним Духом крестились в одно тело, Иудеи или Еллины, рабы или свободные, и все напоены одним Духом» (1 Кор. 12, 13). И еще: «Ибо, как в одном теле у нас много членов, но не у всех членов одно и то же дело, так мы, многие, составляем одно тело во Христе, а порознь один для другого члены» (Рим. 12, 4–5).»...Бог расположил члены, каждый в составе тела, как Ему было угодно. А если бы все были один член, то где было бы тело? Но теперь членов много, а тело одно.» «И вы — тело Христово, а порознь — члены» (1 Кор. 12, 18–20; 27).»...Христос глава Церкви, и Он же Спаситель тела» (Еф. 5, 23).»...Он есть прежде всего, и все Им стоит. И Он есть глава тела Церкви» (Кол. 1, 17, 18). «Ныне радуюсь в страданиях моих за вас и восполняю недостаток в плоти моей скорбей Христовых за Тело Его, которое есть Церковь...» (Кол. 1, 24).

Вот откровение о тайне Церкви. Вот непостижимая для разума правда. Вот, что знаем мы не мудростью суетного разума, а премудростью благодатной веры. Как же ответить на твой вопрос: что есть Церковь?

Церковь — это благодатное, сверхъестественное, на основе голгофской жертвы самим Господом установленное на земле единство свыше рожденных людей, составляющих таинственное тело Христово, напоенное Духом Святым и имеющее главою своею самого Господа Иисуса Христа.

Неизвестный. Все, что ты сейчас говорил, — это отвлеченное богословие. Где эта Церковь? В ваших диссертациях, которые никто не читает? На библиотечных полках? В жизни ее нет. «Сверхъестественная любовь», «рожденные свыше» люди, «непостижимое единство»... Да где же это все? Я вижу, напротив, страшное разделение — постоянную вражду, а все эти свыше рожденные если не хуже, то во всяком случае ничем не лучше самых обыкновенных людей.

Духовник. Опять ты не можешь отрешиться от своих внешних представлений о Церкви. Тебе препятствует не знание истории, как ты думаешь, а все та же привычка взвешивать и измерять количественно, по-земному, явления совсем иного измерения. Да, ты видишь совершенно правильно и измеряешь по-земному совершенно верно, когда говоришь о людских грехах. Конечно, и в верующих людях мало любви, много грехов и нечистоты, но ты совершенно не видишь и измеряешь совершенно неправильно, когда говоришь это о Церкви: так как нечистота отдельных душ стоит вне Церкви как тела Христова.

Неизвестный. Это уж действительно какая-то сверхъестественная арифметика! Церковь — собрание верующих. Верующие — грешники, а Церковь, состоящая из них, оказывается тут не при чем, грехи — «вне Церкви». Ничего не понимаю!

Духовник. Постараюсь объяснить тебе. Перед отпущением грехов на исповеди священник молится: «Подаждь ему образ покаяния, прощения грехов и отпущение, прощая ему всякое согрешение вольное и невольное. Примири и

соедини его святой Твоей Церкви, о Христе Иисусе Господе нашем».

Если «соединение», значит, было и «разъединение»? Церковь именно так и мыслит грехи своих членов. В каждом акте греха верующий в этом грехе разъединяется с Церковью. Поскольку человек согрешил — постольку он не составляет ее тела. Ты спрашиваешь, где Церковь? Я отвечу тебе: когда-то, в эпоху мученичества, святые говорили: «Мы называемся истинными Сынами Божиими и на самом деле таковы» (Иустин Философ).

Мы сейчас не можем сказать этого о жизни христиан. Но Церковь, какую была тогда, такую же осталась и теперь, ибо и тогда она была телом Христовым, остается и останется телом Его всегда! Это не отвлеченная богословская мысль, а живое, реальное, непосредственное наше чувство. Дух Святой осеняет славную эпоху мученичества, и вера их, жертвенная их любовь, их пламенная молитва — составляют ту Церковь, которую не видишь ты, называешь отвлеченной диссертацией и спрашиваешь, где она в жизни?

Какое торжество Божественного начала над нашей природой, какое молитвенное озарение видим мы у подвижников в их пещерах, затворах, пустынях — это тело Христово, это не отвлеченная, а живая истинная святая Его Церковь. Сколько светлых возвышенных состояний, напоенных благодатным действием Святого Духа, пережито членами Церкви от Апостолов до наших дней! Это Святая Церковь. Сколько молитв, смиренных слез неизреченной любви пролито человеческими сердцами в православных храмах! Это истинная Церковь, это тело Христово. Ты спрашиваешь, где эта Церковь? Где это сверхъестественное единство? А что такое Божественная Литургия? Это для тебя тоже отвлеченное богословие? Но для нас это — живая истинная Голгофская Кровь и истинное Тело Христово, дающее нам, падшим, нечистым и кающимся, то единение любви в Божественном таинстве, в котором реально, хотя и невидимо, преодолевается все в единое Тело и единую Церковь: «Один хлеб, и мы многие одно тело; ибо все причащаемся от одного хлеба» (1 Кор. 10, 17).

Неизвестный. Да, с этой стороны я никогда не рассматривал Церковь. Я видел в ней только определенную исторически изменяющуюся религиозную организацию, подобную всякой другой организации, ставящей себе те или иные общественные задачи.

Духовник. Вот именно. Это-то незнание истины и привело тебя к искаженным суждениям о Церкви. Но пойдем дальше. Теперь тебе легче будет понять мои слова. У нас есть общая основа, на которой мы стоим. Церковь, возглавляемая Христом, является единственной хранительницей абсолютной истины. Никакое самое высокое индивидуальное сознание, в силу поврежденности человеческой природы, не может быть вместилищем истины абсолютной. Там, где начинается индивидуальная человеческая мудрость, там начинается большее или меньшее искажение истины. Ограниченный человеческий разум может вмещать лишь частичную истину, а для того, чтобы могла раскрыться и сохраниться истина абсолютная, должно быть не индивидуальное сознание, хотя бы самого мудрого человека, а абсолютное, совершенное и сверхъестественное сознание Церкви. Отсюда ясно, что без

Церкви не может быть веры. Потому что не может быть первого ее условия: для того, чтобы верить, надо знать, во что верить.

Неизвестный. Но получается какой-то заколдованный круг: с одной стороны, чтобы сделаться членом Церкви, нужна вера, а чтобы иметь веру, надо уже быть членом Церкви, как же так?

Духовник. Для того, чтобы сделаться членом Церкви, нужна та степень веры, которая доступна каждой человеческой душе, не потерявшей образ и подобие Божие. Это состояние выражается в словах: «...верую, Господи! помоги моему неверию» (Мк. 9, 24). Но вера, о которой говорим мы, — это совсем другое, она так же отличается от веры вне Церкви, как индивидуальное сознание от сознания церковного. Только в Церкви она получает свою полноту и возможность беспредельного совершенствования.

Неизвестный. Мне так важно уяснить вопрос о вере, что я просил бы тебя как можно подробнее сказать об этом.

Духовник. Прекрасно. Мы уже несколько раз, поскольку это было нужно, касались понятия веры. Мы уже говорили с тобой, что вера — это не есть простое доверие чужим словам, то есть поверхностное, непроверенное знание. Вера — это высшая форма познания. Она видит и ощущает то, что не могут видеть глаза и воспринимать внешние чувства. Это особое восприятие, таинственное и непостижимое в нас, превышающее все остальные формы познания и заключающее их в себе. Она за видимым открывает невидимое, и невидимое делает столь же реальным, как и видимое: ибо вера объемлет в своей полноте и разум, и внешнее чувство человека, и всю его душу. Органом веры является все внутреннее существо человека, приведенное в свой надлежащий строй. Ум здесь занимает свое, подобающее ему скромное место. Когда разум отравлен ложью, а душа изломана страстями, — испорчен аппарат веры.

Вера без Церкви не может быть совершенной. Не только потому, что для этого надо знать совершенную истину, но и потому, что для этого надо иметь благодать Святого Духа. Ведь если бы вопрос был только в знании истин веры, можно было бы выучить их, поскольку они сохраняются в Церкви, не будучи самому членом Церкви. Но для того, чтобы поверить в эти истины, а не только знать их, недостаточно одного их изучения, а нужно познать их внешним познанием веры. Не имея благодати Божией, это невозможно. Как говорит Апостол: «...никто не может назвать Иисуса Господом, как только Духом Святым» (1 Кор. 12, 3). Значит для веры нужно принять Духа Утешителя, который сошел на Апостолов в огненных языках и по сие время пребывает в таинствах Церкви. Вот что такое вера, и вот почему без Церкви ее не может быть.

Неизвестный. Пожалуй, я могу согласиться с этим. Но мне труднее понять, какая связь между Церковью и нравственным состоянием человека? Вот ты сам говоришь, что верующие люди грешат. Значит, Церковь не гарантирует, несмотря на свои таинства, от нравственных падений. Если так, то конечной инстанцией в вопросе о нравственной жизни все же является не Церковь, а сам человек. Почему же без Церкви невозможно нравственное совершенствование? Я уже не говорю, что это противоречит опыту

повседневной жизни. Ты приучил меня относиться к действительности с сомнением. Но неужели неправда, что есть очень много высоконравственных людей безукоризненной честности и чистоты, и не только неверующих, но с отвращением относящихся к Церкви? Очевидно, нравственное совершенство человека может быть независимо от Церкви?

Духовник. Разберемся в этом вопросе. Может быть, мы с тобой говорим о разном, когда говорим о нравственном совершенстве. Каждый человек имеет нравственное сознание. Нравственные законы, которые определяют его жизнь, могут быть различны, в зависимости от тех или иных влияний и внешних условий. Но всеобщность нравственных велений в человеке, на какой бы степени развития он ни стоял, остается твердо установленным фактом и свидетельствует о природном происхождении нравственности как свойстве, присущем только человеческому сознанию.

Неизвестный. Условно допустим, что это так. Но тогда тем более нельзя Церковь считать непременным условием нравственного развития.

Духовник. Подожди. Это будет следовать из дальнейшего. Природные или первичные основы нравственности в их совокупности на известной степени культурного развития, когда общество становится государством, определяют минимум нравственных требований в форме законодательства. Кодекс законов, нарушение которых рассматривается как преступление, в нравственном смысле есть не что иное, как нравственный минимум, который отражает на себе моральное сознание данного общества, организованного в отдельное правовое государство. Но, кроме этого нравственного минимума, огражденного законодательством, существует так называемая индивидуальная нравственность, значительно возвышающаяся над моральным минимумом уголовного кодекса и не имеющая строго определенных обязательных для всех норм. И здесь отдельные люди действительно могут подыматься до очень высоких нравственных состояний.

Неизвестный. Пока ты подтверждаешь мои слова.

Духовник. Да. Но это не все. То нравственное совершенствование, тот путь спасения и истинной жизни, который даровал людям Христос и на который нельзя встать без Церкви, — это не гражданское законодательство как минимум общественной нравственности и не индивидуальное чувство как дело личных человеческих усилий.

Об этом совершенствовании сам человек, благодаря поврежденности своей нравственной природы, никогда бы не мог узнать в порядке естественном. Оно для разума непостижимо и как жизненная задача неисполнимо. Мы знаем о нем из Божественного откровения и осуществляется оно только в Церкви: «...будьте совершенны, как совершен Отец ваш Небесный» (Мф. 5, 48).»...Я дал вам пример, чтоб и вы делали то же, что Я сделал вам» (Ин. 13, 15).»...В вас должны быть те же чувствования, какие и во Христе Иисусе» (Флп. 2, 5).

Как глубоко таким пониманием совершенствования была с древнейших времен проникнута Церковь, можно видеть из следующих слов христианского мученика Иустина: «Все люди удостоены сделаться богами и иметь силу быть сынами Всевышнего».

Вот что разумеет мы под понятием «нравственное совершенствование». Может быть, и тебе ясно, что такая задача выше человеческих сил — ибо силы человеческие ограничены, а эта задача безгранична. Нравственное совершенствование в этом смысле становится богосвершенством.

Неизвестный. Да. Я понимаю это. Но какое соотношение между богосвершенством и природною нравственностью?

Духовник. Природная нравственность делает возможным желание такого совершенства. Но само оно требует такого перерождения, которое сделало бы человека вместилищем сверхъестественных сил и дало зерну природной морали выйти из индивидуальных рамок на безграничный простор богосвершенства. Нравственное совершенствование для людей веры — это путь к святости. По этому пути нельзя идти своими силами. Нужна Благодать Божия. Нужно осенение Духом Святым, нужно то, что мы именуем «рождением свыше». Все это возможно лишь в истинной Церкви Христовой, потому что Церковь не только хранительница истины, но и источник благодати, хранительница даров Святого Духа. Вот какое понимание нравственности разумеет мы, когда утверждаем странную для неверующих мысль, что без Церкви невозможна нравственная жизнь. Возможна нравственность дикаря, возможна нравственность «хорошего человека», но невозможна та нравственность, в основе которой лежит новое духовное рождение, вершины которой — в достигнутой благодати Божией святости, делающей человека «Сыном Всевышнего».

Неизвестный. Да, с этой точки зрения ты прав: возможно, что такая нравственная задача без Церкви неосуществима.

Духовник. Теперь остается вопрос: возможно ли без Церкви истинное Богообщение?

Неизвестный. Да. Даже выслушав тебя и уяснив по-новому понятие Церкви, я все же не могу понять, почему нельзя чувствовать Бога и молиться Ему без всяких посредников и внешне установленных форм? Неужели для этого недостаточно той веры, которую и ты признаешь возможной в каждом человеке, не потерявшем «образ и подобие Божие», и той нравственности «хорошего человека», которая и по-твоему возможна как индивидуальное достижение. Неужели и здесь нужно обязательно что-то сверхъестественное?

Духовник. Да. Непременно. И я думаю, что в этом вопросе, так же, как и в вопросе о нравственности, наше разногласие объясняется тем, что мы говорим о совершенно разных понятиях. Когда ты говоришь, что возможно Богообщение без Церкви, а я говорю, что оно невозможно, — мы под словом «Богообщение» разумеет не одно и то же.

Неизвестный. Объясни тогда, в чем это различие.

Духовник. Знает всеведущий Господь все, что делается в душах человеческих. Знает Он и о тех молитвах, которые обращены к Нему людьми вне Церкви. С другой стороны, и душа человеческая, не вместившая в себе полноты Церковной Истины, не лишена образа и подобия Божия и может до некоторой степени воспринимать Божественное начало. Вот это и есть то Богообщение, о котором говоришь ты, и которое возможно вне Церкви. А мы

говорим о другом. То Богообщение, о котором говорим мы, не есть только молитва или неясное чувствование Бога — это есть таинственное, существенное соединение с Ним. Такое соединение, такое живое, так сказать, органическое влияние возможно только в таинстве Евхаристии. Только причастники Тела и Крови Его находятся в реальном, действительном, настоящем богообщении. Вот это-то и невозможно вне Церкви. Но только это теснейшее органическое Церковное соединение в Таинстве Евхаристии и может быть названо Богообщением в настоящем смысле слова.

Неизвестный. Да, я под словом «Богообщение» разумел нечто иное.

Духовник. Вот видишь, как трудно неверующим людям понять людей веры. Как искаженно, по-мирскому представляют они себе все учение Церкви. Тебя ошеломили мои слова, что без Церкви невозможна вера, нравственная жизнь и Богообщение. Они показались тебе нелепыми. Но когда перед тобой, хотя и в самых общих, самых неясных очертаниях, встал истинный образ Церкви, ты не только понял, что это не нелепость, но увидел, что и вера, и нравственность, и Богообщение при соприкосновении с чудесным сверхъестественным и непостижимым существом Церкви становятся чем-то иным. А что, если откроется перед тобой то, что видят и ощущают люди веры? Что, если ты переживешь сам никакими словами невыразимое чувство слияния с этим таинственным новым телом Церкви. И Церковь станет для тебя не отвлеченным богословским понятием, а чудесною и самую несомненную действительностью, которую ты не в силах постигнуть умом, но которую будешь ощущать всем существом своим. Сможешь ли ты сказать тогда о Церкви хоть одно слово, подобное тем словам, которые говорятся неверующими людьми, для которых она обыкновенное «историческое явление»?

Неизвестный. Да, твои слова кажутся мне убедительными. Но я чувствую какую-то двойственность. С одной стороны, все, что ты говоришь, кажется мне близким к истине, а с другой, — мне трудно отказаться от тех сомнений, о которых я говорил тебе в начале нашего разговора. Передо мною теперь как бы две церкви: одна та, о которой говоришь ты, другая — которую привык видеть перед собою я, и никак не могу соединить их в одну.

Духовник. Да. Теперь наступило время говорить нам о твоих сомнениях. Это даст нам возможность облечь истинное понятие о сущности Церкви, раскрытое перед тобою, в более конкретные внешние формы. А это поможет тебе соединить в одну Церковь двойственное твое представление.

Неизвестный. Возможно.

Духовник. Итак, в начале нашего разговора, ты сказал, что тебя смущает чисто земной характер церковной истории. Для тебя Церковь — человеческая организация, отразившая на себе все обычные человеческие слабости и грехи. Все изыскания в жизни Церкви, по твоим словам, легко объяснить внешними причинами, как всякое другое историческое явление. И затем ты подтвердил эту основную мысль отрицанием всех свойств Церкви — ее единства, святости, соборности — и сомнением в ее Апостольской преемственности. Я ответил тебе на это, что все сомнения твои основаны на незнании истинного учения о

Церкви и что с раскрытия этого учения и надо начать. Ложно понимание Церкви как естественной человеческой организации. Представь, что ты будешь видеть в человеке только внешнюю его жизнь, только чередование ничем внутренне не связанных фактов. Какую биографию ты сможешь тогда написать? Как бы ни были точно описаны тобою факты из истории жизни такого человека, они будут от начала до конца ложны. Нечто подобное происходит с теми, кто, не видя внутренней жизни Церкви, пишет или изучает ее «историю».

Церковь — явление сверхъестественное и по своему происхождению, и по своему развитию. Ее история — это лишь внешнее выражение в земных условиях ее сверхъестественного содержания. Нельзя понять по-настоящему истории Церкви, если не видеть и, тем более отрицать, это внутреннее содержание за внешним чередованием событий. Действительным историком Церкви может быть только тот, кто сам живет церковной жизнью и потому видит и понимает ее внутреннюю таинственную жизнь. Твое смущение было совершенно понятно, потому что та Церковь, которую представлял себе ты, действительно была бы только «человеческой организацией», не могла бы иметь никакого внутреннего отношения к религиозной жизни и вся определялась бы в своем развитии различными внешними условиями. Легко указать историческую связь того или иного внешнего события или тех или иных внешних условий с тем или иным явлением церковной жизни. Но вопрос весь заключается в том, как понять эту связь? Ведь понять ее можно по-разному. Все зависит от общего твоего взгляда на сущность и жизнь Церкви. Одни и те же факты будут по-разному истолковываться и пониматься в зависимости от различия в этом основном вопросе о сущности Церкви. Можно события церковной жизни рассматривать как механическое следствие грандиозных политических и экономических факторов, а можно, напротив, самые изменения внешнего порядка в мировой жизни рассматривать как действие тех незримых сил, которые содержатся в Церкви. Для того, чтобы так понимать историю Церкви, не надо знать какие-то особые неизвестные нам факты. Факты одни и те же. А надо верить, что Церковь — не человеческое, а Божественное установление, что глава Церкви — действительно Господь наш Иисус Христос, что она является действительным и непостижимым живым телом Его, что Дух Святой действительно пребывает в ней и водителем ее, и потому церковная история — не что иное, как тот земной путь, который проходит сверхъестественная и непостижимая Церковь в естественных, внешне осязательных условиях. Вот ответ на твой вопрос, и вот в каком направлении лежит разрешение твоих сомнений.

Неизвестный. Не знаю, смогу ли я встать на эту точку зрения. Но что дело действительно в этом, теоретически я согласен.

Духовник. Теперь будем говорить о свойствах Церкви, ни на минуту не теряя из виду открывшегося внутреннего его содержания. Оно при рассмотрении свойств Церкви начнет облекаться в живой совершенный образ, где найдет свое полное выражение и внутренняя сущность Церкви и внешняя ее форма.

Неизвестный. До некоторой степени теперь я уже предугадываю твои слова.

Духовник. Прекрасно. В этом тоже можно видеть подтверждение истины. Но с чего же мы начнем определение Церкви? Не с вопроса ли о святости? По твоим словам, только в насмешку можно назвать Церковь святою, зная хоть сколько-нибудь ее историю. Ты обвинял Церковь в насилии, лжи, обмане и прямых преступлениях. Но, говоря так, представляешь ли ты истинное учение о святости Церкви? Разве святая Церковь — значит Церковь, состоящая из святых и безгрешных людей? И разве тяжкие грехи отдельных представителей Церкви, хотя бы из состава иерархии, могут быть названы грехами Церкви? Это не грехи Церкви, а грехи их перед Церковью. Ты укажи мне хоть одно постановление церковного собора, которое было бы «греховным», или хотя бы одно церковное таинство, или обряд, или правило, которое содержало в себе «ложь, обман и преступление»? Святость Церкви не есть святость отдельных лиц. Это врачевница, исцеляющая своею святостью человеческие души, потому что не только совершенные и святые, а немощные и грешные люди ее составляют. Как же понять святость Церкви и в то же время грехи людей, ее составляющих? Какой образ раскрывается в Символе Веры наименованием Церкви святой? Церковь святая потому, что глава ее Христос. Потому, что она сосуд, вмещающий благодатные дары Духа Святого в святых своих таинствах», потому, что она дает душе человеческой все необходимое для ее спасения и достижения святости, потому, что она есть истинное Тело Христово, где верующие соединены в таинственное живое единство любви, потому, что все, что есть святого в них, все содержится в теле Церкви, потому, что она, не отсекая падшие души, ведет их к совершенству и тех, кто в каждом своем акте греха отрывается от Церкви, омывает и вновь воссоединяет в таинстве покаяния и в Божественной Евхаристии. То, что ты называешь «грехами Церкви», несовместимыми с понятием святости, — есть грехи отдельных ее представителей, которые не могут Святую Церковь сделать грешной, потому что, поскольку они во грехе, постольку сами разъединены с Церковью.

Неизвестный. Да. Это я уже понял.

Духовник. Ты не признаешь «соборности» Церкви и наименование это считаешь ложью на том основании, что Церковь всегда была прислужницей мирской власти. Говоря так, ты видишь перед собою те или иные злоупотребления, дававшие возможность мирской силе употреблять в своих целях внешнюю церковную организацию и отдельных ее представителей. Но ты не видишь истинного образа Церкви и потому не чувствуешь соборности ее сознания и действующего через эту соборность Духа в ее жизни. Не «прислужницей» мирской власти, а носительницей благодати Духа Святого была Церковь, когда соборный разум ее осознавал догматы и непреложно утверждал непостижимые божественные истины веры. Этот соборный разум определил и всю внутреннюю жизнь Церкви святыми канонами, которые суть не мертвые буквы человеческого законодательства, а живые веления Духа. Потому они и не могут быть отменяемы субъективным актом человеческого

сознания и воли, но в то же время, как все живое и Духом преисполненное в Церкви, могут в отдельных случаях восполняться, видоизменяться и временно приостанавливаться в своем действовании соборным сознанием.

Бывают эпохи, когда носителями этого соборного сознания Церкви и выразителями велений Духа Святого было меньшинство в Церкви, а большинство являлось носителями мирских, субъективных, нецерковных начал. Тогда в порядке сверхъестественном вершителем судеб Церкви в конце концов являлось меньшинство, потому что оно было хранителем церковной истины. Церковь соборная — не потому, что всегда была независима от воздействия на нее мирской власти и свободно управлялась своими представителями по указанию соборов, а потому, что и под ужасающим иногда давлением этой власти она все же определялась и развивалась, как в области догматической, так и в области внутренней своей жизни, действующим через соборное сознание Церкви Духом Святым.

Неизвестный. Это мне принять труднее, но допускаю, что и это так. По крайней мере, эту внутреннюю сторону я раньше совсем не принимал во внимание.

Духовник. Ты сказал об апостольской преемственности церковной иерархии, что это сомнительно, но что ты не считаешь этот вопрос существенным. Почему сомнительно? Здесь и история, и предание Церкви чуть ли не поименно сохранили наш преемственный ряд епископов, начиная с первых Епископов, рукоположенных самими Апостолами. И вопрос этот о преемственности имеет первенствующее значение. В нем один из существенных признаков истинной Церкви, ибо в этой преемственности залог неуклонного следования Церкви по тому пути, на который поставлена она через святых Апостолов Господом Иисусом Христом.

Неизвестный. Мне это не совсем понятно. Но не буду возражать и против этого.

Духовник. И вот теперь я спрошу тебя: может ли такая Церковь не быть единой? Ты говоришь о «множестве» Церквей. Но что же показывает это множество? Не то ли, о чем предостерегает Спаситель, сказав, что «многие придут под именем Моим, и будут говорить: «я Христос», и многих прельстят» (Мф. 24, 5). Не назвал ли Он Церковь Свою «малым стадом»? Не сказал ли Он: «...Сын Человеческий, придя, найдет ли веру на земле?» (Лк. 18, 8). «Тогда, если кто скажет вам: вот, здесь Христос, или там, — не верьте» (Мф. 24, 23). Сколько будет отпадении, сколько искажений, какое внешнее торжество заблуждений и лжи. Но истинная Церковь будет едина. Сколько ветвей отпадет от лозы совсем, сколько будет едва держаться не вполне оторвавшимся корешком, и только одна истинная Церковь останется на ней спелой гроздью. Святая, Соборная и Апостольская Церковь — хранительница истины и благодатных даров Духа Святого — не может разделиться на несколько истин. Такая Церковь может быть только одна.

Неизвестный. Но как же узнать ее? Ведь каждому кажется, что его Церковь — та одна-единственная Церковь, о которой говоришь ты. Где признаки этой Церкви?

Духовник. Истинная Церковь как была, так и пребудет навеки «не от мира сего». Дух Христов никогда не смешается в ней с мирским духом Велиара, и потому всегда она и будет свободна от мирских стихий. В ней неизменно сохранится все, что даровано Церкви благодатию Святого Духа: и Апостольская преемственность иерархии, и соборность церковного строя, и чистота догматов веры, и неизменность ее святых канонов, и верность ее преданию. Там, где будут все эти признаки, будет и единая Истинная Церковь. И напротив, где прервется Апостольская преемственность иерархии, или будут отменяться святые каноны, или войдет она в единение с Велиаром, или откажется от Свободы Христовой и водительства Духом Святым и отдастся в рабство мирских стихий — там уже не будет Истинная Церковь.

Неизвестный. Но как трудно перенести твои слова, так сказать, на реальную почву, то есть с умственного согласия на действительное чувствование.

Духовник. Это может дать только внутренний опыт, его нельзя получить с чужих слов.

Неизвестный. Но все же я хотел слышать от тебя об этом опыте.

Духовник. Ощущать Церковь — это значит испытывать то блаженство, которое открыто нам в обетовании, но которое начинается здесь. И как бы ни страшило тебя сознание соделанных тобою прегрешений, как бы ни была преступна и грязна твоя жизнь, каким бы окаянным ни сознавал бы ты себя перед Богом, сознание, что и ты причащаешься Единого Хлеба, что и ты своей верой, покаянием, молитвой, каждой живой частью своего сердца и не угасшей искрой своей совести, каждым не заглушим в тебе добрым движением души — по величайшему к тебе милосердию Божию составляешь частицу таинственного светлого Тела Христова, наполняет тебя всегда чувством благоговейного восторга и радостного умиления. Тебе всегда где-то в самой глубине сердца трепетно ощущается чувство надежды, что и тебя простит за все Господь и даст тебе быть хотя бы и самою последнею частицею прославленной Церкви. Какие бы скорби ни посещали тебя, в какое униженное состояние ни ставила бы тебя жизнь — ты всегда чувствуешь себя победителем, ибо ты всегда переживаешь ту победу и славу Церкви Христовой, которая обещана и как бы видится очами веры. В миру ты не одинокий странник. Ты всегда ощущаешь ту полноту любви, которая тебя объемлет, соединяет с собою и не дает тебе оторваться и окончательно упасть в окружающий смрад мирской жизни. Ты дерзаешь молиться о всем мире, а не только о себе, потому что ты молишься в Церкви, и ты не столько просишь, сколько славословишь Господа, потому что твои личные нужды кажутся такими ничтожными перед этой радостью и общим торжеством. По-иному видишь ты и самый вещественный мир, ибо его нетленная основа, как новое небо, новая земля, объемлетя святою Церковью.

Чувствовать Церковь — значит чувствовать полноту жизни, покой от созерцания Истины, радость от надежды спасения и постоянное, все освящающее, все очищающее действие Божественной Любви. Войди в Церковь с открытым сердцем, и, если Господу угодно, все это будет тебе дано.

Неизвестный. Может быть, это и так.

Духовник. Сделаться верующим человеком и остаться вне Церкви — это все равно, что испытывать жажду, видеть перед собою прозрачный сосуд с чистой водой и не захотеть поднять руку, чтобы взять его и поднести к своим губам.

Неизвестный. По-видимому, ты прав. Я еще не могу назвать себя верующим, но уже чувствую нечто похожее на то, о чем ты говоришь. Только разве можно сказать: не хочу, не могу?

Духовник. Нет, именно не хочешь, хотя и кажется тебе иное. Ты хочешь лишь одним краешком своего существа, а надо захотеть всем существом своим. Великое счастье иметь веру. Но каким словом выразить то, что дает чувство Церкви?

Неизвестный. Да, я понимаю тебя. И, может быть, без таинств, то есть сверхъестественных сил — это, действительно, нечто отвлеченное, какая-то прекрасная, но недостижимая мечта.

Духовник. Совершенно верно.

Неизвестный. Видишь, как трудно так называемому «образованному человеку» делать каждый шаг на этом пути. Опять у меня вопросы, опять препятствия.

Духовник. А именно?

Неизвестный. Да вот относительно таинств. Для меня много здесь неприемлемого и непонятного.

Духовник. Не смущайся этим. Ты уже близок к познанию Истины. А что касается новых препятствий, то мы постараемся преодолеть и их.

Неизвестный. Я очень хотел бы этого.

Духовник. Прекрасно. В следующий раз мы будем говорить с тобой о таинствах Церкви.

Диалог пятый О ТАИНСТВАХ

Неизвестный. Вот уж я никогда не думал, что мне придется говорить с тобой о таинствах!

Духовник. Почему?

Неизвестный. Я был уверен, что наши разговоры прекратятся гораздо раньше.

Духовник. А я, наоборот, нисколько не сомневался, что мы доведем их до конца.

Неизвестный. Теперь я спрошу тебя — почему?

Духовник. Потому, что я верил, что ты действительно хочешь узнать Истину. А тот, кто хочет узнать ее, тот не может остановиться на полдороге.

Неизвестный. Возможно. Но с чего же начнем мы свой разговор?

Духовник. Выскажи мне свои сомнения.

Неизвестный. Мои сомнения касаются и учения о таинствах вообще, и каждого таинства в отдельности. С чего же начать?

Духовник. Разумеется, начнем с общего, а потом перейдем и к частному.

Неизвестный. Прекрасно. Церковные таинства до сих пор представлялись мне грубым извращением христианского учения. Я считал их выдумкой невежественных людей, которые не могли возвыситься до настоящего понимания христианства и потому понимали каждое слово Евангелия грубо, буквально. Мне всегда думалось, что Христос пришел бы в ужас, если бы увидел, как Его беседа с Никодимом превратилась в «Таинство Крещения», последняя прощальная беседа с учениками — в «Таинство Евхаристии», слова о том, что не надо распутничать, — в «Таинство брака» и т. д. Я не могу принять этого учения за истину прежде всего потому, что оно кажется мне неразумным, и во-вторых, потому, что оно явно «исторического происхождения».

Духовник. Почему неразумным? Ты хочешь сказать непонятным?

Неизвестный. Нет, именно неразумным. Разве для человеческого ума не очевидна вся бессмысленность каких-то внешних и подчас весьма странных манипуляций, якобы необходимых, чтобы Божественная сила могла помочь человеку при решении внутренних непосильных задач. Как будто нельзя эту благодатную помощь оказать безо всяких внешних церемоний. Неужели для «рождения свыше» надо непременно трижды окунуться в воде, для того, чтобы «соединиться с Христом», непременно съесть кусок просфоры с вином, для того, чтобы блуд превратить в «законный брак», трижды в нелепых коронах с разноцветными стеклами обойти вокруг аналоя?.. Мне было трудно принять догматы потому, что они непостижимы для разума. А таинства для человеческого разума просто «ни к чему». Какая-то явная ненужность. Я понимаю, что для истинной веры, нравственной жизни, понимаемой как богосовершенство, и полноты богообщения личных сил человека недостаточно. Понимаю, что здесь задачи, превышающие человеческие силы и потому требующие помощи сверхъестественной. Но почему в такую грубо внешнюю, чисто материальную форму облекается эта помощь? Я этого не понимаю.

Затем, «историческое происхождение таинства». Как я могу поверить в их Божественное установление, когда вся их внешняя форма создавалась постепенно и носит на себе явные черты всевозможных влияний? Ведь если бы так важно было Богу, чтобы Божественная сила передавалась людям в форме внешних священнодействий, то, очевидно, было бы дано и определенное указание, как эти священнодействия совершать. Вы считаете, что если не исполнить той или иной манипуляции, не совершится и таинство. При таком важном значении внешней формы совершенно непонятно, почему она не указана в откровении. И еще более непонятно, каким образом в разные века она могла быть разной. Ведь если бы в первом веке кто-нибудь вздумал венчать так, как вы венчаете, Церковь не признала бы это «настоящим таинством», и, напротив, если бы теперь кого-нибудь «повенчать» так, как венчали в первые века, — вы сказали бы, что это не таинство. Ясно, что внешняя форма таинства менялась так же, как весь культ, в котором легко найти самые разнообразные влияния, до языческих мистерий включительно. Как же можно верить в таинства как в какое-то незыблемое Божественное установление?

Духовник. Ты кончил?

Неизвестный. Да. О таинствах вообще кончил. Но о каждом в отдельности могу сказать очень много.

Духовник. Это после. Рассмотрим сначала сказанное тобою о таинствах вообще. Ты находишь таинства «неразумными», потому что Божественная сила может оказывать помощь человеку непосредственно и не нуждается во внешних священнодействиях. Но что разумеешь ты под словом «непосредственно»?

Неизвестный. Человек мог бы в молитве просить этой помощи, и Бог мог бы ее дать. При чем тут купание в воде, просфора с вином, медные короны? Неужели без этого нельзя? Неужели Богу, действительно, все эти ваши побрякушки и церемонии нужны?

Духовник. Ответь мне на вопрос: зачем нужно было человеческую душу облекать в тело и вообще создавать материальный мир? Разве Бог не мог бы создать только душу и сделать ее непосредственно участвующей в Божественной жизни?

Неизвестный. Ты задал вопрос, на который невозможен ответ. Ведь сам же ты говорил раньше, что возможно постигнуть цель уже созданной Богом жизни, но зачем она создана и зачем эта цель перед ней поставлена, совершенно невозможно знать человеку, потому что это тайна внутренней жизни самого Господа Бога, нам не открытая.

Духовник. Прекрасно. Ты понял меня совершенно верно. Но почему ты забываешь об этом, когда говоришь о таинствах?

Неизвестный. Не понимаю, что общего между тем и другим?

Духовник. Общего очень много. Ты спрашиваешь, зачем нужны вещественные, видимые, осязаемые формы для передачи человеку благодатной Божественной силы. Я отвечу тебе прямо: не знаю. Но так же не знаю, как не знаю, зачем Бог восхотел бытия вещественного мира и создал не один только мир духовный, но и мир телесный, вещественный, видимый и осязаемый.

Неизвестный. Я все-таки не понимаю, что ты хочешь сказать?

Духовник. Непостижимая и неоткрытая людям тайна, почему восхотел Господь создать видимый мир и облек человеческую душу в телесную форму, нисколько не лишает нас твердой уверенности, что цель жизни этого уже созданного мира и человека нам известна — она лежит в достижении единства с Богом. Если ты рассмотришь сущность того единства в Боге, которое составляет цель жизни человека и его спасение, ты увидишь, что оно не есть единство только души, а всего человека. Всеобщее воскресение не есть воскресение только души. Тело и дух в человеке — не какие-то два противоположные начала. Они составляют нечто целое, единую человеческую личность. Так вот, если ты назовешь бессмыслицей и ненужностью соединение души человека с его телесностью — только тогда ты вправе назвать ненужностью и телесность таинств, то есть некую внешнюю форму для передачи Божественной благодати.

Неизвестный. Я немного начинаю понимать тебя. Ты хочешь сказать, что внешняя сторона таинства необходима потому, что человек состоит из души и тела?

Духовник. Да. Но надо понять это не как формальное внешнее требование, а со стороны внутренней, и тогда таинства перестанут тебе казаться пустыми церемониями.

Неизвестный. Как же именно надо понять это?

Духовник. Человек не только дух, но и вещество. Какова внутренняя связь и внутреннее соотношение души и тела человека с тем, что составляет его телесность, — нам не известно. Но мы знаем, что благодать Божия должна проникнуть всего человека: «Разве не знаете, что тела ваши суть члены Христовы?» (1 Кор. 6, 15). И еще: «...тела ваши суть храм живущего в вас Святого Духа, Которого имеете вы от Бога, и вы не свои? Ибо вы куплены дорогою ценою. Посему прославляйте Бога и в телах ваших и душах ваших, которые суть Божии» (1 Кор. 6, 19–20). Таинства и дают всему человеку Божественную Благодать. Духом Святым через таинства наполняется не только душа человека, как нечто отдельное, или тело его, как нечто отдельное, а весь человек в целом. Здесь так же необходимо и так же таинственно значение вещества, как и в личности человека. И здесь мы не знаем, какова связь и каково взаимоотношение внешнего вещественного начала в таинстве с его душой — духовной сущностью, но знаем, что эта связь есть и что она нерасторжима. Мы не знаем, почему для одного таинства нужно вещество воды, для другого масло, для третьего вино и хлеб, мы не знаем, почему нужно произнесение определенных слов и совершение определенных действий, но мы верою непреложно постигаем, что это не есть нечто ненужное и внешнее, а как бы телесность таинства, которая необходима, чтобы преподаваемая благодать наполняла Духом Святым всего человека: и его душу, и его тело, и ту непостижимую связь между ними, которая заключена в единой человеческой личности. В таинствах мы видим величайшее проявление Божественной любви, которая снисходит к нам, несмотря на все наше растрление — и духовное, и телесное, — и принимает нас в свое лоно в полноте нашего человеческого бытия. Эта любовь, снисхождение и милосердие дают нам благодатную силу в вещественных, осязаемых, внешних формах, которые объемлют всего человека, а не только его дух. Таинства — это благодать Божия, которая, подобно душе человека, облечена в таинственную телесность. В эту телесность облек Господь свою силу, снисходя к падшему и искупленному человеку, дабы весь он стал, по слову Иустина-мученика, «Сыном Всевышнего».

Неизвестный. Значит, без этой внешней формы непосредственное действие благодати и перерождения души человека невозможны?

Духовник. Да. Но здесь необходимо сделать одну оговорку. Она имеет отношение ко всем таинствам вообще. Таинство — это необходимое внешнее священнодействие для передачи Божественной благодати — такой общий и непреложный закон. Но всегда надо помнить, что там, где благодать — там по воле Божией возможны исключения. В отдельных случаях, когда это угодно Богу, благодать может быть преподана без установленных внешних священнодействий. Принципиально эта возможность относится ко всем таинствам. Я приведу тебе несколько примеров.

Как общее правило можно утверждать, что крещение водою и Духом

обязательно для присоединения верующих к Церкви, но в отдельных случаях мученики делались членами Церкви и без этого внешнего священнодействия. В древности Дары Духа Святого преподавались верующим через возложение рук. Но не было возложения рук на 120 мужей, на которых сошел Дух Святой в Иерусалиме. Сотник Корнилий прежде крещения и прежде возложения рук был исполнен Духом Святым.

Подобные исключения, возможность которых надо принципиально допустить в каждом таинстве, должны рассматриваться как особые, по воле Божией совершающиеся действия Его благодатной силы и нисколько не колеблют общего учения о таинствах и непреложность закона о необходимости, для передачи благодати Божией, определенных внешних священнодействий.

Неизвестный. Положим, так. Но почему же тогда эта «телесность» таинств не дана Богом как нечто определенное и неизменное? Откуда люди сами узнали, что именно такие-то действия надо совершать так-то и слова надо произносить именно эти, а не другие? Ведь, в конце концов, все это человеческие измерения?

Духовник. Ты был бы совершенно прав, если бы форма таинств создавалась вне Церкви отдельными людьми. Но ты опять, по-видимому, забыл, что говорили мы с тобою о Церкви. В Церкви глава Христос, и она вместилище Духа Святого. Поэтому действие в ней силы Божией продолжается. Ты спрашиваешь, откуда люди взяли, как надо совершать таинства, какие надо совершать действия и произносить слова? Это сказала Церковь. В слове Божиим даны основные начала всех Богооткровенных истин. Но дальнейшее их развитие, являясь по источнику своему столь же Божественным, раскрывает эти истины в их полноте. Как выросшее, цветущее и дающее плод растение все содержится в зерне, но зерно и выросшее растение — не одно и то же, так и догматы Церкви, все учение о Благодати, весь внутренний порядок церковной жизни содержатся в слове Божиим, но Символ веры, учение о таинствах и святые каноны — не то же самое, что зерно их в слове Божиим, хотя все они содержатся в этом зерне. Все, что имеет Церковь, создано силою Духа Святого уже в процессе земной ее жизни.

Неизвестный. Не понимаю, зачем для откровения нужен процесс? Почему нельзя было сразу все это раскрыть людям, как сразу открыть им нравственный Евангельский закон? Разве не более убедительно было бы, если вся истина была бы сразу открыта людям?

Духовник. Ты опять забываешь, что Церковь — не пустая форма, совершенно безразличная сама по себе, в которой как в сосуде содержится сила Духа Святого. Церковь — живое Тело Христово, возглавляемое Им и напоенное Духом Святым, значит, и люди, как члены этого Тела, являются действующими в ней. Отсюда некоторое определенное соотношение между сверхъестественным началом и естественным земным процессом. Участие человека в деле развития Церкви и земное естественное ее Бытие сделало неизбежным постепенность ее развития в зависимости от нравственного и духовного состояния людей, степени их веры, подготовленности сознания и целого ряда внешних условий. Отсюда понятна и разная форма таинств в

разные века. Церковь живет — и потому изменяется. Но это не есть изменение тех или иных человеческих измышлений — это живое изменение зерна, положенного в землю и постепенно выросшего в совершенное растение. «Вы Божия нива, Божие строение», — говорит Ап. Павел. И пока ты не проникнешься до конца настоящим пониманием учения о Церкви как сверхъестественном Теле Христове, живущем в естественной земной среде, тебе все будет казаться «странным», «неразумным», «человеческим», потому что ты будешь видеть во всем только человеческое.

Неизвестный. Да, ты рассуждаешь совершенно последовательно. И приняв основное положение, приходится принять и твои выводы, хотя это подчас и очень трудно, уму. Однако мои «частные вопросы» не могут быть решены твоими общими рассуждениями, и мне все же придется перейти к отдельным таинствам.

Духовник. Я слушаю тебя.

Неизвестный. Начнем с Крещения. По вашему учению, таинство Крещения — это есть такое священнодействие, где при трехкратном погружении в воду, с произнесением определенных слов — человек рождается свыше, делается другим человеком, присоединяется к Церкви, становится ее членом. Не так ли?

Духовник. Да, так.

Неизвестный. Допустим, ты прав, что эта перерождающая всего человека благодать необходимо требует внешней формы: погружения в воду, произнесения определенных слов, то есть того, что ты называешь «телесностью таинства». Но спрашивается: неужели требуется только эта внешняя форма, только эта телесность?

Духовник. Разумеется, нет.

Неизвестный. Но у нас получается именно так! Как будто бы ничего, кроме этой внешней формы, не нужно!

Духовник. Почему ты так думаешь?

Неизвестный. Очень просто. Ведь «рождение свыше» и присоединение к Церкви через определенные внешние действия предполагают одно неперемное условие: веру. Вспомни, как в Деяниях говорится о крещении евнуха. Филипп в пути проповедовал ему об Иисусе и, видимо, убедил его. Подъехали к воде. Евнух, указывая на воду, сказал: «...вот, вода; что препятствует мне креститься?» Филипп ответил ему: «...если веруешь от всего сердца, можно. Он сказал в ответ: верую, что Иисус Христос есть Сын Божий. И приказал остановить колесницу, и сошли оба в воду, Филипп и евнух; и крестил его» (Деян. 8, 36–38).

Таким образом, возможность таинства зависит от веры. Без веры не было бы и таинства. А разве у вас так? Разве вы не будете считать таинство совершившимся, если крещаемый равнодушен или даже враждебен вере? И разве, по церковному учению, твоя формула не совершит свое действие и без его веры, и разве он будет подлежать вторичному крещению? Но всего яснее отрицание веры как необходимого внутреннего условия для совершения таинства можно видеть в крещении младенцев. Вы погружаете их в воду и

уверяете, что они уже «члены Церкви», то есть тоже «рождены свыше». Но какая же вера может быть у грудного младенца? Разве крещение ваше при таких условиях не превращается в какое-то магическое заклинание, где слова и действия имеют самодовлеющее значение. И разве не ясно, что Церковь подменила здесь внутренний смысл таинства внешним обрядом. А потому, если и можно признать за истину отвлеченное учение о «телесности благодати», то совершенно нельзя принять того, что из этого получилось на деле.

Духовник. Ты совершенно прав, когда говоришь, что вера необходимое условие для совершения таинства. Но рассмотрим подробнее этот вопрос, и ты увидишь, что напрасны все твои смущения. В таинстве крещения человек получает новое рождение, делающее его членом Церкви. Физическое рождение человека носит в себе начало первородного греха, не преодолев который, нельзя стать членом Церкви, частицею Тела Христова. Сам человек не может сделать это потому, что сам не может уничтожить в своей природе начало первородного греха. Это можно сделать только через новое рождение силою Божественной благодати и верою в искупившего мир Господа нашего Иисуса Христа. Эта перерождающая сила содержится в Церкви, и в Церкви содержится необходимый для этого момент веры. Человек, принимающий крещение, получает то, что дает ему Церковь и что от него не зависит: душа его ставится в новое условие бытия, он вновь рождается, становится членом Церкви — и через это делается для него возможным получение тех таинств, в которых может быть преподана благодать Божия только членам Церкви.

Неизвестный. Неужели личная вера тут не нужна?

Духовник. Нет. Нужна. И Церковь не станет совершать крещение над заведомо неверующим человеком. Она так же, как и Филипп спросил евнуха, спросит его, верует ли он во Христа. Но личная вера нужна и для того, чтобы благодать стала действительным началом в душе человека.

Неизвестный. А если он примет таинство по каким-либо внешним соображениям, на самом деле не веруя, ведь таинство все же совершится?

Духовник. Да, совершится. В том смысле, что Церковь даст то, что содержится в таинстве. Но это будет подобно тому, как если бы человек, получивший жизнь, сейчас же пресек ее самоубийством: по своему неверию в принятое таинство, человек будет мертвым членом Церкви.

Неизвестный. Значит, если он после уверует по-настоящему, его надо крестить вновь?

Духовник. Нет. Благодатная сила, вновь рождающая человека, по учению Церкви, может быть дана только раз, как один только раз физически может родиться человек. Эта сила была ему дана в совершившемся таинстве Крещения. Он, хотя и мертвый, но член Церкви. И если он уверует, принесет покаяние в своем обмане, то благодать, которую он получил от Церкви, станет действенной в нем, и он как бы оживет вновь.

Неизвестный. Допустим, так. А как же крещение младенцев? Ведь это уже просто какое-то насильственное присоединение к Церкви. Если крещение принимает неверующий, он все же как-то участвует в этом, хотя бы и лицемерно. А младенцы? Ведь это все равно, что крестить человека,

находящегося в бессознательном состоянии, и потом утверждать, что он стал «членом Церкви».

Духовник. Младенцы не имеют личных грехов, и это условие считается достаточным для действительного принятия таинства. Что же касается личной веры, то Церковь здесь являет себя как нечто единое и целое: личная вера, которой не может быть у младенцев и которая необходима для действительности таинства, — исповедуется перед Господом его восприемниками.

Неизвестный. Опять отвлеченное богословие. Разве в действительности это так? Разве восприемники думают о том, что они должны исповедовать свою веру перед Богом? Разве для них это не пустой обряд, и разве участие их определяется религиозными мотивами, а не житейскими отношениями?

Духовник. Возможно. И за это они дадут ответ Богу. Благодать не безразличная сила и прикасающийся к ней недостойно не может воспрепятствовать ее действию своим недостойнством, но сам тяжело согрешает. Таинство всегда свято само по себе. И совершается всегда, когда его совершает Церковь. А то, о чем говоришь ты, — это грехи людей, а вовсе не замена Церковью благодатного таинства внешним обрядом.

Неизвестный. Я готов принять твои слова. Возможно, что здесь действительно нет погрешности в учении Церкви. Но иногда действительность так сплетается с учением, что не знаешь, где кончается одно и начинается другое. Может быть, мне труднее всего принять таинство брака.

Духовник. Я понимаю тебя. Здесь церковное учение действительно чрезвычайно затемнено. Но постараемся в нем разобраться.

Неизвестный. То, что мне известно о церковном отношении к браку, до такой степени противоречиво, а действительность до такой степени определена, что я никак не могу уяснить себе: каково же, в конце концов, церковное учение о браке.

Духовник. Скажи мне подробнее все, что тебя смущает.

Неизвестный. Таинство брака — это такое священнодействие, в котором дается сверхъестественная сила для создания христианской семьи. Физическое соединение, которое вне брака, по вашему учению, считается смертным грехом — блудом, становится супружескими отношениями. Рождение детей не тяжким грехом беззакония, а исполнением заповеди Божией. Вся жизнь семьи превращается как бы в домашнюю Церковь, и Апостол считает возможным сказать: «Мужья, любите своих жен, как Христос возлюбил Церковь». Эта любовь — уже не блуд, а некая «тайна», где силою Божественной благодати человек «прилепляется» к жене своей и двое делаются одной плотью. Так?

Духовник. Да. Таково именно церковное учение.

Неизвестный. Я бы сказал, это одна сторона церковного учения. Она нашла себе выражение и в молитвах при совершении таинства брака. Там говорится:

«Благослови брак сей и подаждь рабом Твоим сим живот мирен, благоденствие, целомудрие, друг к другу любовь, в союзе мира...»

«Благослови я, даждь им плод чрева, добродетель, единомыслие душ и

телес...»

«Исполни дома их пшеницы, вина и елея и всякие благостыни...»

Казалось бы, вопрос ясен. Церковь признает святость брака полностью. Молится о единомыслии не только душ, но и телес. Видит в соединении тайну. Заповедует любить жену, как Христос Церковь. Молится о рождении детей и о внешнем благополучии. И для всего этого дается Церковью благодатная Божественная сила. Так?

Духовник. Совершенно верно.

Неизвестный. Но дальше начинается нечто совершенно другое. Прежде всего, эти молитвы читаются только в церкви. Только при совершении таинства. Но они так в церкви и остаются как чин «венчания». За стены храма Церковь молитвою брак не сопровождает. И не потому, что верующие не хотят молиться, а потому, очевидно, что Церковь принципиально против этого. Иначе ничем нельзя объяснить, что она не дала ни одной молитвы о том, о чем молилась при совершении таинства, ни для дома, ни для семьи, ни для мужа, жены и их супружеской жизни. Это не простая случайность. Это потому так, что некоторая двойственность заключается в самом отношении Церкви к браку: с одной стороны, таинство, а с другой — что-то «нечистое».

Духовник. Я не совсем понимаю тебя.

Неизвестный. Я приведу тебе пример. Однажды я говорил с одним священником о браке и, между прочим, сказал: как странно, что Церковь велит молиться и просить Божьего благословения перед каждым незначительным шагом в жизни человека. Но нет ни одной молитвы перед великим моментом брачной жизни — супружеским соединением. Он замахал руками, засмеялся и сказал: «Вы этак, пожалуй, скажете, что молиться надо и перед совершением низких отправлений». Так относится к «единомыслию телес» не один какой-либо священник, а вся Церковь. С одной стороны, таинство, «благодать», чадородие, любовь, заповедь Божия: «прилепись к жене» и будь единою плотию с ней, великая тайна по отношению ко Христу и Церкви — с другой стороны — «скверна», что-то нечистое, запрещенное исполнять в определенные дни, какое-то «низшее отправление» вместо «тайны». Женщина исполнила то, для чего ей преподана благодать и о чем она молилась в Церкви, молитва ее услышана Богом, она родила ребенка, и за это ей в течение 40 дней запрещается ходить в церковь, и она считается недостойной причащения, как «осквернившаяся»! Церковь в сороковой день молится: «Омой ея скверну телесную и скверну душевную во исполнение сорокадневия творяй ю достойну и причащения честнаго тела и крови Твоея». Значит, до этого дня она была недостойна! Почему? Потому, что исполнила заповедь Божию?

В полном соответствии с этой действительностью в церковном отношении к браку создалась и наша действительность. Вы можете любить друг друга самую возвышенную любовью, вы можете чувствовать, что ваша любовь делает вас двоих единым существом, у вас может быть полное единомыслие душ и телес, но по каким-либо внешним причинам вы не можете вступить в брак. Вы живете «невенчанные» — и этого достаточно, чтобы ваша истинная семейная жизнь в любви и единомыслии для Церкви была блуд. Но вот

будущий священник, которому к определенному сроку надо «жениться», чтобы иметь право принять сан, едет смотреть себе «невесту». Осматривает одну, другую, третью, как какой-то живой или мертвый инвентарь. Находит наконец «подходящую» для себя. Через некоторое время совершается таинство брака. Он приводит к себе совершенно чужую женщину, которую видит второй или третий раз, которую совершенно не знает и не любит, но они «обвенчаны», и в результате ложе нескверно, все в порядке, то есть совершен «брак», где супружеское соединение не блуд, а «законное исполнение... низших отпращиваний!»

По учению и общему отношению всех верующих людей, брак — это какая-то «слабость», допускаемая как компромисс, «лучше, чем блуд»... И тот же Апостол, который в одном месте назвал брак тайной во Христе, — в другом месте сказал совсем другие слова: лучше вступать в брак, чем разжигаться, то есть превратил брак просто в какой-то паллиатив блуда. Вполне понятно, что при таком условии брак как таинство и не вошел в жизнь. В самом деле, посмотри с какой легкостью отказываются от него верующие люди. Почему это? Потому что они чувствуют его ненужность. Разве может верующий человек не крестить своего ребенка? Нет! Но жить вне брака — это для него вполне возможно. Потому, что таинства брака в жизни нет. И как только юридическая и бытовая сторона брака потеряла свой смысл — стало очевидно, что в нем нет никакого религиозного содержания. Оно просто не нужно. Не нужно потому, что и по учению Церкви ничего на самом деле в супружеской жизни не менялось, не перерождалось, не освящалось в браке, а как было, так и оставалось скверной. И я стою в полном недоумении, что же такое, в конце концов, таинство брака?

Духовник. Ты не прав во всем, что касается церковного учения. И прав во всем, что касается нашей действительности. В учении Церкви о браке нет никакой двойственности, а в действительной жизни страшное искажение этого учения, создающее подобие какой-то двойственности и в церковном учении. Святость брака признается Церковью безусловно и безоговорочно. Отношение к браку как к скверне осуждено Церковью и названо ересью. Но есть два пути — путь девства и путь брачной жизни. Церковь признает первый более совершенным потому, что он открывает возможность большей близости к Богу. Но такое признание двух путей и предпочтение девства супружеству — совсем не есть «двойственность». И меньшее совершенство в отношении большего совсем не есть «скверна». Ведь то же самое видим мы и в вопросе о жизни вообще. Там тоже есть два пути — монашеский и мирской. И хотя возможно спасение и в монашестве, и в миру, но первый путь выше. Поэтому ты совершенно неправильно понимаешь слова Ап. Павла: «лучше вступать в брак, нежели разжигаться». Здесь вовсе не «паллиатив» против явного блуда. Апостол говорит следующее: есть два пути — девство и брак. Лучше избрать путь девства. Но не все могут идти этим путем. Тогда, встав на путь внешнего девства, можно погибнуть во внутреннем пороке, разжигания похоти. При таком положении лучше избрать менее совершенный путь, но тоже святой — путь брака.

Наконец, двойственность усматриваешь ты и в молитвах Церкви в сороковой день. Эти молитвы касаются того первородного греха, который запечатлен в нашем рождении. Это вовсе не есть молитва от скверны брачных отношений, которые благословлены Богом, а молитва от осквернения действующего в нас первородного греха, который мы все же несем и который запечатлен в нашем рождении и в нашей плоти.

Но ты вполне прав, что учение Церкви извращено в жизни. Это извращение касается непонимания внутренних условий для действительности таинства брака, которые требуются от верующих и вступающих в брак. Каждое таинство может быть совершено властью Церкви, но действительность преподанной в таинстве благодати зависит от внутреннего состояния души человека. Крещение дает человеку благодать нового рождения. Но при неверии это рождение не создает новой жизни, потому что оно будет мертвым. И брак дает благодать, перерождающую воду естественно-природного влечения — в вино таинственного соединения двух в единую плоть. Но если не будет в браке любви, если жена будет «чужой женщиной», а не любимой той любовью, которая подобна, по словам Апостола, любви Христа и Церкви, — благодать окажется бездейственной, а брак, хотя и законный в церковном смысле, и потому не блудный, но мертвый, и семья — мирским делом, а не домашнею Церковью. Ведь если крещеный, то есть получивший благодать рождения свыше, может быть хуже, чем некрещеный, то и живущие в браке могут быть хуже, чем вне брака, но это вовсе не значит, что не надо креститься и не надо венчаться. А значит совсем другое: надо креститься и венчаться, имея те внутренние условия — веру в крещение, любовь в браке, чтобы не бесплодной была в нас получаемая благодать и в крещении, и в браке.

Да, ты прав, когда говоришь о легкости, с которой готовы отказаться верующие от этого таинства, и верно указываешь причину — она заключается в том, что большинством верующих брак не усвоился как таинство, и они мало чувствовали в нем благодатные основания для семьи, и потому, когда брак потерял свой юридический и бытовой смысл, он для них стал казаться ненужным. Но виноваты в этом люди, а не учение Церкви. Итак, твои смущения в вопросе о браке есть результат отчасти неправильного понимания учения Церкви, отчасти смешения этого учения с действительностью. Церковь ясно безо всякой двойственности считает брак святым таинством и брачный путь благословляет не как компромисс, а как путь, угодный Богу, хотя и признает девство более совершенным. Искаженное понимание брака коренится в полном забвении тех внутренних условий, которые необходимы для того, чтобы была действенной благодать брака.

Неизвестный. Я вообще удовлетворен твоими объяснениями, они разрешают кажущееся противоречие в церковном учении и дают внутреннее понимание уклонений от этого учения в действительной жизни. Теперь я хотел бы несколько слов сказать о таинствах Миропомазания и Елеосвящения, которые кажутся мне просто ненужными.

Духовник. Я уверен, что и здесь учение Церкви вполне удовлетворит тебя.

Неизвестный. Возможно.

Духовник. Почему же эти таинства кажутся тебе ненужными?

Неизвестный. Вот почему. Таинство Миропомзания мне представляется ненужным потому, что оно повторяет то, что дано уже в крещении. Ведь человек переродился. Ему дана благодать для новой чистой духовной жизни. К чему же еще специальное таинство, какие-то специальные сверхъестественные силы! Для чего? Раз уж дана человеку перерождающая его благодать, остальное, то есть действенность в его жизни этой благодати, зависит от него самого. По-моему, вообще благодать одна — один Бог, одна в Нем сила. И все эти отдельные частные ее виды в разных таинствах кажутся мне измышлениями человеческого ума, привыкшего к «деланиям».

Таинство Елеосвящения представляется мне особенно странным. Ведь Церковь молится о больных, очевидно веруя, что Бог слышит и исполняет эти молитвы. Зачем же таинство? Почему без особого священнодействия и помазывания маслом нельзя просить Бога об исцелении? Зачем тут нужна какая-то особая благодать?

Духовник. Прежде всего заметь себе, что и по церковному учению благодать одна в смысле того Источника, который ее дает: «Дары различны, но Дух один и тот же...» (1 Кор. 12, 4). «Каждому же из нас дана благодать по мере дара Христова» (Еф. 4, 7).

Так же различны дары благодати и в таинствах, хотя Дух один и тот же.

Теперь рассмотрим таинство Миропомзания. Да, рождение свыше, внутренне новое бытие через таинственное присоединение к Церкви, то есть к Телу Христову — совершилось в Крещении. Дана благодать для того, чтобы встать на путь спасения. Это один дар. Но ведь этим внутренним рождением человек не изъят из вещественного мира. Он, родившись свыше, продолжает жить в среде естественного природного бытия, и стихии мира стремятся загасить эту вновь затеплившуюся духовную жизнь. Наш ум, наши чувства, наша воля все время подвержены опасности сделаться достоянием не этого вновь рожденного человека, а того ветхого человека, который, пока на земле, заключен в нашей плоти. Нужна «печать дара Духа Святого», которая дала бы силы этому вновь рожденному Благодатию Божией человеку по-новому мыслить, по-новому чувствовать, по-новому действовать, по-новому видеть, слышать, ощущать весь мир. Вот эта печать Духа Святого как бы восполняет таинство Крещения, в котором вновь рожден человек, и преподается Церковью в таинстве Миропомзания, обычно не отдельном от Крещения. Отказаться от этого таинства — значит отказаться от той полноты даров Духа Святого, которые по милости своей дает Господь.

Неизвестный. Разве этой полноты нет в Крещении?

Духовник. Нет, подобно тому, как рождение и начало физической жизни еще не есть полное развитие организма.

Неизвестный. Другими словами, от Крещения — духовное рождение, от Миропомзания — духовный рост?

Духовник. Совершенно верно.

Неизвестный. Теперь я понимаю это. Но Елеосвящение? То, что сказал

ты о миропомазании, не отвечает на вопрос о Елеосвящении.

Духовник. Конечно. Вопрос об этом таинстве связан с вопросом об отношении Церкви к нашим физическим немощам. Медицина различает разные физические причины человеческих заболеваний. А Церковь различает разные духовные причины. Болезни бывают, как наказание, как вразумление, как испытание терпения и веры, — но все они имеют в своем основании кашу грехи, начиная с греха первородного, и в этом смысле болезнь — начало физической смерти. В связи с разными духовными причинами болезни могут быть и самые различные обращения к Богу со стороны болящих. Церковь, молясь за Богослужением об исцелении в немощах лежащих, полагает, что акт веры и любви, который свидетельствуется Церковью в этой молитве, — восполняет то, что хочет Господь от души болящего человека. И Господь дает ему выздоровление. Но иногда такая молитва отдельных людей и всей Церкви бывает недостаточна. Болезнь продолжается. Господь как бы призывает человека к чему-то большему. Посещает его этой болезнью. Хочет от него или покаяния, или исправления, или веры, или терпения. Человек сознает это, но чувствует себя духовно слабым, ему нужна особая благодатная помощь. И тогда он спрашивает у Церкви таинство святого елея. Это таинство в одно и то же время и покаяние, и молитва об исцелении, и обет по выздоровлении посвятить свою жизнь Богу, и спрашивание благодати Божией, которая дала бы силы исполнить все это. Прочти молитвы, которые произносит священник во время совершения этого таинства: «Исцели раба твоего от обдержавца его телесныя и духовныя немощи и оживотвори его благодатию Христа Твоего»... «Яко да возстав рукою Твоею крепкою поработает Тебе со всяким благодарением»... «Рабу Твоему в немощи духовной и телесной существу исцеление даруй, подая ему оставление грехов и прощение согрешений вольных же и невольных...»

Неужели ты не видишь здесь разницы с простою молитвою о болящих? Здесь не только молитва, здесь покаяние, обещание и просьба о благодатной помощи, если исцеление будет дано. Как же можно говорить, что таинство это не нужно! Так можно говорить, только никогда не болев или никогда не переживая болезнь, как переживают ее люди веры.

Неизвестный. Но однако не всегда исцеляются после этого таинства.

Духовник. Не всегда. Но что это показывает? Конечно, не, ненужность таинства. Это показывает, что Господь положил взять душу данного человека и пресечь его земную жизнь. Почему Господь так положил, мы не знаем. Такова Его святая воля. Но знаем и веруем, что Всеведущий и Милосердный Господь всегда пресекает земную жизнь человека в момент, наилучший для его спасения, а потому просьба болящего о продлении жизни бывает иногда просьбой младенца, который не знает сам, что для него лучше, и потому просьба такая не исполняется Богом.

Неизвестный. Может быть... Может быть, это и так...

Духовник. Какие же еще у тебя сомнения?

Неизвестный. Прежде чем говорить о самом главном — еще несколько слов о таинстве Покаяния. О таинстве Рукоположения я говорить не буду. Я

признаю, что раз есть иерархия, то должно быть и особое священнодействие, при котором передаются иерархические права, а значит и силы для их осуществления. Но вот таинство Исповеди. Оно-то зачем? Разве человек не может раскаяться и получить прощение прямо от Бога? Зачем тут: «прощаю и разрешаю»? Неужели без этого Бог не может простить грешника? И потом, какая благодать передается человеку в таинстве Исповеди? Ему прощают грехи, которые почему-то не мог простить непосредственно сам Бог? Вот и все. Почему же таинство?

Духовник. Ты ставишь вопрос так: может ли человек покаяться перед Богом сам? Может. Может ли Бог простить грешника? Может. Но может ли это раскаяние и это прощение заменить таинство? Не может. Почему? Во-первых, потому, что Церковь прощает грехи не только в меру принесенного покаяния, а в значительной степени в долг. Исаак Сирии говорит, что человек, сподобившийся видеть свои грехи, блаженнее сподобившегося видеть Ангела. Так трудно вполне, по-настоящему увидеть свой грех. Церковь властью, которая дана ее иерархии, как бы восполняя немощность покаяния, снимает тяжесть греха полностью. Прощает Господь Иисус Христос «благодатию и щедротами своего человеколюбия», а священник свидетельствует об этом и поданной ему властью от лица Церкви Христовой не только прощает, но и разрешает, то есть освобождает от этого греха человеческую душу. Во-вторых. Не достаточно, чтобы грех был прощен и душа освобождена от него. Человек должен еще воссоединиться с Церковью. То разъединение, которое произошло в момент греха, должно быть уничтожено, и полное единство с Церковью, необходимое для таинства причащения, восстановлено действием особой благодати прощения. Вот это право разрешить или связать грех и даровано иерархии. То очищение от греха, которое необходимо для восстановления единства с Церковью, может дать только сама Церковь.

Неизвестный. Опять ты принуждаешь меня признаться, что мои сомнения явились результатом не вполне точного знания церковного учения.

Духовник. Я очень рад, что ты сознаешь это. Но ты пока ничего не сказал о таинстве Евхаристии. А признаться, я ждал, что ты с этого начнешь. Здесь сомнения всего более естественны.

Неизвестный. И ты не ошибся. Самые серьезные сомнения мои действительно касаются этого таинства. И в этом смысле, может быть, я и должен был — бы начать с них. Но я сделал наоборот. Я отложил их на конец. Мне казалось, что если все другие сомнения мои получают свое разрешение, тогда как бы ослабнут они и в отношении этого таинства. Отчасти так оно и случилось. Но все же многое осталось. Ты будешь говорить со мной об этом теперь же или отложим до следующего раза?

Духовник. Нет, говори сейчас.

Неизвестный. Таинство Евхаристии — это нечто совершенно иное, чем все остальные таинства. Там речь шла о передаче сверхъестественной силы в форме совершенно естественных внешних священнодействий. Не то в таинстве Причащения. Здесь я должен верить не только в невидимое и сверхъестественное соединение со Христом через невидимую благодатную

силу, но должен верить в это, что кажущаяся естественная внешняя форма — как хлеб и вино, — на самом деле нечто совсем другое, уже не хлеб и вино, а каким-то чудом пресуществившееся истинное Тело и истинная Кровь Христа. Я должен поверить в нечто ужасное и совершенно невероятное и при этом съесть кусок этого Тела и глотнуть Крови для «действительного соединения со Христом»! Здесь во мне протестует решительно все. Во-первых, ум. Каким образом хлеб и вино, несколько не меняясь по своему внешнему виду, — могут оказаться на самом деле уже не хлебом и вином, а Телом и Кровью? Во-вторых, протестует чувство. Чем-то чудовищным представляется мне это проглатывание Тела и Крови, если действительно такое пресуществление совершается. Наконец, протестует здравый смысл, который опять-таки спрашивает: да зачем все это нужно? Неужели «единение со Христом» требует такой вещественной и странной внешней формы, этого проглатывания кусочка Христа? Неужели эта дикая и почти безобразная нелепость, явно попавшая в христианство по невежеству и под влиянием языческих культов, тоже «святая истина», в защиту которой можно сказать что-либо разумное?

Духовник. Да. Святая Истина. Больше того. Без таинства Евхаристии — нет христианства, нет Церкви, нет спасения. Ты говоришь — чудо. Да, чудо. Но чудо, которое постоянно совершается в Церкви и даровано ей навсегда. И если бы мы имели все остальное, что дает нам Церковь, но не имели бы таинства Причащения — мы были подобно богачу, которому дано войти в роскошный дворец и пользоваться всеми сокровищами в нем, но у которого отнята жизнь. Ты спрашиваешь, что можно сказать разумное в оправдание нашей веры? Не невежественные люди и не языческие жрецы, а Сам Господь сказал Своим ученикам: «...истинно, истинно говорю вам: если не будете есть Плоти Сына Человеческого и пить Крови Его, то не будете иметь в себе жизни». «Ибо плоть моя истинно есть пища, и Кровь Моя истинно есть питье. Ядущий мою плоть и пьющий Мою Кровь пребывает во Мне, и Я в нем» (Ин. 6, 53, 55–56). И на тайной вечери, «когда они ели, Иисус взял хлеб и, благословив, преломил и, раздавая ученикам, сказал: «...приимите, ядите: сие есть Тело Мое. И, взяв чашу и благодарив, подал им и сказал: пейте из нее все, ибо сие есть Кровь Моя Нового Завета, за многих изливаемая во оставление грехов» (Мф. 26, 26–28).

Неизвестный. Я знаю эти слова, но их невозможно понимать буквально. Иначе получается абсурд.

Духовник. В таинстве Евхаристии все непостижимо для разума. Все кажется ему абсурдом. Страшный соблазн для ума и испытание для веры. Но тем более нельзя все извращать, приноравливаясь к пониманию «здравого смысла». Вот ты говоришь, что частица причастия — это «кусочек Христа». Ты говоришь так потому, что к непостижимому для разума таинству Евхаристии применяешь исчисление раздробленных частиц вещественного хлеба по законам «здравого смысла». На самом же деле в каждом Агнце в различных храмах совершенной литургии и в каждой частице этих раздробленных Агнцев, по учению Церкви, содержится весь Христос, а не какая-либо его часть. Мы уже знаем с тобой, как ум привержен к делению и как он упирается принять истину единства. Но эта истина, сущность которой лежит в особом значении

числа в невещественном мире, все же остается непреложной истиной и тогда, когда мы говорим о единстве Церкви, состоящей из многих членов, и о единстве Христа в таинстве Евхаристии.

Неизвестный. Но ты не отвечаешь на главное.

Духовник. Знаю. Главное твое смущение лежит в другом. К этому я и перехожу. Как могут хлеб и вино, не меняя своего внешнего вида, стать Телом и Кровию Христа? Да, непостижимо. Да, чудо. Но не заграждай путь для твоей веры кощунственными представлениями в угоду все тому же «здравому смыслу». Говоря о Божественном Телe и о Божественной Крови Христа, не держи перед собой образ тела и крови, который ты знаешь в физическом мире. Что знаем мы о сущности вещества, кроме своих о нем представлений? Что познаем мы о внешнем мире, кроме собственных от него восприятий? А не зная сущности вещества, как мы можем с дерзостью отвергать учение Церкви о пресуществлении этой непостижимой сущности вещества хлеба и вещества вина в Божественное и непостижимое для нас Тело и Кровь Христову? Почему тебя смущает, что это таинственное изменение не влечет для тебя изменения и внешних твоих восприятий, и ты по-прежнему продолжаешь видеть хлеб и вино, — когда ты не знаешь сущности того и другого и не знаешь, что именно произошло в этом отношении в момент пресуществления? Ведь внешний вид одного и того же вещества с одной и той же сущностью может быть разным даже в физическом мире — так вода по существу остается водой и когда она течет, и когда она имеет вид льда, и когда превращается в пар. Значит, внешняя форма не безусловно связана с сущностью вещества. Почему же твой разум не может допустить обратное: сохранение внешне одинаковой формы при изменении сущности, как это происходит в таинстве Евхаристии? Но, по-видимому, самое решающее для тебя «ненужность» таинства. Оно для тебя — не только «дикая и безобразная нелепость», но, главное — нелепость излишняя, никакою ценою не оправдываемая, и потому ты спрашиваешь: «Неужели единство со Христом требует такой вещественной и страшной внешней формы?»

Для нас же, верующих людей, как раз наоборот. Все теоретические сомнения исчезают не столько от доводов разума, сколько от полноты чувствования. И мы не столько признаем, сколько чувствуем то значение, которое имеет это таинство для нашей внутренней жизни. Слова Христа: «Ядущий Мою Плоть и пьющий Мою Кровь пребывает во Мне и Я в нем», — для каждого верующего человека подтверждаются его личным опытом. Почему же это так? Что такое таинство Евхаристии по своему внутреннему значению? Тело и Кровь Христа Спасителя, которые мы вкушаем в таинстве, есть Тело за нас ломимое и Кровь за нас изливаемая, то есть Голгофская искупительная жертва. В Божественной Евхаристии дана нам Голгофа в таинстве. В основе Голгофы, как видели мы с тобой при рассмотрении догмата Искупления, лежит Божественная любовь. И величайшая милость Божия к нам заключается в том, что в сем страшном таинстве дана нам возможность не в чаяниях наших, а в непостижимой реальности, в условиях нашего вещественного бытия, — сделаться участниками этой Голгофской жертвы и Божественной любви. Для

нас, верующих, в таинстве Евхаристии мы соединяемся существенно со Христом, то есть соединяемся всем существом нашим, а не только умом или душой. Евхаристия — это основа того реального единства, которое чаем во всеобщем воскресении, ибо в пресуществлении даров и в нашем причащении — залог нашего спасения и воскресения не только духовного, но и телесного. Таинство Евхаристии — истинный источник жизни, потому что в момент причащения по несказанной любви Божией к нам, недостойным, Христос пребывает в нас, а мы в нем. Это огонь, попадающий все наши согрешения и дающий нам благодатную возможность жить во Христе. Вот что такое таинство Евхаристии, и вот о чем говоришь ты как о «ненужной, дикой и безобразной нелепости».

Неизвестный. То, что сейчас говоришь ты, я так бы не назвал.

Духовник. Да. Я уверен в этом. Но что же ты можешь сказать еще?

Неизвестный. О таинствах я сказал все.

Духовник. Тогда выслушай меня. Не раз я говорил тебе, что истинность церковного учения подтверждается не столько логическими доказательствами, сколько внутренним опытом. И если ты постарайся вознестись духом до созерцания той Истины, которая теперь открыта перед тобой в учении о таинствах, я уверен, что ты почувствуешь тот благоговейный трепет, который укрепит твою веру более, чем все логические доказательства, взятые вместе. Логика действена только тогда, когда есть общие положения, признаваемые обеими сторонами. Тогда одна из сторон может условно сказать: если ты признаешь эти положения, то логически обязан признать и проистекающие из них выводы. Поэтому с людьми неверующими, но признающими свободу воли, различие добра и зла и какой бы то ни было «смысл жизни» как основные посылы, можно вести логический спор и доказывать им, что эти основные посылы логически приводят к истинам веры. Но для людей неверующих и не признающих этих основных посылок, невозможны вообще никакие доказательства, ни логические, ни опытные. Они прячутся от Истины в убежища абсолютного скептицизма и стоят на почве ужасающего безразличия. Вся жизнь человека и все явления вселенной сводятся ими к физико-химическим «процессам», они смело принимают все абсурдные выводы, которые следуют из этого положения и не желают считаться с данными внутреннего опыта. И мертвая душа их находит удовлетворение в мертвом мировоззрении, лишаящим всякого смысла человеческую и мировую жизнь. Если человек скажет: «На свете ничего не существует», — как ему можно сказать, что он говорит нелепость? Ты покажешь ему солнце, предложишь ему осязать окружающее предметы. А он скажет тебе: «Солнца никакого нет и никаких окружающих предметов не существует». Какой логикой и каким опытом можно опровергнуть эти нелепые слова? Для людей абсолютного неверия и для людей абсолютной веры доказательства одинаково не нужны. Для первых они бесполезны, а для вторых — излишни. Но ведь несчастных абсолютных безбожников — единицы, а абсолютная вера — благодатный удел святости. Громадное большинство неверующих людей в большей или меньшей степени сомневаются в своей неверии, и многие

верующие нуждаются в укреплении своей веры. Поэтому все что можно сказать от логики и от опыта имеет свое значение и для искренних безбожников, и для самых искренних исповедников веры.

Мы уже видели с тобой, что все религиозные истины, кроме логики, имеют за собой и внутренний опыт верующих душ. Учение о таинствах особенно богато этим. Ведь таинства — это та благодатная жизнь, которая нас уже здесь соединяет с Жизнью Божественной. Таинства — это светлое небо на грешной земле, это наступившее обетование. Это то, что нашу веру облекает в плоть и кровь, что, как огонь, согревает холод душ наших, что размягчает окамененное нечувствие наших сердец. Это тот неувечерний свет, который озаряет застилающий нас мрак... И посмотри, какая в них мудрость какая в них правда, какая радость! Воистину нисшел к нам Дух Утешитель, о котором сказал Господь своим ученикам. Таинства Церкви объемлют все существо наше, дают новое рождение, дают силы жить новою жизнью. Исцеляют немощи. Омывают грехи. Благословляют семейную жизнь. Существенно соединяют со Христом через причащение Тела и Крови. Когда ты переживешь все это, какими жалкими покажутся тебе слова о «физико-химических процессах». И ты, не колеблясь, скажешь: вот где Истина, вот где правда, вот где жизнь!

Неизвестный. Скажу, то есть может быть, скажу. Но для этого ум мой должен признать себя окончательно побежденным этой истиной. А ум мой все еще продолжает сопротивляться.

Духовник. А именно?

Неизвестный. Ты говоришь о таинствах как о таких внешних священнодействиях, через которые передаются человеку благодатные силы. А у меня является вопрос: если благодать Божия дает нравственные силы человеку, какой смысл в Божественном законе, исполнение которого требует от человека Бог?

Духовник. Другими словами, каково взаимоотношение закона и благодати?

Неизвестный. Да.

Духовник. Этот вопрос действительно весьма важен для уяснения истины. Если хочешь, мы рассмотрим его в следующий раз.

Неизвестный. Разумеется, хочу. Но не подумай, что это будет последний мой вопрос.

Духовник. Я и не думаю. Я только уверен, что сколько бы ты ни ставил вопросов, Истина от этого не поколеблется и будет раскрываться все с большей и большей полнотой.

Неизвестный. Может быть... Может быть... Но во всяком случае, я не сказал бы теперь — нет.

Диалог шестой О ЗАКОНЕ И БЛАГОДАТИ

Неизвестный. Знаешь ли, что я сейчас чувствую? Как будто бы мы долго, долго поднимались в гору и наконец вышли на ровное место. Дорога дальше трудная, но все же какая-то другая. Не в гору, а прямо. Может быть, это

чувство меня обманывает, но оно совершенно во мне неотступно.

Духовник. Нет, не обманывает. Ведь нам пришлось преодолеть многое. Ограниченность нашего разума, косность привычных восприятия вещественного мира, гипноз обычных мирских понятий, суждений и чувств. Все это, действительно, восхождение на высокую гору. И если в дальнейшем будут трудности, конечно, они будут совершенно иного порядка, и в этом смысле их можно назвать дорогою по ровному месту.

Неизвестный. Должно быть, и сомнения мои — тоже в своем роде «привычка».

Духовник. Нет. Это порок.

Неизвестный. Да. Может быть, но, во всяком случае, пока я не избавился от этого порока, не лучше ли прямо говорить о своих сомнениях, чем скрывать их.

Духовник. Конечно.

Неизвестный. Тем более, что мое новое сомнение — скорее просто «недоумение», но разреши мне по-прежнему облечь его в форму вопроса.

Духовник. Разрешается. Вообще, говори так, как находишь нужным.

Неизвестный. Хорошо. Я опять буду говорить, как в начале наших разговоров, не заботясь о последовательности своих мыслей, а как бы рассуждая сам с собой.

Вот ты убедил меня, что таинства необходимы для тех высших задач, которые ставит перед человеком христианское учение. Необходимо крещение как рождение свыше, миропомазание как печать дара Духа Святого, таинство покаяния как благодатное освобождение от греха, причастие, в котором мы соединяемся со Христом, таинство брака, перерождающее наше животное влечение и создающее семью как домашнюю Церковь, елеосвящение, в котором мы получаем благодатное исцеление и таинство хиротонии, где утверждается иерархический строй Церкви. Я понял это и согласился с тобой, что все это так. И вот закон — человек должен поступать так-то и так-то. Этого требует Бог. Казалось бы — раз Бог требует — значит человек должен. Но по христианскому учению получается совсем не то. Бог дал закон, требует его исполнения, но человек не может его исполнить. Самая мысль об исполнении закона своими силами — преступление, непростительная гордость. Исполнить закон можно только силой Божественной Благодати. Другими словами, Бог дает человеку Божественный закон для того, чтобы своей Божественной силой это исполнить? Какой же в этом смысл? Человек должен делать какие-то «усилия», что-то должен «исполнять», на каждом шагу ему говорится, что закон требует того или иного, что, нарушив закон, он совершает грех, — его призывают к борьбе, к подвигу, к усилиям и в то же время говорят: «... помилование зависит не от желающего и не от подвизающегося, но от Бога милующего» (Рим. 9, 16). И в другом месте: «Он спас нас не по делам праведности, которые бы мы сотворили, а по Своей милости, банею возрождения и обновления Святым Духом, Которого излил на нас обильно через Иисуса Христа, Спасителя нашего, чтобы, оправдавшись Его благодатью, мы по упованию соделались наследниками вечной жизни» (Тит. 3, 5–7).

При чем же тут мои труды? Мое исполнение закона? Мой подвиг? Помилование зависит не от моего доброго произволения и не от моих подвигов, а от Бога. Мы спасаемся не «делами праведности», то есть не исполнением закона, а банею возрождения, «благодатью», которая обильно излита на нас. При чем же тут я? И при чем тут закон?. Неужели это не явное противоречие? И если нет, то каково же тогда взаимоотношение этих двух понятий — закона и благодати в христианском учении?

Духовник. Недоумение твое весьма поучительно. Если подойти к христианскому учению так, как делаешь это ты — «противоречия» можно найти на каждой странице. Это — обычная ошибка всех, кто хочет понять Слово Божие своим умом и подходит к пониманию Божественного откровения как к обычной, человеком созданной книге. Божественное откровение надо брать не по частям, а целиком, как единую всеобъемлющую истину, и тогда все кажущиеся «противоречия» разрешаются сами собой. Но задача эта не под силу человеческому разуму. Все «секты» — тому живой пример. Полноту истины вмещает только Церковь. И потому только Церковь не знает никаких противоречий в Божественном откровении. Все это относится и к тем противоречиям в учении о законе и благодати, о которых говоришь ты.

Неизвестный. Но как же их примиряет Церковь?

Духовник. Вот это я и постараюсь показать тебе. Ты знаешь церковное учение о таинствах. Мы рассмотрим с тобой значение благодатных даров в деле нашего спасения. Ты ставишь теперь вопрос о взаимодействии Божественной Благодати и Божественного закона, поскольку он требует для своего исполнения личных человеческих сил.

Неизвестный. Да. Ты совершенно точно формулируешь мой вопрос.

Духовник. Вспомним теперь, что говорит Слово Божие о законе и благодати. С первых же слов ты увидишь те «противоречия», которые Апостол нисколько не смягчает для нашего немощного сознания, но поставляет их перед ним в полном объеме. Он говорит: «... ныне независимо от закона явилась правда Божия, о которой свидетельствуют закон и пророки, правда Божия через веру в Иисуса Христа во всех и на всех верующих, ибо нет различия, потому что все согрешили и лишены славы Божией, получая оправдание даром, по благодати Его, искуплением во Христе Иисусе...» (Рим. 3, 24). И дальше: «... мы признаем, что человек оправдывается верою независимо от дел закона» (Рим. 3, 28). Вопрос как будто бы ясен и решен совершенно категорически. Спасение даровано даром, оно есть действие благодати, независимо от дел закона, а благодать — через веру. Значит, и спасение только от веры и действующей через нее благодати. После всех этих утверждений Апостол предвидит неизбежный для человеческого сознания логический вывод, искажающий истину. «Итак, мы уничтожаем закон верою?» — спрашивает он. И отвечает: «Никак, но закон утверждаем» (Рим. 3, 31).

Каждый неверующий человек мог бы воскликнуть:

«Какие странные слова! Кто может это слушать?» (Ин. 6, 60).

И в самом деле, разве не странно, что слова «человек оправдывается верою независимо от дел закона» — утверждают, а не отрицают закон. Но таковы

тайны откровений. Они всегда имеют две стороны, как бы отрицающие друг друга и соединяющиеся во всеобъемлющей полноте истины. Раскрывая другую «противоположную» сторону значения закона, Апостол говорит: «Что же скажем? Остаться ли нам во грехе, чтобы умножить благодать? Никак. Мы умерли для греха: как же жить нам в нем» (Рим. 6, 1–2). И еще: «Грех не должен над вами господствовать, ибо вы не под законом, но под благодатью. Что же? станем ли грешить, потому что мы не под законом, а под благодатью? Никак» (Рим. 6, 14–15).

В итоге перед нами два противоположных утверждения: «...помилование зависит, не от желающего и не от подвизающегося, но от Бога милующего» (Рим. 9, 16). Это одно. А другое? «Воздаяние делающему вменяется не по милости, но по долгу» (Рим. 4, 4). Это ли не явное противоречие?

Неизвестный. Конечно, явное противоречие. Да и ты так подчеркиваешь эти противоречия, как будто бы и сам считаешь их непримиримыми.

Духовник. Напротив. Острота противоречий утверждает целостность истины.

Неизвестный. Но в чем эта целостность истины?

Духовник. Ты увидишь ее. Но мы должны для этого рассмотреть учение Церкви о нравственном совершенстве.

Неизвестный. Да, я понимаю, что надо начать с этого.

Духовник. Нравственный закон был дан людям в Божественном Откровении, на горе Синае, еще до Христа, в десяти ветхозаветных заповедях. Природное начало нравственности, которое является свойством души человека, отличающем его от животного, получило в этом откровении свое более совершенное и строго оформленное выражение. Этот нравственный закон открывал перед ветхозаветным человеком тот идеал совершенствования, который могло вместить его нравственное сознание. Сущность этого нравственного закона раскрыта в Евангелии. Один из фарисеев, законник, искушая Спасителя, спросил: «Учитель, какая наибольшая заповедь в законе?» Иисус сказал ему: «Возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим и всею душою твоею и всем разумением твоим: сия есть первая и наибольшая заповедь; вторая же подобная ей: возлюби ближнего твоего, как самого себя. На сих двух заповедях утверждается весь закон и пророки» (Мф. 22, 36–40).

Спаситель раскрыл ученикам Своим этот нравственный закон в полном объеме: «Вы слышали, что сказано древним: не убивай, кто же убьет, подлежит суду. А Я говорю вам, что всякий, гневающийся на брата своего напрасно, подлежит суду... Вы слышали, что сказано древним: не прелюбодействуй. А Я говорю вам, кто смотрит на женщину с вожделением, уже прелюбодействовал с нею в сердце своем... Еще слышали вы, что сказано древним: не преступай клятвы, но исполняй перед Господом клятвы твои. А Я говорю вам: не клянитесь вовсе... Вы слышали, что сказано: око за око и зуб за зуб. А Я говорю вам: не противься злому... Вы слышали, что сказано: люби ближнего твоего и ненавидь врага твоего. А Я говорю вам: любите врагов ваших...» (Мф. 5, 21–44).

То новое, что говорится здесь, не было отменой старого закона, а было

более совершенным выражением все той же заповеди о любви, которая содержит весь закон, как старый, так и новый. Господь пришел не нарушить закон, но исполнить, потому что Он Сам был совершенным исполнителем любви. И тот идеал, который во всей полноте не могло вместить ветхозаветное сознание — сделался идеалом новозаветным, когда через искупление открылся путь Богосовершенства и сделалось возможным получение через веру в Господа Иисуса Христа и принадлежность к Его святой Церкви благодатной помощи в таинствах.

Что же представляет из себя этот новозаветный христианский идеал? Это путь в полноту любви. Что значит жизнь в полноте любви? Это — жизнь в Боге. Об этом благодатном состоянии, как цели нравственной христианской жизни, говорит и слово Божие, и Отцы Церкви, и святые угодники Божии. Я приведу тебе слова преподобного Серафима, и тогда тебе станет сразу ясно, о чем идет речь: «Пост, бдение, молитва, девство и все другие добродетели, ради Христа делаемые, — говорит преподобный, — сколько ни хороши они сами по себе, однако же не в них одних состоит цель христианской жизни нашей, и не затем мы родились, чтобы лишь только их творить: но цель жизни нашей есть та самая благодать Духа Божия, которую они приносят нам, и вот в стяжании или наживании ее-то одной (через них приобретаемой) и состоит цель жизни христианской».

«Истинная цель жизни христианской есть стяжание Святого Духа Божиего. Пост же, бдение, молитва, милостыня и всякое Христа ради делаемое добро суть средства для стяжания Святого Духа Божия».

Неизвестный. Ты приводишь слова преподобного Серафима. Но это — идеал, созданный монахами. В нем содержатся все черты «умного делания». Об этом я еще буду говорить с тобой. Разве Христос ставил такую задачу перед своими учениками? Разве христианский идеал нравственности похож на эту истину?

Духовник. Нет, именно этот идеал и есть конечная цель нравственной жизни каждого христианина. Так учит и слово Божие, и святая Церковь, и святые Отцы.

Неизвестный. Не можешь ли ты указать мне, где именно говорится в слове Божиим и у святых Отцов о «стяжании Духа Святого» как конечной цели нравственной жизни христианина?

Духовник. Изволь. В Евангелии от Иоанна читаем: «Кто верует в Меня, у того, как сказано в Писании, из чрева потекут реки воды живой. Сие сказал Он о Духе, Которого имели принять верующие в Него...» (Ин. 7, 38–39).

«И Я умолю Отца и даст Вам другого Утешителя, да пребудет с вами во век, Духа истины, Которого мир не может принять, потому что не видит Его и не знает Его; а вы знаете Его, ибо Он с вами пребывает и в вас будет» (Ин. 14, 16–17). В посланиях Апостольских читаем: «...любовь Божия излилась в сердца наши Духом Святым, данным нам» (Рим. 5, 5). «Но вы не по плоти живите, а по духу, если только Дух Божий живет в вас» (Рим. 8, 9). «...Воскресивший Христа из мертвых оживит и ваши смертные тела Духом Своим живущим в вас» (Рим. 8, 11). «...Все, водимые Духом Божиим, суть сыны Божии» (Рим. 8, 14).

Святые отцы с древнейших времен всесторонне раскрывают это учение, и св. Церковь хранит его как святую истину. Об этом я мог бы привести тебе множество свидетельств, но по установившемуся у нас обыкновению не буду чрезмерно пользоваться цитатами для подтверждения своих слов. Я буду предполагать их тебе известными, а если они не известны тебе — ты потом можешь восполнить этот пробел в твоих познаниях. Но так как в данном случае ты и сам просил меня, я приведу тебе из многого того, что сейчас имею под руками. Св. Игнатий говорит, что совершенный христианин «имеет в себе Бога». Св. Игнатий Лионский спрашивает: «Что сделает полная благодать Духа?» — и отвечает: «Она сделает нас подобными Ему». Св. Симеон Новый Богослов говорит: «Целью всех живущих по Богу должно быть благоугождение Господу Иисусу Христу и примирение с Богом Отцом через приобретение Духа Святого и через это получить спасение: ибо лишь в этом заключается спасение всякой души. И если у нас нет этого искания Духа Святого — то напрасен всякий труд и суетно всякое желание наше; бесполезен путь, не ведущий к сему. Кто же обогатился сим небесным сокровищем, разумею пришествием и вселением в него Христа, Который сказал: «Аз и Отец Мой приидем и обитель у него сотворим,» — тот по опыту знает, какую получил радость, какое сокровище имеет в сердце своем, беседуя с Богом, как друг с другом, бездерзновенно стоит он перед лицом Того, Кто обитает в нем в свете неприступном. Кто верит тому, что я говорю, тот блажен; кто трудится, чтобы действительно приобрести это, тот преблажен; кто же достиг и, как сын, дошел до Самого Бога, тот, чтобы не сказать мне нечто большее, — ангел. Кто же думает, что имеет в себе Духа Святого, на самом же деле не имея Его, тот, когда слышит, что действия Святого Духа явно и ощутительно бывают в тех, которые действительно его имеют, — никак тому не верит; ибо всякий по собственному состоянию судит и о других. Но кто не сподобился приобрести сие благо, тот пусть винит себя одного, а не говорит в извинение, что дело это невозможное. Будучи обличаем и удостоверяем Священным Писанием, да знает таковой, что дело сие возможно, но по причине нарушения и неисполнения заповедей Божиих каждый сам себя лишает сего блага».

Св. Григорий Палама говорит: «Надлежит постоянною молитвою стяжать Духа Святого и не только стяжать, но и сохранить». У св. Макария Великого читаем слова, которые почти дословно совпадают со словами преп. Серафима: «Как ни прекрасны пост, молитва и различные способы и подвиги, однако неразумно останавливать на них свое внимание, но исполняя их, необходимо все свои прошения обратить на приобретение Св. Духа Божия...»

В другом месте он говорит: «Когда душа твоя будет в общении с Духом Святым и сия небесная душа войдет в душу твою, тогда совершенный ты человек в Боге и наследник и сын».

Неизвестный. Да, я вижу, ты прав. Слова преп. Серафима соответствуют если не Евангелию — об этом я скажу тебе после, то, во всяком случае, учению Церкви. Но какое все это имеет отношение к вопросу о противоречиях в учении о законе и благодати? По-моему, эти противоречия остаются в силе. Они дают себя знать и в том, что говорят св. Отцы. Вот, например, св. Игнатий Лионский

говорит, что «полнота Благодати Духа делает нас подобными Ему». Значит, как будто бы все дело в благодати. А у св. Симеона Нового Богослова сказано: «...По причине нарушения и неисполнения заповедей Божиих каждый сам себя лишает сего блага». Значит, все зависит от человека — исполнял бы заповеди Божии и получил бы Духа. Где же тут примирение противоречий?

Духовник. Ты ищешь примирений логических, внешних, формальных, но неужели ты еще не чувствуешь тот особый характер религиозных истин, который выше логического формализма. Ведь неподвижность вечности и подвижность времени примиряются же для тебя в созерцании целостности бытия. Так же примиряется и абсолютное значение благодати с относительным значением закона.

Неизвестный. Я прошу тебя разъяснить мне это.

Духовник. Непременно. Ибо здесь лежит ответ на твой вопрос о взаимоотношении закона и благодати. Ты знаешь теперь, что конечная цель нравственного совершенствования христианской жизни — стяжать Духа Святого Божиего. Именно это состояние есть Царство Божие внутри нас, именно в этом состоянии наше спасение. Именно оно есть начало той блаженной жизни в Боге еще здесь, на земле, о которой предрек Спаситель всем уверовавшим в Него как в Сына Божия и пребывающим в Его Святой Церкви. Но как же стяжать Святого Духа? Что для этого должен сделать человек! Он должен соблюдать закон.

Неизвестный. Нет. Мы оправдываемся не делами закона, а верою, благодатью.

Духовник. Подожди. Ты говоришь начало фразы, забывая ее конец, и вспоминаешь конец фразы, забывая ее начало.

Неизвестный. Не понимаю. Разве не сказано, что человек оправдывается верою независимо от дел закона?

Духовник. Сказано.

Неизвестный. Но тогда не при чем закон.

Духовник. Человек оправдывается не исполнением закона — это первая половина истины. А вторая ее половина: но Господь требует от нас его исполнения.

Неизвестный. В чем же тут примирение?

Духовник. В том, что соблюдение закона — не дает прав на спасение. Спасение через веру, через благодать, по милости Божией, но закон должен быть исполнен — это обязанность человека перед Богом.

Неизвестный. Я все же не могу понять, что ты под этим разумеешь?

Духовник. Рассмотрим с тобой, каково значение закона в отношении беспредельной задачи Богосовершенства и благодатного состояния, которое дается Духом Святым. Закон — это тот путь к достижению высшего состояния совершенства, прохождение которого требует личных усилий человека.

Исполнение нравственного закона — это то, что должен сделать человек. Именно об этом нравственном усилии говорится в следующих словах Спасителя: «...Царство Небесное силою берется, и употребляющие усилие восхищают его» (Мф. 11, 12). Но спасение, то есть жизнь в Боге, «Царство

Небесное» — хотя и не даруется без этих усилий, но и одними этими усилиями не достигается. Оно есть действие благодати, и потому: «Помилование зависит не от желающего и не от подвизавшегося, но от Бога милующего» (Рим. 9, 16).

Я поясню тебе это таким примером: представь себе прекрасный дворец. Двери его закрыты. Дорога к нему трудная и опасная. И хозяин дворца говорит людям: «Хотите войти во дворец?» Двое из них отвечают: «Хотим». Хозяин говорит: «Я могу отворить двери дворца вам, и тогда вы войдете в него». Они отвечают: «Но что мы должны для этого сделать?» — «Дойти до его дверей, пройти указанный мною путь». И вот оба они идут. Доходят до дверей, стучатся в них, двери не отворяются, они снова стучат, и опять не отворяются двери. Хозяин испытывает пришедших: что у каждого из них на сердце, с чем пришли к нему. И вот один человек говорит: «Почему ты не отворишь мне? Я же прошел весь путь. Я мучился, страдал, постился, молился, соблюдал заповеди Твои. Теперь Ты должен отворить мне двери дворца. Я имею право на жизнь в нем. Ты сам сказал — приходи и будешь жить у меня. Я пришел, а Ты меня не пускаешь».

Хозяин отвечает этому человеку: «Помилование зависит не от желающего и не от подвизающегося, но от Бога милующего», — и не впускает его.

Другой скажет: «Я пришел, как Ты велел. Если возможно, окажи мне Свою милость ипусти меня. А если нельзя, если Ты считаешь меня недостойным жить во дворце, благодарю Тебя, что Ты указал мне этот путь, и позволь мне жить хотя бы около его дверей». И хозяин отворит двери и скажет: «Иди, ибо Царство Небесное силою берется и употребляющие усилие восхищают его». Но что скажет хозяин тем, которые не пошли вовсе и все же будут надеяться, что они окажутся во дворце? Хозяин скажет им: «Идите от меня проклятые в огонь вечный, уготованный диаволу и ангелам его».

Неизвестный. Постой! Но ведь если так, если все от милости, то, очевидно, хозяин может не допустить прошедшего путь и, напротив, впустить того, кто прошел его плохо или не прошел вовсе?

Духовник. Твой вопрос так же нелеп, как — помнишь — вопрос: «Может ли согрешить Бог?» и вывод: «Если не может, значит Он не всемогущ!» Ведь Бог не только всемогущ, но и всесовершенен, и потому Он «не может» согрешить не потому, что не всемогущ, а потому, что всесовершенен. Так же и здесь. Не потому отворит двери хозяин дворца, что он обязан это сделать, не потому, что человек, пришедший ко дворцу, имеет право этого требовать «по делам закона», а потому, что хозяин — совершенная Любовь и совершенный Судья.

Неизвестный. Ну, кажется, я тебя начинаю понимать. Вопрос, значит, переносится в область внутреннего самочувствия. Спасение — не по формальному признаку, а по духовному состоянию.

Духовник. Совершенно верно.

Неизвестный. Но все же не можешь ли ты пояснить мне взаимоотношение закона и благодати?

Духовник. Взаимоотношение закона и благодати таково же, как взаимоотношение человеческой воли и воли Божественной. Человек для своего

спасения должен привести к некоему единству свою волю с Божественной волей. И исполнение закона должно быть в полном единстве с действием благодати. Благодать не отменяет закон, а восполняет его. И Господь не упраздняет свободной воли человеческой, а восполняет и объемлет ее своей Божественной волей. Иногда воля Божия может на время приостанавливать действие свободной воли человека. И благодать выше закона и потому в отдельных случаях может приостанавливать действие закона.

Неизвестный. Что ты разумеешь под словами: «Приостанавливать действие закона?»

Духовник. Это будет тебе ясно из примеров. Закон говорит — не лги. Но в житиях святых есть отдельные случаи, когда высшее благодатное состояние повелевало сказать неправду. Закон гласит — не убий. Но в житиях святых есть случаи, когда исповедники веры, в ревности о Боге, убивали богохульников. Закон гласит: самоубийство — непрощаемый грех. Но в житиях святых есть случаи, когда мученицы, под угрозой бесчестия, водимые благодатию Божией, кончали жизнь самоубийством, и Церковь причисляла их к лику святых и самоубийство их рассматривала как мученический венец.

Неизвестный. Понимаю. Но вот вопрос о практическом, а не о теоретическом взаимоотношении закона и благодати все же для меня еще недостаточно ясен.

Духовник. Представь себе, что ты должен поднять тяжесть в несколько пудов весом, сил у тебя мало, но Господь повелевает поднять ее. Как тебе поступить? Отказаться? Сказать: «Не под силу, не могу?» Это — страшный грех. Взяться за дело, рассчитывая на свои силы? Это — грех еще более страшный. Ты должен исполнить повеление Божие в полном сознании ничтожности своих сил и в твердой уверенности в Божественной помощи. Что от тебя требует Господь? Он требует от тебя непосильного. Он требует, чтобы ты встал, протянул свою руку и начал всеми своими силами поднимать тяжесть. Это и есть нравственный закон и личное твое участие в достижении совершенства. Когда ты будешь исполнять это — невидимо всемогущая рука соединится с твоею рукою и вместе с тобой будет поднимать непосильную для тебя тяжесть. Это — благодатная помощь в самом исполнении нравственного закона. Это то, что преподается тебе в таинствах. А дальше всемогущая рука возьмет тяжесть из твоих рук и сама поднимет ее на ту высоту, до которой не могут дотянуться твои руки — это то высшее благодатное состояние, которое совершенно не зависит ни от твоих усилий, ни от твоих заслуг, которое дается милосердием Божиим по Его святой воле. Вот тебе наглядное изображение практического взаимоотношения закона и благодати.

Неизвестный. Теперь мне это совершенно ясно, но я должен спросить тебя еще об одном. Ведь достигающих этого высшего состояния — ничтожное меньшинство, можно сказать — единицы, а ты приводишь следующие слова св. Симеона Нового Богослова: «Если у нас нет этого искания Духа Святого, то напрасен всякий труд и суетно всякое делание наше, бесполезен путь, не ведущий к сему». Значит путь громадного большинства бесполезен, потому что большинство этого высшего благодатного состояния не имеет. Как же так?

Духовник. Отвечу тебе словами св. Макария Великого из его 38-й беседы «О совершенстве». Там говорится:

«Вопрос: Если некоторые продают имения, отпускают на свободу рабов, стараются исполнить заповеди Божии, но не стараются в мире сем принять Святого Духа, то неужели не войдут они в Царство Небесное?»

Ответ: Это предмет тонкий для рассуждения, ибо некоторые утверждают, что Небесное Царство одно и геенна одна; мы же говорим, что много степеней, различий и мер и в Царстве Небесном, и в геенне».

Неизвестный. Этот ответ не вполне удовлетворяет меня. Но я понимаю, что, может быть, большего человек и не может в этой области знать.

Духовник. Какие же еще вопросы остались у тебя?

Неизвестный. Как всегда самое трудное я оставляю на конец.

Духовник. Что же именно тебя затрудняет?

Неизвестный. Вопрос о самом идеале христианской жизни.

Духовник. Поясни это.

Неизвестный. Хотя ты и привел мне слова Евангелия о стяжании Святого Духа как цели христианской жизни, но весь нравственный идеал Евангельский в полном его объеме, по моему мнению, совершенно иной, чем нравственный идеал Церкви.

Духовник. Я все же не вполне тебя понимаю.

Неизвестный. Вот ты говорил о благодати, что она охватывает всю жизнь человека, до его семьи включительно. Она не лишает человека земной радости, она все земное перерождает, очищает и, очистив, соединяет с Богом. Именно такой благодатный радостный дух чувствуется в Евангельском христианстве. Но идеал Церкви — это пещера, пустыня, полное отрицание жизни. Ваши величайшие подвижники бегут от людей, бегут от мира, как от зачумленного. Словом сказать, благодатный идеал Евангельский, который воплощен в образе Иисуса Христа, — это нечто противоположное церковному идеалу, основанному на ненависти и презрении к земной жизни. Прости, я уж скажу прямо: этот церковный идеал кажется мне безблагодатным.

Духовник. Другими словами, ты считаешь монашество искажением христианства?

Неизвестный. Да. А так как монашеский идеал выражает не теоретическое, а практическое учение о нравственности, то неизбежен вывод, что Церковь искадила нравственное учение Христа.

Духовник. Теперь я понимаю тебя. Но ответ на твой вопрос требует рассмотрения сущности монашества. В следующий раз мы и будем говорить с тобой об этом.

Диалог седьмой О МОНАШЕСТВЕ

Духовник. Итак, тебе кажется, что монашество — это отклонение от христианского идеала...

Неизвестный. Да. Я думаю, что в Евангелии нет ни одного слова о монашестве.

Духовник. И ты думаешь, что святые подвижники не достигали высшего нравственного совершенства и искажали то нравственное учение, которое дал людям Христос...

Неизвестный. Да. И я думаю, что монашеский аскетизм был совершенно чужд первоначальному христианству, что он создан под влиянием древневосточного изуверского аскетизма и что между образом Апостола Иоанна и каким-нибудь Симеоном Столпником, покрытым струпьями, нет ничего общего...

Духовник. Скажи мне подробно, в чем ты усматриваешь разницу.

Неизвестный. Постараюсь. Христианский идеал нравственности — это идеал совершенной любви. Апостол Иоанн из всех учеников Христа был самым полным Его воплощением. Что может быть прекраснее старца, который теряя последние жизненные силы, повторяет только одно: «Дети, любите друг друга... Любовь — это «совокупность совершенств». По словам Апостола Павла, любовь «долготерпит, милосердствует, любовь не завидует, любовь не превозносится, не гордится, не бесчинствует, не ищет своего, не раздражается, не мыслит зла, не радуется неправде, а сорадуется истине; все покрывает, всему верит, всего надеется, все переносит» (1 Кор. 13, 4–7).

Такая любовь — начало действенное. Это то чувство, которое заставило самарянина остановиться перед страдающим человеком и омыть его раны. Образ совершенного христианина — это образ совершенной всепрощающей любви, отдающей себя на служение людям. Ибо «нет больше той любви, как если кто душу свою положит за друзей своих». Я более или менее правильно охарактеризовал нравственный идеал христианства?

Духовник. Да, вполне правильно.

Неизвестный. И вот — монах. Что общего у него с этим светлым образом евангельской любви? Начнем с одежды. Разве Христос облечен был в траур, а не в светлый хитон? Разве носил он черный клобук и черную мантию, напоминающую крылья черной птицы? Пойдем дальше. Что за дело монаху до избитых, израненных, измученных людей, когда он бежит в пустыню ото всех — и от счастливых, и от несчастных? Как он может душу свою положить «за други своя», когда сидит по нескольку дней в затворе или стоит на столпе, занимаясь самоспасением. Христос простил женщину. Он поставил женщину в пример фарисею. Женщина слезами своими омывала ему ноги, и волосами своими отирала их. Он возвеличил ее. Для монаха в ней — смертоносный яд. Он проклинает ее. Бежит, как от моровой язвы. Христианство — это любовь, всех согревающее тепло, радость, свет. Монашество — это самоспасение, холод, постоянные слезы, прочный суровый затвор, подземная пещера — без света, без воздуха, без радости. Христианство — это религия свободного человека. Ибо где Дух Господень — там и свобода. Монашество — это рабство. Монашество — все по букве, по Уставу, по-внешнему. Христос не гнушался «пировать» с мытарями и грешниками. А монах не пьет и не ест и, несмотря на свои приниженные поклоны, в душе горделиво считает всех зараженными грешниками и бежит мира как зачумленного. Христианство говорит о святости тела, которое — храм Духа Святого, а монашество все проникнуто ненавистью

к этому «храму», оно ненавидит и всю земную жизнь, проклинает ее и считает за счастье скорее из нее уйти. «Всегда радуйтесь», — говорит Апостол. «Всегда будь печален», — говорит Египетский подвижник авва Исаяя.

Что же общего между этим черным, суровым, ненавидящим жизнь монашеством и исполненным любви и радости Евангельским Христианством?

Духовник. Какое страшное недоразумение... Сколько неправды в твоих словах... А ведь не заглянув глубоко и в Евангельское учение, и в монашество — может показаться, что и в самом деле ты прав.

Неизвестный. Неужели же я неправ? Неужели все это только недоразумение?

Духовник. Конечно, неправ. Монашество — это несокрушимая твердыня христианства. Это самая высокая ступень достигнутого совершенства. Это лестница, по которой люди восходили и восходят к Богу. Это самый прямой, хотя и самый трудный путь истинной христианской жизни.

Неизвестный. Так неужели ты можешь представить себе Христа в монашеском клобуке?

Духовник. Нет.

Неизвестный. Так я ничего не понимаю...

Духовник. Потому что не понимаешь сущности монашества.

Неизвестный. Возможно. Я и прошу тебя разъяснить мне это.

Духовник. Ты совершенно верно охарактеризовал идеал христианского совершенства. Но подумал ли ты о том, какие препятствия на пути к этому совершенству, не указаны ли они в слове Божиим? И не указано ли, что борьба с ними — необходимое условие нашего спасения?

Неизвестный. Мне кажется, что препятствия не имеют отношения к вопросу о положительном содержании нравственного идеала.

Духовник. Да. Но они имеют отношение к вопросу о сущности монашества.

Неизвестный. Мне это непонятно.

Духовник. Монашество — это отречение от мира и отречение от своей воли, борьба со страстями. Рассмотрим все это подробно и увидим тогда, искажает ли монашество христианское учение.

Неизвестный. Да. Я попрошу тебя как можно подробнее рассмотреть это. Возможно, что здесь я найду ответ и на последний вопрос, о котором упомянул в прошлый раз.

Духовник. Каково отношение христианства к миру и к мирским привязанностям? «Горе миру от соблазнов...», — сказал Господь (Мф. 18, 7). И взаимоотношение «мира» с христианством раскрыл в следующих словах: «Если бы вы были от мира, то мир любил бы свое; а как вы не от мира, но Я избрал вас от мира, потому ненавидит вас мир» (Ин. 15, 19).

В посланиях Апостольских отношение к миру устанавливается совершенно определенно: «Не любите мира, ни того, что в мире, кто любит мир, в том нет любви Отчей», — говорит Ал. Иоанн (1 Ин. 2, 15). И в другом месте: «Весь мир лежит во зле» (1 Ин. 5, 19).

У Ап. Иакова говорится: «...не знаете ли, что дружба с миром есть вражда

против Бога? И так, кто хочет быть другом миру, тот становится врагом Богу» (Иак. 4, 4).»...Вы со Христом умерли для стихий мира», — говорит Ал. Павел (Кол. 2, 20). Мирские привязанности — это «соблазн», который должен преодолевать человек. За Спасителем шло множество народа, и Он, обратившись к ним, сказал: «...если кто приходит ко Мне и не возненавидит отца своего и матери, и жены и детей, и братьев и сестер, а притом и самой жизни своей, тот не может быть Моим учеником...» (Лк. 14, 16). И в другом месте Он подтвердил это в общей форме: «...всякий из вас, кто не отрешится от всего, что имеет, не может быть Моим учеником» (Лк. 14, 33).

Об этом же сказал притчу, как один человек сделал большой ужин, позвал многих, и, когда ужин был готов, все начали, точно сговорившись, отказываться. Первый сказал: «Я купил землю и мне нужно пойти посмотреть ее». Другой сказал: «Я купил пять пар волов и иду испытать их». Третий сказал: «Я женился и потому не могу прийти». Разгневанный хозяин призвал, вместо этих званых, нищих, увечных, хромых и слепых. А званным и отказавшимся, из-за своих привязанностей к земным вещам, прийти на пир, Он сказал: «Никто из тех званых не вкусит моего ужина» (Лк. 14, 18–24).

Однажды Господь обратился к одному человеку со словами: «Иди за мною». Тот сказал: «Господи! позволь мне прежде пойти и похоронить отца моего». Но Иисус сказал ему: «...предоставь мертвым погребать своих мертвецов» (Мф. 8, 22).

Еще другой сказал: «Я пойду за Тобой, Господи, но прежде позволь мне проститься с домашними моими». Но Иисус сказал ему: «...никто, возложивший руку свою на плуг и озирающийся назад, не благонадежен для Царствия Божия» (Лк. 9, 62).

Вот что должен преодолеть на своем пути христианин, идущий к совершенству. Он должен преодолеть все порабощающие его привязанности, поскольку они препятствуют его служению Христу. Он должен возненавидеть мир с его соблазнами и всех близких своих, даже мать и отца, коль скоро они будут мешать этому служению. Он должен быть свободен и от власти мирских стихий и всех земных своих забот.

Разве это не монашество? Разве это не уход от мира? Ты говоришь, монахи бегут от мира, как от зачумленного. Да, бегут. Но мир и есть зачумленный. Где же противоречие с христианством, где искажение христианского идеала? Разве все, что говорит Слово Божие, не осуществляет монашество в своей жизни? Разве монах не порывает с миром? Не уходит во имя духовной жизни от своей семьи, от своих сестер, имений, волов, забот? Разве не возлагает на себя каждый подвижник крест служения Христу?

Неизвестный. Я не понимаю тогда. Как же служению ближнему? Как можно накормить голодного, напоить жаждущего, посетить в темнице заключенного, дать приют страннику — если бежать от мира? Не значит ли это больше всего думать о себе, о собственном спасении? Не есть ли это эгоистическое самоспасение, прикрытое внешним благочестием?

Духовник. Ты понимаешь служение ближнему, как это понимают в миру, поэтому и говоришь так.

Монашество думает о своем спасении не из эгоистических побуждений, а по любви к Богу. Душа человеческая принадлежит Творцу, и подвижник хочет отдать ее Богу в достойном состоянии. Представь себе некоторое подобие и в отношениях мирских. Представь себе послушного сына, который по-настоящему любит своего отца. Ему хочется хорошо учиться, потому что так хочет любимый отец, и успехи в учении будут ему приятны. Он не думает о личной пользе от учения. Он боится огорчить отца леностью и всеми силами стремится достигнуть наибольших успехов, чтобы доставить радость отцу. Вот именно такой «учащийся сын» — каждый монах. Это не эгоистическое самоспасение, а это самоотверженное учение. Подвиг монаха полон любви к Богу, желания угодить Ему, порадовать своим исправлением, отдать на это все свои силы, чтобы по возможности успешно окончить курс.

Ты говоришь, что монах не служит людям, не приносит им пользы. Но ведь «польза» на языке Евангельском совсем не то, что на языке мирском. Конечно, хорошо облегчить физические страдания ближнего, или накормить голодного, или напоить жаждущего, но как можно служить людям, чувствуя себя слепым? Не надо ли сначала избавиться от своей слепоты? Монашество не было бегством от людей в смысле нежелания послужить им. Это было бегство от соблазна и греха, чтобы сделать себя достойным такого служения. Каждый монах, уходя из мира, знал, что он должен всего себя отдать Богу, а если потребуется его служение людям, тогда Господь призовет его к этому служению. Ты смеешься над столпничеством, но сколько пользы принесли людям эти убежавшие от людей подвижники! Сколько через них было принесено учения, утешения, спасения страдающим и погибающим людям. И не только для современников, но и для нас по сии дни.

Неизвестный. Да. По отношению к миру, пожалуй, ты прав. Монашество односторонне, но осуществляет слова Евангелия.

Духовник. Ты увидишь, что оно осуществляет и другие стороны христианского учения. Христианин должен отречься не только от мира и от мирских привязанностей, но и от своей воли, поскольку она стремится противопоставить себя воле Божией. Он должен смириться перед Господом и преодолеть всяческое в себе самоутверждение и гордыню.

«...Отвергнись себя, и возьми крест свой и следуй за Мной», — говорит Господь (Мф. 16, 24). Надо идти за Христом, чтобы во всем была единая воля Божия. Надо смириться перед этой волей и отказаться от всяческой гордыни, ибо «кто хочет между вами быть первым, да будет вам рабом» (Мф. 20, 27).

Смирение, то есть отказ от гордыни и самости есть основная задача христианина в отношении своей воли, потому что «Бог гордым противится, а смиренным дает благодать» (Иак. 4, 6). И в молитве Господней сказано: «да будет воля Твоя».

А когда Господь молился по-человеческому перед Крестным страданием Своим, Он дал совершенный образ такого отречения от своей человеческой воли: «Отче Мой! если возможно, да минует Меня чаша сия; впрочем не как Я хочу, но как Ты». Еще, отойдя в другой раз, молился, говоря: «Отче Мой! если не может чаша сия миновать Меня, чтобы Мне не пить ее, да будет воля Твоя»

(Мф. 26, 39, 42). Смирение, отказ от своей воли, полное «отвержение себя» и есть задача монашества. Где же тут искажение христианства? Не есть ли это, напротив, его достойное исполнение?

Неизвестный. Да, конечно, христианство — религия самоотречения. И в этом монашество не противоречит Евангельскому учению.

Духовник. Но чем же противоречит? Не борьбой ли со страстями? Вот тем «аскетизмом» в отношении своего тела, который кажется тебе особенно искажающим Евангельское учение? Прочти, что говорит Господь о борьбе со страстями: «Если же рука твоя или нога твоя соблазняет тебя, отсеки их и брось от себя: лучше тебе войти в жизнь без руки или без ноги, нежели с двумя руками и с двумя ногами быть ввержену в огонь вечный; и если глаз твой соблазняет тебя, вырви его и брось от себя: лучше тебе с одним глазом войти в жизнь, нежели с двумя глазами быть ввержену в геенну огненную» (Мф. 18, 8–9).

Послания Апостольские подробно рассматривают эту борьбу. Я приведу тебе несколько мест из Апостольских посланий. «Возлюбленные! прошу вас, как пришельцев и странников, удаляться от плотских похотей, восстающих на душу» (1 Петр. 2, 11). «Помышления плотские суть смерть, а помышления духовные — жизнь и мир, потому что плотские помышления суть вражда против Бога...» (Рим. 8, 6–7). «...Если живете по плоти, то умрете, а если духом умерщвляете дела плотские, то живы будете» (Рим. 8, 13). «...Усмирю и поработаю тело мое, дабы, проповедуя другим, самому не остаться недостойным» (1 Кор. 9, 27). «...Умертвите земные члены ваши: блуд, нечистоту, страсть, злую похоть и любостяжание...» (Кол. 3, 5). Вот что говорит Слово Божие о страстях и борьбе с ними. Разве это не то же самое, что говорит монашество? Страсти — одно из самых страшных препятствий на пути христианского самосовершенствования. Их нельзя преодолеть без ожесточенной борьбы. Почему? Потому что: «...плоть желает противного духу, а дух — противного плоти: они друг другу противятся, так что вы не то делаете, что хотели бы» (Гал. 5, 17). Эта внутренняя борьба так изображена Апостолами: «...знаю, что не живет во мне, то есть в плоти моей, доброе; потому что желание добра есть во мне, но чтобы сделать оное, того не нахожу. Доброго, которого хочу, не делаю, а злое, которого не хочу, делаю...» «...В членах моих вижу иной закон, противоборствующий закону ума моего и делающий меня пленником закона греховного, находящегося в членах моих». «Итак тот же самый я умом моим служу закону Божию, а плотию закону греха» (Рим. 7, 18–19, 23, 25).

Ты говоришь, что монашество прокликает женщину. Неправда. Оно прокликает тот соблазн, который исходит от нее для избравших монашеский путь. Монашество встало на путь девства — и в плотском соблазне, естественно видело страшного врага на этом пути. Оно объявило решительную борьбу этому соблазну. При чем же тут проклятие женщины! Ведь и женщины встают на путь иночества, и для них такой же соблазн несет мужчина, и так же, как монаху повелевается бежать от красоты женского лица, монахине повелевается бежать от красоты лица мужского! Это не значит, что монашество

проклинает мужчину. Монашество борется с соблазном. А для пути девства плотское влечение — страшный соблазн, и потому оно бежит от него, как от «моровой язвы». Итак, в аскетическом подвиге каждого христианина нравственная задача поставлена совершенно ясно: надо побороть страсти, умертвить плоть. Надо распять плоть свою со страстями и похотями. Но разве это не есть сущность монашеского аскетизма? Подвижники прошли именно этот путь борьбы, и в своих творениях оставили нам в руководство все нужные указания, как идти по этому пути, как вести «невидимую брань», чтобы достигнуть победы. Монашеский подвиг «умерщвления плоти» — это не искажение христианства, а его исполнение. Это прохождение и того внутреннего пути, который должен пройти, без исключения, каждый.

Неизвестный. Значит, все должны быть монахами?

Духовник. Нет. Об этом я говорю дальше. Но внутреннюю борьбу с плотью должен пережить каждый непременно. И монашество, где эта борьба доведена до наибольшего напряжения и совершенства, с наибольшей полнотой осуществляет Евангельский идеал, а не искажает его.

Неизвестный. Но почему же тогда Христос не мог быть монахом?

Духовник. Потому, что монашество — путь. А Христос — совершенная истина. Но по человечеству Христос и примером своим показал этот путь. Перед Своим общественным служением Он ушел в пустыню и пробыл там 40 дней. Он дал образ полного самоотречения, отвергнув искушения дьявола, предлагавшего Спасителю личное величие и власть над всем миром. Господь сказал ему: «Господу Богу твоему поклоняйся и Ему одному служи». Христос отверг соблазн плоти, отвергнув искушения дьявола, предлагавшего камни превратить в хлебы.

Неизвестный. Но если Евангельское христианство совпадает с монашеским аскетизмом — почему же в христианстве основное чувство радости, а в монашестве — чувство печали?

Духовник. О какой радости и о какой печали говоришь ты? Монашество, проповедуя печаль, не посягает на благодатную христианскую радость. И христианство, говоря о радости, не отрицает монашескую печаль. Авва Исаяя дает монахам заповедь быть печальными. А Апостол Павел говорит: «Всегда радуйтесь!» Но тот же Апостол в другом месте говорит: «Печаль ради Бога производит неизменное покаяние ко спасению, а печаль мирская производит смерть». Не о мирской печали, проповедующей смерть, говорит Египетский подвижник, а о печали «ради Бога», той печали о грехах, которая постоянно должна сокрушать сердце истинного монаха. Но это не лишает его той радости, о которой говорит Апостол. Ибо та радость — от веры в Христа воскресшего и от надежды на свое спасение.

Итак, в Евангелии указываются препятствия на пути нравственного совершенствования, которые должны преодолеть христиане. Эти препятствия — мирские соблазны, личное самоутверждение и страсти. Преодолеть их можно уходом от мира, самоотречением и умертвлением плоти.

Но все это и составляет сущность монашества. Таким образом, оно не искажает, а осуществляет христианское учение.

Неизвестный. Но ведь в первые века не было монастырей. Почему же эти задачи непременно должны быть задачами монаха, а не каждого христианина?

Духовник. Это совершенно другой вопрос и, чтобы ответить на него, надо рассмотреть историю монашества с ее внутренней стороны.

Неизвестный. Я очень прошу тебя об этом.

Духовник. Во времена Апостольские монастырей в нашем смысле не было. Но значит ли это, что их вообще не было? Нет. Монастырь был. Но он был в миру, и были монахи, хотя они не носили монашеских одежд.

Неизвестный. Что ты разумеешь под этим?

Духовник. Всю первоначальную Церковь. Вся она была не чем иным, как монастырем в миру, а все христиане — монахами в этом монастыре.

Неизвестный. И все-таки я тебя не понимаю.

Духовник. Первоначальная Церковь не ограждала себя внешними видимыми стенами, но она самым решительным образом отделялась от мира. И все христиане ставили перед собой те нравственные задачи (разумеется, кроме безбрачия), которые впоследствии стали задачами специально монашескими. Разверни книгу Деяний и ты сразу увидишь этот монастырь. Что было основным жизненным делом христиан? Молитва. Они жили молитвенною жизнью. Жили для Бога и в Боге. «Все они единокорно пребывали в молитве и молении, с некоторыми женами и Мариєю, Материю Иисуса, и с братьями Его» (Деян. 1, 14) — это было в Иерусалиме, в горнице, где после вознесения Господа собрались ближайшие Его ученики. Здесь, помолвившись, они бросили жребий и избрали Матфия Апостолом, вместо отпавшего Иуды, здесь сошел на них Дух Святой в огненных языках, здесь получили они благодатные дары — и вошли в постоянное и реальное молитвенное общение с Богом. Эти первые дни в жизни Церкви были днями постоянной молитвы. И когда община христиан быстро разрослась до нескольких тысяч человек — это молитвенное основание их жизни осталось неизменным: «и они постоянно пребывали в учении Апостолов, в общении и преломлении хлеба и в молитвах» (Деян. 2, 42).

Когда дальнейший рост общины стал отвлекать от молитвы, так как явились различные хозяйственные заботы, были избраны специальные для этого лица — дьяконы, чтобы Апостолам дать возможность «постоянно» пребывать в молитве и служении слова. Посмотри дальше на жизнь этой первоначальной Церкви Апостольского времени и ты ясно увидишь в ней те самые черты, которые теперь мы связываем с «монастырем». Их внутренняя жизнь была исполнена благодати и истинно Церковного единства. И если применять теперешние наши понятия — это был идеальный монастырь, не видимо, а внутренне воздвигнутый в миру. «Все же верующие были вместе и имели все общее» (Деян. 2, 44). «У множества же уверовавших было одно сердце и одна душа; и никто ничего из имения своего не называл своим, но все у них было общее» (Деян. 4, 32).

Они не уходили в пустыню. У них не было высоких каменных стен, но никакие каменные стены не могли так оградить от «мира» Святую Церковь, как это делало то внутреннее отношение к мирской жизни, которое было у первых

христиан. Духовная невидимая ограда этого монастыря была надежнее всяких стен, потому что она ставила монастырь вне мира не в смысле внешней обособленности, а в смысле того ясного и всеми чувствуемого различия благодатной природы Церкви и злых стихий мира, о которых говорит Апостол: «...кто хочет быть другом миру, тот становится врагом Богу» (Иак. 4, 4).

О том, как обособленно жила Церковь, не смешиваясь с мирской жизнью, хотя и пребывала в миру, видно из следующих слов Деяний: «Из посторонних же никто не смел пристать к ним...» (Деян. 5,13).

Они проповедовали миру Слово Божие, свидетельствовали о Воскресении Спасителя, несли этому миру благовест о спасении, и число верующих росло с каждым днем. «Народ благословлял их». Но внутренняя жизнь Церкви делалась доступной только для тех, кто уже становился верным. Мир в свою жизнь они не допускали. И это соблюдалось с величайшей строгостью.

«Кто приходит к вам и не приносит сего учения, того не принимайте в дом и не приветствуйте его» (2 Ин. 1, 10). Эти кажущиеся жестокими слова были обращены к миру, и произнес их Апостол любви Иоанн! Но Церковь все увеличивалась по своему составу. В нее входили массы язычников. Понемногу ступенька между Царством не от мира сего — святою Церковью и окружающей это Царство мирской жизнью. Все более и более проникал в Церковь мирской, чуждый христианству дух. Это начинало тяготить наиболее ревностных христиан, стремившихся во всей полноте сохранить внутреннюю церковную жизнь Апостольского времени и решительно не желавших обмирщения Церкви. Эти ревностные христиане, носители истинного Духа Церкви, стали во имя чистоты христианской и церковной жизни, порывать внешнюю связь с миром. Они уносили от мирских соблазнов в свое уединение чистоту жизни первых христиан и являлись истинными светочами христианства. Мало-помалу такое стремление к внешнему отделению от мирской жизни распространялось повсюду, и Церковь выдвинула против натиска мирских стихий монастыри, как твердыню христианства, где чистота Апостольской Церкви ограждалась внешним разрывом с мирской жизнью. Отдельные подвижники уходили из этих монастырских общежитий, потому что общежительные монастыри все же жили в соприкосновении с миром, и в них неизбежно проникал, хотя бы отчасти, мирской дух. Это были пустычники, анахореты, столпники, затворники — те великие подвижники, которые возвышались над общей цепью монастырских высот, как отдельные недосягаемые вершины.

Неизвестный. Значит Церковь была только в монастыре?

Духовник. Нет. Единая Церковь была и в миру, и в монастыре. Но монастырь был самой несокрушимой для врага твердыней ее святости.

Неизвестный. Но если монастырь — это древняя Апостольская Церковь в ее чистоте — откуда же явились «игумены», «старцы», «послушники», эти особые монастырские уставы, монастырские «правила», «пятисотницы», поклоны, словом весь уклад монастырской жизни? К чему все это? Ведь обходился же без этого «монастырь в миру», как ты называешь Апостольскую Церковь.

Духовник. Уходя от мира и начав замкнутую, обособленную не только внутренне, но и внешне, духовную жизнь, монастырь не мог оставаться таким, как это было во время Апостолов. Было иное взаимоотношение с миром, иначе протекала внутренняя борьба, создавался совершенно иной уклад жизни. И монастырь стал создавать свои методы для достижения духовных задач, применительно и к этим новым условиям замкнутой церковной жизни и к этому новому внутреннему самоощущению людей, порвавших и внешнюю связь с мирской жизнью. «Монашеский устав» — и богослужебный, и постный, и общежительный, все правила и весь строй монашеской жизни — все создано духовным опытом, молитвой, подвигом. В монастыре все от внутренней жизни, а не от ума. Во всем веяние Духа благодати Божией, которая обильно напояла избранных Христовых воинов. Они проходили путь христианского совершенствования в этих новых условиях — и каждый оставлял в сокровищнице монастырского устава свою драгоценную лепту.

Неизвестный. Но можешь ли ты подробнее сказать, что именно создал монастырь в смысле методов для достижения духовных задач?

Духовник. Молитва, пост и послушание — это то, чем жило монашество. И если вся Церковь создавала богослужебный и постный устав и укрепляла принципы послушания, то монашество создавало это по преимуществу. Ведь Церковь и монастырь — не есть нечто противоположное друг другу или различное по существу. Монастырь — определенная часть земной Церкви, но, ведя борьбу с врагом спасения, и Церковь в миру, и Церковь в монастыре, каждая делала свое дело, решала свои задачи в меру своих сил.

Неизвестный. Я бы хотел, чтобы ты подробнее сказал мне о молитве, посте и послушании.

Духовник. Хорошо. Начнем с молитвы.

Молиться — это значит находиться в том особом внутреннем состоянии, когда духовное начало в человеке входит в таинственное и непосредственное соприкосновение с Господом Богом и потусторонним невидимым миром. Состояние это возможно во всех внешних условиях. Но так как ему препятствует все мирское, то наилучшим условием для молитвы надо считать уединение. Господь Иисус Христос Сам указал этот молитвенный путь. Он и один оставался для молитвы, уходя от народа и от учеников. Оставался и с учениками своими, уединяясь с ними от народа. По словам евангелиста Луки: «...он уходил в пустынные места и молился» (Лк. 5, 16). И евангелист Марк говорит: «Утром, встав весьма рано, вышел и удалился в пустынное место и там молился» (Мк. 1, 35).

Евангелист Лука говорит и об уединенной молитве совместно с учениками: «Он молился в уединенном месте и ученики были с Ним». Уединенное место — это внешне благоприятное условие для молитвы. Мирской шум мешает извне. Но есть препятствия внутренние. Как бы внутренний шум. Этот шум создают в нас мирские привязанности и плотские страсти. Поэтому за основным делом монашества — молитвой стоит внутренняя невидимая борьба с соблазнами и связанные с этой борьбой добродетели: нестяжательность, самоотречение, бесстрастие.

Монашество опытно проходило путь нестяжательности, самоотречения и бесстрастия и опытом же создавало совершенную молитвенную жизнь. Все, что оно дало богослужебному уставу, и все, что вылилось в форму «келейных правил», было не кабинетными измышлениями, а результатом великих молитвенных подвигов. Молитва наполняла собой почти всю жизнь монастыря. Она создавала истинное небо на земле. Монах жил в храме. И уходил оттуда лишь для тех или иных земных забот, которые нес терпеливо, как нечто неизбежное для облеченного в земную оболочку человека. Но исполнение этих земных дел не успевало рассеять то, что наполняло душу в храме. Потребность «непрестанно молиться» создала особый вид молитвенного подвига: делание молитвы Иисусовой: «Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешного».

Эта молитва, явившаяся в Церкви, по преданию, со времен Апостольских, которую творили раньше все верующие люди, стала впоследствии основанием молитвенной жизни монахов. Молитвенное устройство без этой молитвы сделалось для монаха просто невозможным. Она была у него постоянно и на устах, и в разуме, и в сердце. Она сопровождала его везде. Она восполняла молитву в Церкви, размягчая сердце и открывая его для усвоения богослужения, она заменяла ему храм, когда он шел исполнять послушание и должен был заниматься земными своими делами. Она жила с ним в его келье, отгоняла тоску, саможаление, помыслы. Она собирала блуждающую мысль и рассеянные чувства, она была самым сильным оружием в борьбе со страстями, особенно при неизбежных соприкосновениях с миром. Иисусова молитва давала возможность душе человеческой все время чувствовать себя перед очами Божиими. Все время в глубине сердца испытывать умиление от сознания безмерного к нам милосердия пострадавшего за грехи наши Господа Иисуса Христа, и сокрушение о грехах, и надежду на спасение. И все это как одно общее чувство, которое поселилось в сердце, жило там постоянно даже тогда, когда не произносились слова молитвы, и защищало душу от скверны и соблазнов мира. Молитва, как и все в жизни духовной, имеет свой путь и свои ступени восхождения. Не всегда с безусловной полнотой дается молитвенное состояние человеку. И здесь, как в нравственной жизни, много от усилий самого человека, но главное и совершенное от милости Божией; от благодати, как дара Духа Святого. В жизни нравственной каждый добрый поступок есть уже нечто положительное на пути совершенствования, потому что за ними стоит доброе произволение. И в жизни молитвенной каждое молитвенное слово, хотя бы и одними устами произносимое, есть уже молитвенное деяние, потому что свидетельствует о желании молиться. И монастырь поэтому строго требовал соблюдения, хотя бы внешнего, молитвенного правила. Это не было требованием «буквы закона». В этом была великая мудрость. Буква молитвенного правила была необходимой ступенью, которую непременно проходили и самые великие подвижники. Правило было то, что требовалось от всех. Дальнейшее восхождение по внутренним ступеням молитвенного совершенствования представлялось Благодати Божией и подвигам каждого отдельного человека.

Итак, монашество, продолжая дело Спасителя, Его святых Апостолов и первых христиан — подвигом и благодатию Божией создало совершенную форму молитвенного Устава и, опытно пройдя молитвенный путь, научало идти по нему всех ищущих спасения.

Второе дело монашества — пост.

Подвижники называют молитву и пост двумя крылами, без которых нельзя подняться над мирскою и страстною жизнью. Некоторые из них считали подвиг поста самым верным мерилom успешного прохождения духовного пути. Пост — это подвиг, который направлен на борьбу с нашими страстями. За ним стоит добродетель бесстрастия. «Дажь кровь — и прими Духа», — говорит Апостол, разумея под «кровью» все скорби подвижнического пути. Под постом надо разуметь не только воздержание в пище, но совокупность всех подвижнических средств в борьбе со страстями. Первая и основная ступень его — воздержание от определенного состава пищи, ее обилия и сладости, а дальнейшие ступени касаются внутренних задач: воздержание от всяких вообще скверн.

Церковный взгляд на это выражается словами: «Постимся постом приятным благоугодным Господеви. Истинный пост есть злых отчуждение, воздержание языка, ярости отложение, похотей отлучение, оглаголения лжи и клятвопреступления — сих осуждение пост истинный есть и благоприятный». Перейти сразу к такому посту, перешагнув первую ступень «постного устава», так же невозможно, как подняться сразу же до умной молитвы, не пройдя первую ступень молитвы устной. Это не отвлеченное богословское утверждение, а истина, установленная подвижническим опытом, и все слова о том, что «лучше, чем не есть скоромного, — не злиться, не обижать, не завидовать» — пустые слова.

Духовная жизнь без поста невозможна. Эта истина, как и все в монашеской жизни, — не отвлеченно-богословская, а подвижническая, за которую заплачено кровью. Внешний устав не есть совершенный пост. И потому нельзя ограничиться им, но внутренние высшие задачи поста невозможны без соблюдения внешнего постного устава.

И здесь по человечеству Своему Спаситель указал примером Своим значение поста, не вкушая пищи в течение 40 дней в пустыне; и Апостолы молились с постом, и применяла пост вся древняя Церковь. Монашество, продолжая дело Спасителя, Апостолов и первых христиан, создало подвижническим опытом своим совершенный постный устав, как наилучший путь в достижении внутренних задач бесстрастия. Здесь молитва неотделима от поста. И пост неотделим от молитвы.

Переходим теперь к послушанию. Это — главный фундамент монашества. По-монашески — послушание выше поста и молитвы. На нем зиждется все великое здание монастыря. Оно проникает собой каждое движение монашеской жизни, оно — высшая вожденная добродетель для каждого монаха. За послушанием стоит все — и молитва, и самоотречение, и бесстрастие, и смирение, и подвиг. Недаром святые отцы называют послушание: «добровольным мученичеством». И этот путь добровольного мученичества

проходит каждый монах. Он отказывается от своей воли и вручает ее игумену и духовному своему отцу. Он распинает свою волю, свое самолюбие, свою гордыню. Разум, желание, чувства — все отдается в послушание. Послушание — это не согласие с авторитетным мнением и не подчинение из принципа — это внутренний отказ от всякого самостоятельного действия. Отказ не потому, что «надо слушаться, хотя и не согласен», а потому, что не может быть никакого «несогласия», — ибо я ничего не знаю, а все знает, что мне надлежит делать, духовный мой отец.

Неизвестный. Подожди. Но если духовник ошибается. Ведь он не Бог. Неужели надо исполнять явно ошибочные или нелепые требования?

Духовник. Да. Подвижники говорят, что надо исполнять даже такие требования, которые могут казаться послушнику противоречащими его спасению. И это истина. Ибо где критика, несогласие, — там есть свое знание, своя воля, свое решение, которое противопоставляется знанию, воле и решению старца, а истинный послушник ничего не знает, воли своей не имеет и решений у него никаких нет.

Неизвестный. А если старец будет требовать противного учению Церкви, если он отпадает от православия, тоже надо слушаться?

Духовник. Разумеется, нет. Отпадение духовника — есть смерть, а смертному не повинуются.

Неизвестный. Но разве ошибочные требования по неопытности или греховности духовника не могут погубить послушника?

Духовник. Не могут. Истинное послушание все сделает спасительным для послушника. Ошибки в духовном руководстве опасны для лишенных истинного послушания, они могут запутать и даже погубить их. Но послушник до конца — вне опасности. Послушание все покроеет и все претворит во благо. Самое неразумное и вредное превратит в мудрое и полезное. Ибо послушание — это смирение, самоотречение, беспристрастие и любовь. А эти добродетели есть всегда верный путь спасения. В послушнике, как в огне, сгорают все мирские привычки, самонадеянность, самоутверждение, самовозношение. Послушание освобождает сердце от того мирского своеволия, которое рабство страстей выдает за свободу, и открывает путь к тому истинному состоянию свободы, которое дается лишь благодатью Божией смиренным Его рабам. Без послушания нет монашества. Оно проникает духом своим весь монашеский строй, весь устав и уклад монашеской жизни. Без послушания нет подвига, и все кажущиеся достоинства монаха — самообман. Самочиние сводит на нет и молитву, и пост, и борьбу со страстями и делает бесплодным, даже опасным, подвиг. Там, где нет послушания, — там начинается страшная духовная болезнь, на языке монашеском именуемая прелестью. Подвиг без послушания — это путь к гордыне, который в единый час превращает в ничто плоды долгих подвижнических трудов. Монах — это прежде всего послушник.

Апостолы были послушниками Спасителя. На послушании Апостолов утверждалась первоначальная Церковь, и послушанием, молитвою и постом — создан монастырь. Послушание, как молитва, пост и всякая добродетель, — имеет свои ступени восхождения, свой путь развития. Не может человек сразу

сделаться делателем умной молитвы и бесстрастным подвижником. Не может он сразу достигнуть и высших ступеней послушания. Монастырь научает молитве, научает посту, научает послушанию. Он ничего не требует через силу и не ломает, а спасает душу. Вот что такое монашество. Это наиболее совершенное создание христианства, а не его искажение. Это — твердыня Церкви. Оплот от злых стихий мира. Золотой апостольский век, бережно сохраненный в православных монастырях и перенесенный неповрежденным через долгие века мировой истории.

Неизвестный. Но опять спрошу тебя: значит, все должны быть монахами?

Духовник. Нет, не все.

Неизвестный. Почему?

Духовник. Во-первых, потому, что путь монашеский — поскольку монашество из мира ушло за каменную ограду — есть непременно путь безбрачных. А ты знаешь, что безбрачие не есть общеобязательный путь спасения, а лишь для тех, кто может его вместить. Во-вторых потому, что воинствующая Церковь имеет особые задачи в миру. И как на войне не все должны сражаться в крепостях, хотя они и считаются главными твердынями, так и воинствующая Церковь побеждает мир не только монастырским подвигом, но и общественным служением. Кому что дано. Одни должны охранять крепость, другие сражаться в открытом поле. Одних Господь призывает в пустыню, и они проходят путь спасения в условиях уединенной монастырской жизни, других призывает к служению тем же высшим идеалам Богосовершенствования и к борьбе с теми же внутренними препятствиями, но уже в иных условиях, в иных внешних формах, не в монастырской, а в мирской жизни.

Неизвестный. Да, это ясно. Но встает вопрос о будущем. Монастырь явно пришел к упадку и, можно сказать, даже к уничтожению. И если уничтожилось самое сильное, то, что ты называешь твердыней Церкви, не очевидно ли, что должно уничтожиться менее сильное, то есть мирская Церковь? Но как это может быть попущено Богом?

Духовник. Внешняя известная нам форма монастырской жизни, может быть, и будет уничтожена внешней же исторической системой, но монашество не будет уничтожено никогда. В поразительных, истинно пророческих словах раскрывает судьбы монашества св. Антоний Великий. Он говорит: «Придет время, возлюбленные дети мои, когда монахи оставят пустыни и потекут вместо них в богатые города, где вместо этих пустынных пещер и темных келий воздвигнут гордые здания, могущие спорить с палатами царей, вместо нищеты возрастет любовь к собиранию богатств, смирение заменится гордостью; многие будут гордиться знанием, но голым, чуждым дел, соответствующих знанию; любовь охладает, вместо воздержания умножится чревоугодие, и очень многие из них будут заботиться о роскошных яствах не менее самих мирян, от которых монахи ничем другим отличаться не будут, как одеянием и наглавником: и несмотря на то, что будут жить среди мира, будут называть себя уединенниками (монах — собственно уединенник). Притом они

будут величаться, говоря: «я Павлов», «я Аполлосов» (1 Кор. 1, 12), как бы вся сила их монашества состояла в достоинстве их предшественников: они будут величаться отцами своими, как иудеи отцом своим Авраамом. Но будут в то же время и такие, которые окажутся гораздо лучше и совершеннее нас; ибо блаженнее тот, кто мог преступить и не преступил, и зло сотворить и не сотворил, нежели тот, кто влеком был к добру массою стремящихся к тому ревнителей...»

Неизвестный. Как же тебе представляется будущее этого нового монашества?

Духовник. Совершенно ясно, что св. Антоний понимает здесь монашество в миру. Оно не будет внешне ограждено от мирских соблазнов, как ограждено было в прежнем монастыре. Эти новые подвижники будут жить в миру, где они «могли бы преступить» и не преступят, могли бы «сотворить зло» и не сотворят. Здесь понимается не внутренний соблазн и не внутреннее совершение зла, так как это внутреннее падение угрожало монаху и в прежних монастырях и пустынях, а св. Антоний в своих пророческих словах противопоставляет будущих монахов прежним и говорит, что они будут блаженнее, потому что задача их будет труднее. Очевидно, речь идет о близости и доступности соблазнов, легкости, с которой можно «преступить», поддаться им, потому что они тут же под руками, не за оградой, а в миру, в котором будет жить этот будущий подвижник. И ясно далее, что это будет не общежительное подвижничество, а единоличное, потому что этим подвижническим путем будет идти не «масса стремящихся» к спасению, а отдельные люди. История как бы завершит круг и вновь придет и к гонениям первого века, и к монастырю первоначального христианства.

Вот что говорится о гонениях перед концом мира в слове Божиим. Господь сказал своим ученикам на горе Елеонской о грядущей судьбе мира и христианства: «...восстанет народ на народ, и царство на царство, и будут глады, моры и землетрясения по местам; все же это — начало болезней. Тогда будут предавать вас на мучения и убивать вас; и вы будете ненавидимы всеми народами за имя Мое...» (Мф. 24, 7–9).

А св. Лука приводит следующие слова Спасителя: «Преданы также будете и родителями, и братьями, и родственниками, и друзьями, и некоторых из вас умертвят...» (Лк. 21, 16). Но гонения, естественно, сделают невозможным внешний монастырь и поставят Церковь в условия первоначального христианства. Но это будет Церковь, прошедшая весь свой славный земной путь, в ней будут все духовные сокровища, которые приобрела она. Она будет «монастырем в миру», как была Церковь Апостольская, не потому, что откажется от всего, что обретено ею за две тысячи лет благодатным действием Святого Духа, а по своему духовному состоянию и по своему отношению к миру.

Отдельные люди будут по-прежнему принимать монашество, давая обет безбрачия и тем как бы устанавливая духовное родство с великим прошлым монашеской жизни, но и эти, принявшие постриг, и не принявшие его, а вступившие в брак, — все будут жить уже не в прежних монастырях, а в миру,

как жила первоначальная Церковь.

Св. Иоанн Златоуст указал одно из главных духовных оснований для этого грядущего монастыря. В слове «О сокрушении» он говорит: «Мы должны искать пустынножителства не только в каких-либо местах, но и в самом произволении и прежде всего другого — душу свою ввести в самую необитаемую пустыню».

Вот эта внутренняя пустыня и будет основанием монастыря в миру. Не монахи, а все верующие будут уходить в эту пустыню. Не монахи, а все верующие встанут на путь послушания и духовной жизни. Вновь, как в Апостольский век, Церковь внутренне оградит от мира себя и противопоставит себя ему. Встанут невидимые стены, которые прочнее, чем каменные, и оградят святую Церковь от мира, лежащего во зле. Эти стены воздвигнет молитва, пост, послушание, бесстрастие, подвиг. Вновь все верующие, как в древней Церкви, станут делателями молитвы Иисусовой. Вновь вернуться они к постоянному причащению Святых Тайн. Вновь, как некогда в Иерусалиме, будут «единодушно пребывать вместе» и будут чувствовать себя в миру, как в безводной пустыне. И новые подвижники превзойдут древних. И Церковь преисполнится, как и Церковь Золотого века, благодатными дарами Святого Духа. Эта полнота благодати в древней Церкви была потому, что живы были люди, которые сами лицезрели Господа, и все было как бы освящено недавним Его присутствием среди людей. Церковь грядущая будет исполнена полнотой этой благодати потому, что будет полна предчувствием второго славного пришествия Его и будет освящаться близостью Христа Грядущего.

Неизвестный. Ты говоришь так, как будто бы это вопрос ближайших дней.

Духовник. Нет. Нам не дано знать времена и сроки. Но монастырь в миру уже создается, это могут не видеть только слепые.

Неизвестный. Да. Твои последние слова уяснили многое. Точно открылся единый великий путь Церкви, который прошла она от времен Апостольских до наших дней и который предстоит пройти от наших дней до последних, тоже как бы Апостольских времен. Но мои вопросы, кажется, никогда не кончатся, и я никогда не излечусь от своих сомнений, которые ты именуешь пороком. И вот опять я должен просить тебя ответить мне на новый вопрос и успокоить новые мои сомнения.

Духовник. Постараюсь. О чем же ты хочешь спросить меня?

Неизвестный. Во всем, что ты говоришь о пути спасения, о внутренней борьбе, аскетических подвигах, о самоотречении и уходе от мира и, наконец, об ответственности перед Богом, я вижу признание «свободной воли». Но Церковь учит о Промысле Божиим, о том, что все делается по воле Божией. Что волос с головы человека не упадет без воли Отца, и я никак не могу примирить учение о свободе воли с учением о Божественном Промысле. Я боюсь, что этот вопрос окажется неразрешенным. Во всяком случае, я сам не могу разрешить его. Помоги, если можешь.

Духовник. Хорошо. В следующий раз мы будем говорить с тобой о Промысле и свободе воли.

Неизвестный. И тогда у меня останется еще только один вопрос.

Духовник. Не будем забегать вперед. Ты его скажешь в свое время.

Диалог восьмой О ПРОМЫСЛЕ И СВОБОДЕ ВОЛЕ

Духовник. Что же смущает тебя в вопросе о Промысле?

Неизвестный. Невозможность примирить понятие свободы воли с церковным учением о воле Божественной.

Духовник. Скажи подробнее, что именно кажется тебе непримиримым.

Неизвестный. Вот слушай. Понятие свободы воли, может быть, и непостижимо для разума, и, возможно, что ты прав, проводя в этом отношении параллель между «свободой» и «бесконечностью». Пусть непостижимость бесконечности подобна непостижимости свободы, которая с формальной стороны является как бы «бесконечностью» в волевой сфере. Но как бы то ни было, мы постигаем в понятии свободы воли момент «беспричинности», хотя и не можем его себе представить. Свобода для нашего сознания — это во всяком случае возможность независимого ни от каких внешних причин самостоятельного действия. Называя поступок «свободным», мы хотим обозначить этим, что он совершен не по необходимости, а по личному волеизъявлению человека. И потому нравственная ответственность, как ты не раз говорил, всегда предполагает свободную волю. А так как человек ответственен за всю свою жизнь, то тем самым предполагается, что и вся его жизнь состоит из ряда свободных, никакими внешними причинами не обусловленных поступков.

И вот я открываю Евангелие и читаю: «Не две ли малые птицы продаются за ассарий? И ни одна из них не упадет на землю без воли Отца вашего; у вас же и волосы на голове все сочтены» (Мф. 10, 29–30). Эта мысль о всецелой зависимости человеческой жизни от воли Божией в совершенной полноте выражена в 6-й главе того же Евангелия. «Посему говорю вам: не заботьтесь для души вашей, что вам есть и что пить, ни для тела вашего, во что одеться. Душа не больше ли пищи и тело одежды? Взгляните на птиц небесных: они ни сеют, ни жнут, ни собирают в житницы; и Отец ваш Небесный питает их. Вы не гораздо ли лучше их? Да и кто из вас, заботясь, может прибавить себе росту хотя на один локоть? И об одежде что заботитесь? Посмотрите на полевые лилии, как они растут: ни трудятся, ни прядут; но говорю вам, что и Соломон во всей славе своей не одевался так, как всякая из них; если же траву полевую, которая сегодня есть, а завтра будет брошена в печь, Бог так одевает, кольми паче вас, маловеры! Итак не заботьтесь и не говорите: что нам есть? или что пить? или во что одеться? потому что всего этого ищут язычники, и потому что Отец ваш Небесный знает, что вы имеете нужду во всем этом» (Мф. 6, 25–32).

Разве такое отношение к жизни совместимо с признанием человеческой свободы? Если ни одна птица не упадет без воли Отца, если ни один волос не упадет с головы человека без воли Божией, если человек совершенно бессилен сам своей волей изменить свою жизнь, не может «прибавить в себе росту хотя бы на один локоть», если человек сам по своей воле и не должен ни о чем

заботиться, так как Отец Небесный знает, кто в чем имеет нужду, то спрашивается, где же проявляется свободная воля человеческая? Наша жизнь вся зависит от Бога. Все в ней совершается по Его воле. Церковь именует это Промыслом Божиим, но Промысел не совместим со свободой. Признать его — это значит неизбежно прийти к учению о предопределении. Если каждое движение жизни делается по воле Отца, то Его воля и решает все. Если предрешено Его волей, то твоя воля — ничто. Но если признание Промысла исключает возможность свободной воли, то, с другой стороны, признание воли исключает возможность Промысла. Я приведу тебе такой пример: разбойник напал на мой дом. Ограбил, изувечил, надругался над моими близкими. Я верю в Промысел Божий. Все от Бога. Господь знает, в чем каждый имеет нужду. Значит, и разбойник от Бога? Но ведь разбойник имел свою свободную волю. Почему же он на меня напал? Потому, что таково было его свободное волеизъявление, или потому, что такова была воля Божия? Если потому, что была воля Божия, то где же свободная воля разбойника? Если потому, что захотел сам, то при чем тут воля Божия? Ясно, что признание свободной воли разбойника совершенно исключает участие воли Божией в этом злодеянии, а, значит, и промыслительный его смысл.

Вот те сомнения, которые явились у меня по поводу всего сказанного тобою о таинствах, нравственном совершенстве и монашеских подвигах. Своими силами я не мог разрешить этих сомнений.

Духовник. Да, твой вопрос действительно нуждается в разъяснении. Он сложен по двум причинам. Во-первых, потому, что затрагивает целый ряд побочных вопросов, и во-вторых, потому, что Церковное учение о Промысле часто принимается совершенно искаженно.

Неизвестный. Вот я и прошу тебя разъяснить мне все это.

Духовник. Постараюсь. Нам придется вновь и более подробно говорить о свободе. Ты знаешь уже, что, по Церковному учению, человеку, созданному по образу и подобию Божию, дарована свободная воля. Он — не только частица вещества, организованная в живое существо и подчиненная, как все в вещественном мире, закону причинности. Он — носитель того таинственного и непостижимого начала свободы, которая делает его волю первопричиною тех или иных действий, не чем иным, кроме этой свободной воли не обусловленных. Поступки человека не механические явления физического мира. Они не есть автоматические следствия какой-то причины, вне воли заключенной, и не являются простым следствием физико-химических процессов в самом человеке, они определяются его собственной волей, ибо воля его, как начало свободное, является в причинном ряде явлений причиной в себе. Сам человек определяет тот или иной ряд явлений и несет нравственную ответственность за свои поступки, потому что поступить так или иначе, хорошо или плохо зависит от его собственной воли, он всегда выбирает сам. И не по формальному своему определению, а по существу, свобода — это одно из свойств души человеческой, которая, являясь единой по существу, как подобие существа Божия, имеет и подобие ипостасей, в существе своем оставаясь единой и неделимой.

Неизвестный. Я очень хорошо понимаю все, что ты говорил о свободе человеческой воли, вот потому-то я прошу разъяснить, как это учение о свободе можно примирить с учением о воле Божией.

Духовник. Подожди. Я предупредил тебя, что здесь необходимо коснуться многих побочных вопросов. Первородный грех был свободным актом человека. Он сам выбрал свой путь, не совпадающий с волей Божией, и, нарушив данную Богом заповедь, встал на путь своего волевого самоутверждения. Этот акт, свободный сам по себе, привел человека к рабству и по последствиям своим был потерей дарованной ему свободы. Дело искупления было делом освобождения — не потому, что упразднился грех, а потому, что уничтожалась власть этого греха в мире. Ибо через жизнь в Боге каждый воссоединялся с Богом, по слову Апостола: «...соединяющийся с Господом есть один дух с Господом» (1 Кор. 6, 17). Первородный грех искуплен, и возможность соединения с Богом восстановлена. А тем самым восстановлена и свобода. Вот почему в слове Божиим говорится: «...стойте в свободе, которую даровал нам Христос, и не подвергайтесь опять игу рабства» (Гал. 5, 1). «Вы куплены дорогою ценою; не делайтесь рабами человеков» (1 Кор. 7, 23).

Неизвестный. Эта свобода не есть реальность, данная каждому, а лишь возможность?

Духовник. Нет, эта свобода дана всему миру как реальность, но человек как совершил свободно первородный грех и тем отказался от своей свободы, так же свободно отказывается и теперь или не отказывается от той свободы, которая дарована ему искуплением.

Неизвестный. Что же ты разумеешь под отказом от свободы?

Духовник. Отказ от веры в Христа Воскресшего, ибо только через веру освобожденный человек остается освобожденным, а не отдает себя вновь в рабство греха и смерти. Для решения поставленного тобою вопроса о взаимоотношении свободы воли человека с Божественной волей весьма важно уяснить себе следующую мысль. Неверие и проистекающее отсюда состояние души человека есть отказ от свободы и признание внутреннего рабства. Этим отказом человек, по внешности оставаясь человеком, ставит себя в общий ряд с бытием животных, но как более совершенный вид этого ряда. Он не делается «вещью», но отказывается от высшего достоинства свободного человека. Апостол говорит верным: «Грех не должен над вами господствовать» (Рим. 6, 14).

«Неужели вы не знаете, что, кому вы отдаете себя в рабы для послушания, того вы и рабы, кому повинуетесь, или рабы греха к смерти, или послушания к праведности?» (Рим. 6, 16).

Это состояние рабства греху Апостол Петр изобразил следующими словами: «Они, как бессловесные животные, водимые природою, рожденные на уловление и истребление, злословя то, чего не понимают, в растлении своем истребятся» (2 Пет. 2, 12). «Глаза у них исполнены любожестия и непрестанного греха; они прельщают неутвержденные души; сердце их приучено к любостыжанию: это сыны проклятия» (2 Пет. 2, 14). «Ибо,

произнося надутое пустословие, они уловляют в плотские похоти и разврат тех, которые едва отстали от находящихся в заблуждении. Обещают им свободу, будучи сами рабы тления; ибо, кто кем побежден, тот тому и раб» (2 Пет. 2, 18–19).

И напротив: «...кто вникнет в закон совершенный, закон свободы, и пребудет в нем, тот, будучи не слушателем забывчивым, но исполнителем дела, блажен будет в своем действии» (Иак. 1, 25).

Вот что надлежит держать в своей памяти при рассмотрении вопроса о свободе человеческой воли и воли Божественной.

Неизвестный. Я все еще не могу понять, какое отношение все эти предварительные рассуждения имеют к самому вопросу?

Духовник. Подожди. Ты сейчас поймешь это. Вот ты привел слова Спасителя из 6-й главы Евангелия от Матфея: «Не заботьтесь для души вашей, что вам есть и что пить, ни для тела вашего, во что одеться» (Мф. 6, 25). Но закончил их только стихом 32-м: «Отец ваш Небесный знает, что вы имеете нужду во всем этом». А дальше? Почему ты на этом остановился? Ведь слова, приведенные тобой, совершенно неотделимы от следующего 33-го стиха: «Ищите же прежде Царства Божия и правды Его, и это все приложится вам». Как часто люди ропщут, что не исполняется обетование Спасителя — все, что ни попросите во имя Мое, дастся вам. Помня лишь одну часть обетования: «все, что ни попросите, дастся вам», забывая условие этого исполнения «во имя Мое». Апостол говорит таким людям: «Просите, и не получаете, потому что просите не на добро, а чтобы употребить для ваших вожделений» (Иак. 4, 3).

Так же и в вопросе о воле Божией в нашей жизни и о промыслительном о нас попечении. Для того, чтобы воля Божия во всей полноте содержала жизнь нашу, надо искать Царства Божия и правды его — и тогда все остальное приложится.

Если перенести этот вопрос в сферу формально-логическую, можно сказать, что поскольку человек сохраняет свою свободу и не поддается игу рабства — его воля совпадает с требованием воли Божией.

Неизвестный. Но ведь жизнь слагается из действий не только моей воли. Допустим, моя воля будет свободной и совпадет с волей Божией, а как же воля разбойника? Ведь она тоже определяет мою жизнь. Как же быть с его злой волей, как понять ее действие на мою жизнь? Как ее примирить с Промыслом?

Духовник. Да. То, что сказано мною, этого вопроса не разрешает. Пока мы говорили только о том, ограничивает ли Божественная воля волю человеческую и тем делает ли ее «несвободною»? И на вопрос этот ответим: нет, не ограничивает — истинное состояние свободы есть исполнение воли Божией по свободному произволению человека — такой свободный, то есть в Боге живущий, человек прежде всего ищет Царствия Божия, и тогда все остальное ему дается.

Теперь будем говорить о воле Божией в физическом мире и о Божественном Промысле в отношении всей жизни вообще, памятуя все время о том, что раскрыто нам в слове Божиим о свободе.

Ты привел слова Спасителя: «Не две ли малые птицы продаются за

ассарий? И ни одна из них не упадет на землю без воли Отца вашего» (Мф. 10, 29). Что значат эти слова? В чем выражается воля Божия в физическом мире? В отношении мира физического участие во всем Божественной воли надо понимать в том смысле, что сами законы, по которым протекает эта жизнь, являются выражением воли Божественной, и их неизменность и продолжающееся действие возможны только потому, что Господь повелевает этому быть, то есть содержит все это в своей воле.

Божественная воля дала вселенной неизменный строй. Душа человеческая, имея в себе Богоподобное начало свободы, живет по иным законам. Однако и она, через эту вещественную основу своего земного бытия, составляет некоторую частицу вещественного мира. Поэтому физическая жизнь может оказывать то или иное действие и на наш душевный строй, и потому Божественная воля может содействовать нашему спасению через так называемые «механические законы природы». Господь направляет их в соответствии с высшими целями нашей духовной жизни. И то, что в отношении естественно-природного бытия является Божественной волей в форме неизменных законов, определяющих жизнь вселенной, то в отношении жизни человека становится Божественным Промыслом.

Неизвестный. Ты говоришь, что Божественная воля может содействовать нашему спасению через механические законы природы, что ты под этим разумеешь?

Духовник. Во-первых, совокупность тех восприятия, которые зависят от пяти внешних наших чувств. Во-вторых, непосредственное действие на нашу физическую природу, как, например, физические болезни или органические недостатки, и, в-третьих, знамения и чудеса, поскольку они облакаются в форму физическую.

Неизвестный. Понятие чуда ты ставишь в связь с учением о Промысле Божиим.

Духовник. Разумеется.

Неизвестный. Разъясни мне это.

Духовник. Чудо не есть нарушение «законов природы» как некоторых сил, чуждых силе Божественной. Это есть действие той же Божественной воли, но не в форме известных нам, постоянно действующих законов природы, а в форме отдельного акта непосредственно, лишь в данный момент действующей силы Божией. В чуде приостанавливается волеизъявление Божие, по которому живет материальный мир всегда, и Господь особым актом определяет то или иное явление. Этот особый акт всегда совершается Богом в целях промыслительных.»...Род лукавый и прелюбодейный ищет знамения; и знамение не дастся ему...» (Мф. 12, 39). Ибо всеведущий Господь знает бесполезность чуда для рода лукавого и прелюбодейного. Таким образом, наша вера в возможность чуда основана на нашей вере во всемогущую силу Божию, наш разум утверждает эту веру, видя в физических законах действие воли Божественной, а в чуде — особый акт той же Божественной воли, и наше чувство находит полное удовлетворение в промыслительном значении всякого чуда.

Неизвестный. Теперь я понимаю это.

Духовник. Перейдем теперь к вопросу о свободе человеческой воли и Промыслу Божию.

Опять я должен начать с того, что тебе известно. Господь дал человеку свободу. И не механическим путем, превращая человека в автомат и тем лишая все его поступки морального содержания, ведет его Господь ко спасению. Господь дал человеку свободу для того, чтобы он сам избрал себе путь спасения, и этим бы сделалось возможным его свободное соединение с Божеством в вечной жизни. И если человек избирает путь зла, то есть отхождения от Бога, — это не есть активное выражение Божественной воли.

Неизвестный. Постой! Значит, такое отхождение совершается без воли Божией? Но как же тогда «ни один волос»?

Духовник. Я сказал, что такое отхождение не есть активное выражение Божественной воли, но это совсем не значит, что оно делается без Его воли.

Неизвестный. Не понимаю.

Духовник. Божественная воля попускает быть этому отхождению, Своей силой его не пресекает, и потому мы утверждаем истину: «все делается по воле Божией». В каждом, самом злом поступке человека участвует воля Божия, поскольку она не препятствует его совершению.

Неизвестный. Я прошу тебя пояснить мне это на конкретном примере. Вот на том разбойнике, о котором я говорил.

Духовник. Прекрасно. Возьмем этот пример с разбойником. Разбойник напал на твой дом и совершил злодеяние. Была ли здесь воля Божия? Да, была, но не в том, что разбойник решил напасть на твой дом, а в том, что Господь попустил совершиться его злой воле и не приостановил ее действия.

Неизвестный. Но почему же не приостановил? В чем же тут Промысел Божий?

Духовник. Об этом я скажу дальше. Будем продолжать наше рассмотрение учения о Промысле. Человеческая жизнь складывается не только из его поступков, но и из поступков окружающих людей. Ты не только сам своей волей определяешь свою жизнь, но гораздо в большей степени ее определяют тебя окружающие люди. Разбойник, напавший на тебя, может совершенно изменить внешние условия твоей жизни, вся жизнь твоя от этого события может пойти в другом направлении. И если представить себе, что окружающие тебя люди являются носителями свободной воли, ясно, что и все эти изменения в твоей жизни, происшедшие от злых поступков, не могут рассматриваться как активное проявление Божественной воли. Возьми эпоху мученичества. Святых распинали и бросали диким зверям. Что же, и это была активно действующая воля Божия? Нет, это была злая воля людей. А где же тогда «все по воле Божией»? Ответ и здесь тот же: все события, зависящие от свободной воли окружающих нас людей, не являются активным выражением Божественной воли. Но так как каждое свободное действие человека Господь может пресечь, то каждое, без исключения, проявление свободной человеческой воли в отношении нас зависит от воли Божественной. Господь его попускает, не пресекает своей высшей волей.

Неизвестный. Но если воля Божия только пассивная, каково же тогда значение этой воли в нашей жизни? В чем выражается забота о нашем спасении? Где в нашей жизни Божественный Промысел? Коль скоро во всем полная свобода человека, а Господь только «попускает» — значит и Промысла как активно действующего начала нет. Человек, в конце концов, предоставлен самому себе.

Духовник. Ты слишком забегаешь вперед. Я вовсе не сказал тебе, что воля Божия — только пассивная: ни в коем случае. Она и активно действующее начало. Но и пассивно попуская, и активно действуя — она в одинаковой мере является промыслительной в нашей жизни.

Неизвестный. Пожалуйста, разъясни мне все это.

Духовник. Господь не пресекает всех злых поступков человека, потому что это было бы лишением его свободы воли и превращало бы его поступки в причинно-обусловленные явления, где этой причиной являлась бы сила Божия. А этим бы уничтожился всякий смысл созданной Богом жизни. Ибо этот смысл лежит в свободном самоопределении человека к добру и соединении его с Богом как следствии этого самоопределения. Но это совершенно не значит, что промыслительное попечение о злых людях исчерпывается только предоставлением им полной свободы, а попечение о людях, в отношении которых совершается зло, — «попущением» этого зла. Тогда, действительно, люди были бы оставлены Богом и предоставлены только самим себе.

Неизвестный. Но в чем же тогда проявляется при совершении злых поступков Божественный Промысел? Я совершенно не могу этого понять.

Духовник. Вот теперь мы подошли к этому вопросу. В чем же выражается Божественный Промысел при попусчении Богом злых деяний? В том, что Господь промыслительно содействует пережить их во благо нашего спасения.

Неизвестный. Не понимаю. Какое может быть «благо» от злого поступка?

Духовник. Когда человек делает нам зло, мы разумеем под этим злом лишь его душевное состояние, те побуждения, которые руководили им. Разбойник, напавший на дом, сделал зло, потому что им руководила злая его воля. Но для тебя — не с точки зрения мирской а с точки зрения христианской, — это может быть злом, и не злом, в зависимости от того, как ты это переживаешь и что это дает для твоей внутренней жизни. И ограбление, и избиение, и бесчестие — может быть для тебя источником озлобления и разорения душевной жизни. И тогда злодеяние разбойника будет для тебя злом. Но то же ограбление, и избиение, и бесчестие, — хотя они и злые деяния, взятые сами по себе и в отношении злой воли, их совершившей, — но для тебя они могут быть источником великого блага, коль скоро ты переживаешь их во благо своего спасения, с терпением, неосуждением, всепрощением... Тебя обманули, оклеветали, оскорбили — это поступки злые, но ты можешь сделать их для себя источником добра. Вот почему святые мученики говорили: «Вы можете убивать нас, но не можете сделать нам зла». Тюрьма — страшное зло, но скольких людей привела она к Богу. Истязание — страшное зло, но сколько

людей стало через него святыми. Ни в чем так не ясно это, как в промыслительной заботе Господа о святой Церкви. Сколько зла было сделано Церкви ее гонителями в эпоху мученичества. Господь до срока не пресекал этого зла. Но Церковь, пережив все во благо, стала Церковью святых мучеников, и руками ее врагов, проливших святую кровь по действию Божественного Промысла, созидалось величие Церкви. Много было испытаний в Церкви, и часто смущались верующие долготерпению Господа. Невольно вставал вопрос у них в сердцах: доколе, Господи? Почему попускаешь торжествовать злу? Почему не приостановишь его Своей всемогущей волей? Но ответ на этот вопрос полностью содержится в учении о Промысле: какое бы зло ни делалось в отношении Церкви — оно всегда ведет к ее благу, всегда очищает и возвеличивает ее. И самые злые ее враги по действию Божественного Промысла не могут сделать для нее ничего, кроме блага. Ибо Господь созидает Церковь Свою не только непосредственным действием Божественной силы, но и руками врагов, попуская злу, которое Церковь переживает во благо. Вот в чем Промыслительный смысл попускаемого Богом зла. Он — в сохранении человеческой свободы и нравственной задаче для каждого человека всякое совершающееся в отношении его зло превратить в источник нравственного совершенства и духовного устройства.

Неизвестный. Но опять-таки я не вижу, в чем проявляется Промысел, то есть Божественная воля. Бог попустил злу совершаться, и человек должен пережить его во благо. При чем же тут Бог? Все опять-таки зависит от человека. Если у него хватит сил пережить во благо попущенное зло — великолепно. Не хватит — человек погибнет. Туда ему и дорога. Сам виноват. Где же Промысел? Опять я вижу только одно «попущение».

Духовник. Ошибаешься. Божественная воля активно помогает нам в исполнении этой нравственной задачи. Дабы не лишит человека свободы, Господь не пресекает воли совершающего зло, но тем, в отношении кого зло совершается, Господь помогает пережить его во благо. И здесь Господь оставляет решающее слово за самим человеком, чтобы не лишит его свободы, не решает нравственной задачи за него, но содействует ее решению.

Неизвестный. Каким образом?

Духовник. Пути разнообразны. Их не перечтешь. Через все Господь посылает ему помощь. Ведь нельзя Промысел Божий понимать только в смысле отрицательном. Господь не только представляет человеку свободу и не только требует от него исполнения определенных нравственных задач. По учению Церкви Господь соблюдает каждую человеческую душу. Каждое движение его, каждую его мысль, чувство, намерение — все видит Господь и все, что возможно сделать, не лишая его свободы, для его спасения, — делает по неизреченной своей любви и милости. Нам не ведомы все пути, которыми ведет Господь человека ко спасению. Но многое нам известно из слова Божия, из жития святых и из опыта Церкви. Вся жизнь человека исполнена иногда явного для него самого, иногда более прикровенного попечения. Нас не должно смущать, что не пресекает Он всегда злой воли и не делает добра за нас Своей всемогущей волей. И здесь Его милость. И здесь Его любовь. Ибо в противном

случае жизнь перестала бы быть жизнью. Но, не отнимая свободы, Он помогает нашему доброму произволению, вразумляя, показывая, просвещая. На нашу жизнь невидимо действуют в этом отношении потусторонние силы, ибо у каждой души есть Ангел-хранитель, который бережно ведет душу ко спасению, есть помощь угодников Божиих, заступничество и ходатайство Матери Божией. Господь Своей волей ставит нас в такие жизненные положения, которые помогают нам идти по надлежащему пути. Он действует на нашу душу и таинственными, неведомыми путями, и через святую Церковь, и через определенных людей, которых посылает на нашем пути. И милость Божия к нам, недостойным, столь безмерна, что удостаивает иных и непосредственного воздействия в форме знамений, видений и чудес.

Неизвестный. Но если «злая воля», действующая в нас, окажется сильнее, если зло не по силам пережить во благо? Тогда Бог «попускает» человеку погибнуть?

Духовник. Никогда. По церковному учению, активная Божественная воля, попускающая зло, всегда пресекает действие на нас злой воли, через которое создается непосильное искушение. Божественный Промысел попускает зло только потому, что оно может быть пережито во благо нашего спасения и потому не допускает зла «непосильного». Если зло попущено Богом — это всегда значит, что оно для нашей жизни, для нравственной задачи посильно. А потому и каждый человек, не переживший его во благо, — согрешает, и сам за это несет ответственность перед Богом. Церковь не знает «непосильных искушений». В слове Божиим говорится прямо: «...верен Бог, Который не попустит вам быть искушаемыми сверх сил...» (1 Кор. 10, 13).

Неизвестный. Но еще один вопрос. А как же судьба злых людей? Что значит в отношении их Промысел Божий? Бог попустил им совершить зло. Он не пресек их свободной воли: ну и что же? Почему Божественная воля «не пресекла» — я понял. Бог не хотел лишать людей свободы и делать их «механическими явлениями». Пусть так. Но ведь Промысел — это забота о спасении. В чем же выражается эта забота в отношении людей, совершающих зло?

Духовник. В том же, в чем она выражается и в отношении тех, кому делается зло. Господь всем хочет спасения. И никого не лишает свободы. Не добрых только, но и злых Он ведет ко спасению, и все, что я говорил об активном значении Божественной силы в деле нашего спасения, относится одинаково и к добрым, и ко злым. Он и злым помогает освободиться от рабства греху, помогает и их доброму произволению, вразумляя, наказывая и просвещая. Каждому давая потребное.

Неизвестный. Да, но тогда Бог превращается в какого-то «Отца», почти в земном смысле, но у которого миллиарды детей и который разбирается во всех мелочах повседневной их жизни. Это как-то не вяжется с моим представлением о Боге.

Духовник. Вот потому-то ты и не чувствуешь великое значение того, что Церковь именует Промыслом Божиим. Потому и смущают тебя кажущиеся формальные противоречия учения о Промысле и свободе воли. Ты опять

стремишься облечь все в земные образы и опять косное земное так заслоняет от тебя высшее Божественное, что ты начинаешь видеть только внешнюю, вещественную, окружающую тебя жизнь. Но ты суди о жизни по духу. Посмотри на все изнутри. Забудь о том, что мир — только вещество и душевная жизнь только физико-химические процессы. Пусть все переживаемое нами в течение нашего земного бытия не будет для тебя лишь бессмысленным чередованием ничем не связанных между собой фактов. Вспомни, что тот иной мир — как в тумане за образом здешнего мира и душевная жизнь — лишь отблеск жизни иной, и вся она объемлется силой Божией. Ты поймешь тогда, что, подобно тому, как Божественная воля, в неизменно действующих законах природы, участвует в каждом, самом ничтожном процессе физической жизни, так же и сила Божия, действующая в Промысле Божиим, участвует и содержит каждый шаг жизни человеческой. Ведь не спрашиваешь ты, каким образом каждый камешек притягивает к себе земля, хотя камней на земле бесчисленное множество. И не спрашиваешь, каким образом каждая частица воды, нагретая солнцем, превращается в пар, хотя невозможно измерить все превратившееся в пар частицы воды, потому что для этого не хватит никаких сил. Ты не спрашиваешь об этом, потому что здесь воля Божия действует в физических, неизменных законах, так не спрашивай, каким образом сила Божия объемлет в промыслительном попечении каждое движение человеческой жизни, потому что людей — «миллиарды». Воля Божия все содержит и потому во всем действует, а раз во всем, то нет для измерения ее ни числа, ни меры.

Неизвестный. Да. Это можно принять. Я не так представлял себе учение о Промысле.

Духовник. Это не только можно принять, но без этого нельзя по-настоящему жить, ибо вера в Промысел дает истинное и твердое основание всей нашей жизни. Не имея в сердце своем чувства Божественного попечения о нас, человек отдается во власть слепого хаоса без основы, без порядка, без смысла.

Он — просто песчинка, которая кружится в каком-то вихре слепых сил и бессильна осмыслить или изменить свое движение. Совсем иное, когда сердце озарено чувствованием Божественного Промысла. Тогда над собою человек ощущает твердое основание. Он знает, что жизнь его в руках Божиих и что эта всемогущая рука ведет его ко спасению. Он идет по жизненному пути спокойно, радостно, с твердым упованием, что милосердный Господь видит каждый шаг его жизни, все, что ни совершается с ним, все к «лучшему», все имеет высший смысл, все не «случайно», а разумно, ибо во всем, всегда и везде действует Божественная воля и сохраняет Его Божественное Промышление.

Неизвестный. Да. Личная жизнь, действительно, как бы получает основу при таком понимании Промысла. Но вот тот последний вопрос, о котором я как-то упомянул раньше, все же остается в силе.

Духовник. Последний ли он?

Неизвестный. Кажется, последний. Но, однако, невозможность ответить на него может разрушить и все воздвигнутое тобою здание.

Духовник. Каков же тот вопрос?

Неизвестный. Я всегда недоумевал, в чем, с точки зрения церковной, лежит смысл мировой Истории? Вот ты говоришь о Промысле Божиим. О том, как Божественная сила ведет человека ко спасению. Ну, а жизнь мира! По нашему учению, истинная жизнь в Церкви. Мир во зле лежит. Но Церковь — горстка людей. Неужели культура, наука, искусство, все, в чем живет этот во зле лежащий мир, — пустая комедия? Неужели весь смысл существования этого громадного злого, но прекрасного «мира» только в том, чтобы соблазнить благочестивых христиан? Неужели он «проклят» и больше ничего?

Духовник. Я предвидел твой вопрос. И без ответа на него наше здание действительно было бы незавершенным.

Неизвестный. И ты мне на него ответишь?

Духовник. На него ответит Церковь. А мы постараемся сделать надлежащие выводы из этого ответа.

Неизвестный. Мне важен не церковный авторитет, а истина.

Духовник. Там, где нет церковного авторитета, — нет истины.

Неизвестный. Да, да. Теперь я не возражаю против этого.

Духовник. Прекрасно. В следующий раз мы будем говорить о прогрессе и конце мировой истории. Это и будет ответ на твой вопрос.

Диалог девятый О ПРОГРЕССЕ И КОНЦЕ МИРОВОЙ ИСТОРИИ

Духовник. Что же такое прогресс? В чем, с точки зрения церковной, лежит смысл мировой истории? Неужели культура, наука, искусство — все, что создал мир, — пустая комедия? Ведь ты так ставишь вопрос? Я понял тебя правильно?

Неизвестный. Да, правильно. И мне думается, что вопрос этот в то же время и самое убийственное возражение против христианства.

Духовник. Почему?

Неизвестный. Потому, что безвыходное положение для разума. Или надо признать мировую историю бессмысленной комедией, и тогда все, чему учит Церковь, окажется истиной; или надо признать бессмысленным христианское учение, и тогда истиной окажется то, что создал мир. Но так как величие христианства все же более отвлеченное и менее осязательное, чем величие, созданное миром, то совершенно ясно, что человек выбирает последнее.

Духовник. Да, громадное большинство действительно поступит так. Оно отвергнет истинное учение Церкви и примет мирскую ложь, но совсем не потому, почему ты думаешь. «Безвыходного положения», о котором ты говоришь, на самом деле не существует. Мировая история, с точки зрения христианской, совсем не «бессмыслица». И ошибка неверующих людей заключается вовсе не в том, что они признают смысл исторического процесса, а в том, что они ложно его понимают.

Неизвестный. Но почему же тогда громадное большинство должно непременно отвергнуть истину?

Духовник. На это в слове Божиим есть совершенно определенный ответ.

Неизвестный. А именно?

Духовник. «...За то, что они не приняли любви истины для своего спасения. И за сие пошлет им Бог действие заблуждения, так что они будут верить лжи...» (2 Фес. 2, 10–11).

Неизвестный. Пусть так. Но от этого церковное учение о смысле мировой истории не делается для меня яснее.

Духовник. Конечно, и я его тебе его разьясню, но сначала ответь мне на вопрос: сам прогресс, как какой-то процесс, в котором совершенствуется жизнь, ты считаешь несомненным фактом?

Неизвестный. Разумеется.

Духовник. Что же такое прогресс, с точки зрения людей неверующих? В чем смысл мировой истории, если ничего, кроме материи, не существует и все жизненные явления — не что иное, как физико-химические процессы, в которых по неизменным законам комбинируются атомы вещества?

Неизвестный. Неверующие люди на этот вопрос отвечают так: смысл мирового прогресса в постепенном улучшении жизни.

Духовник. Какою же мерою определяется улучшение или ухудшение жизни?

Неизвестный. Наслаждением. Культура увеличивает власть человека над природой, усложняет потребности и дает более полную возможность удовлетворить их. А это делает жизнь все более приятной и содержательной. Блага культуры доступны пока не всем, но дальнейший прогресс уничтожит неравенство, и тогда все будут наслаждаться одинаково. Таким образом, смысл прогресса лежит в постепенном увеличении наслаждений жизнью и в постепенном уничтожении неравенства в распределении этих наслаждений.

Духовник. Тот признак «улучшения», который указываешь ты, совершенно недостаточен.

Неизвестный. Для неверующих людей он кажется достаточным.

Духовник. Он достаточен только для тех практических задач, которые ставит перед собой большинство, а не для действительного уяснения смысла прогресса. Большинство стремится не к достижению высших духовных состояний, а к удовлетворению своих страстей и потому увеличение этих страстей и возможность более полного их удовлетворения, естественно, кажется этому большинству «прогрессом», то есть «улучшением жизни».

Неизвестный. Но почему же увеличение наслаждений не может осмыслить мировой прогресс?

Духовник. По трем причинам. Во-первых, надо еще доказать, что культура, действительно, увеличивает общую сумму наслаждений, а не уменьшает ее. Ведь увеличиваются не только наслаждения, но и страдания. И едва ли возможно теоретически доказать, что увеличение наслаждений идет быстрее, чем увеличение страданий. Во-вторых, понятие «наслаждение» крайне субъективно. Жизнь в больших городах, где можно пользоваться всеми благами культуры, многим кажется ужасной, и они бегут от нее к жизни менее культурной, но более соприкасающейся с природой. Значит, наслаждение

благами культуры не может быть признаком общеобязательным. И в-третьих, если бы мы и признавали несомненным и общеобязательным увеличение наслаждений с развитием культуры, это не могло бы осмыслить мировую жизнь потому же, почему самые утонченные наслаждения не могут осмыслить жизнь отдельного человека.

Неизвестный. Мы, кажется, пришли с тобой к тому, с чего начали.

Духовник. И это вполне естественно. Ведь мировая жизнь складывается из жизни отдельных людей. И все, что мы говорили с тобой о человеке, имеет прямое отношение к человечеству. Мы видели, какое значение при вопросе о смысле жизни имеет идея бессмертия. Если смерть — конец бытия вообще, то жизнь человеческая, как не имеющая оправдания в высшей цели, является бесцельной, а, значит, и бессмысленной. Такою целью, дающей смысл всему ряду явлений, из которых слагается человеческая жизнь, может быть только вечность. Потому что только вечность, как беспредельное, может быть целью самой в себе. Все это в полной мере относится и к жизни человечества. И эту жизнь также может осмыслить лишь высшая цель, лежащая за пределами изменчивого ряда явлений. Разница только в том, что когда мы говорили об отдельном человеке, бессмысленность его жизни была совершенно очевидна потому, что неизбежность смерти у всех перед глазами. А когда вместо «человека» мы подставляем понятие «человечество» или еще более широкое понятие «мир», неизбежность смерти отодвигается в неопределенную даль, и потому бесцельность скрывается за некоторым туманом. Но ведь сколько полей не складывай — их сумма всегда будет ноль. И в какую даль ни отодвигай бесцельность, она никогда от этого не станет целью. Попытки ввести моральный момент в атеистическое учение о прогрессе — совершенно безнадежны. Здесь так же, как и в вопросе о личной жизни, коль скоро все сводится к физико-химическим процессам, ни о какой морали не может быть и речи. Если у отдельных людей нет свободного выбора, если они только «комбинация атомов», если каждое действие их причинно-обусловлено, как всякое явление физического мира, то и мировая история — такой же механический процесс, где нет ни правых, ни виноватых, где нет ни смысла, ни цели, ни прогресса, ни регресса, а есть механическое чередование причинно-обусловленных фактов.

Неизвестный. Возможно, что ты прав. Я вовсе сейчас не склонен защищать материалистическое понимание истории. Но несостоятельность одной теории еще не доказывает состоятельность другой.

Духовник. Да, не доказывает, и не для этого я говорю тебе о бессмысленности понятия прогресса при материалистическом мировоззрении. Я хотел лишь установить, что всякое положительное решение вопроса о смысле мировой истории непременно должно быть религиозным. И разногласия могут быть только в понимании этого религиозного смысла.

Неизвестный. Допустим, что это так.

Духовник. Христианское понимание прогресса совершенно не походит на понимание мирское. И потому надо начать с того, чтобы вполне отрешиться от всех общепринятых понятий, слов, суждений, оценок. Надо забыть

горделивые и ничего не значащие фразы о «победоносном шествии человечества по пути прогресса», о «величии человеческого гения», о «торжестве науки и техники», о каких-то «сверхъестественных достижениях культуры». Все это пустые слова, поскольку речь идет о смысле прогресса. Люди могут летать на самолетах, как птицы, могут, сидя в своих кабинетах, видеть и слышать, что делается за тысячи верст, могут превратить свою жизнь в фантастическую сказку, где по движению волшебной палочки явятся самые сладкие яства и самые утонченные наслаждения, и в то же время вся эта поразительная культура ни в какой степени не будет сама по себе «прогрессом» и ни в какой степени не может осмыслить исторический процесс. Ставить вопрос о смысле прогресса может только христианское учение, потому что оно одно только знает конечную цель бытия вообще, и потому может, в связи с тем или иным значением исторического процесса, для достижения этой цели говорить о прогрессе и его смысле.

Христианская теория прогресса имеет за собой великие истины веры о сотворении мира и человека, о грехопадении, об Искуплении, о Церкви, о нравственном совершенствовании, о Промысле, о законе и благодати, о последних временах, явлении антихриста, о славном втором пришествии Христа. Дать действительный ответ на вопрос, что такое прогресс и каков его смысл, не может разум человеческий — это может сделать только Богооткровенное Христианское учение в своей совокупности.

Неизвестный. Но какое же определение ты дашь самому понятию прогресса? Я думаю, это понятие остается неизменным, какое бы ни было за ним общее мировоззрение.

Духовник. Нет, от общего мировоззрения меняется и самое определение понятия прогресса.

Неизвестный. Я этого не понимаю.

Духовник. Сейчас поймешь. Вспомни, как ты говорил с точки зрения людей неверующих о прогрессе. Прогресс — это постепенное увеличение наслаждений жизнью и постепенное уничтожение неравенства в распределении этих наслаждений.

Неизвестный. Совершенно верно. Это — в одно и то же время и определение понятия прогресса и раскрытие его смысла.

Духовник. Правильно. Посмотрим теперь, как определяется понятие прогресса с точки зрения христианского учения. По учению христианскому, прогресс — это такой процесс изменения жизни, в котором достигается общая цель мироздания. Как видишь, это нечто совсем иное, чем то, что говоришь ты. Из этого определения следует, что понять смысл прогресса — значит понять эту конечную цель мироздания и уяснить, каким образом прогресс мировой жизни ведет к ее достижению. Ты согласен с такой постановкой вопроса?

Неизвестный. Вполне.

Духовник. Нужно сказать еще несколько слов, почему конечная цель мироздания не может заключаться в каких бы то ни было материальных изменениях жизни. Ведь такие изменения связаны, как и все материальное, с понятием времени и пространства. Значит, если допустить, что смысл

прогресса заключается в достижении наибольшей степени материальных благ, то дальнейшее приближение к этому еще недоступному идеалу, очевидно, должно быть поставлено в зависимость от дальнейшего движения времени.

Пройдет еще тысяча лет, люди станут еще учнее, еще более овладеют природой, изобретут еще несколько десятков удивительных машин, и тогда приблизится идеал полного земного благополучия. Такая зависимость прогресса от количества протекшего времени явно несообразна. При отрицании сотворения мира Божественной силой мы имеем в прошлом бесконечность во времени. Значит, какое бы количество времени ни требовалось для высших достижений в материальных изменениях мира — оно уже дано в этой бесконечности и потому то или иное несовершенство не может быть объяснено недостатком времени. Нельзя говорить: вот, пройдет еще 1000 лет, и мы достигнем чего-то такого, чего нельзя было достигнуть, пока эти 1000 лет не прошли. Нельзя говорить так потому, что эти и всякие другие тысячи лет для материальных причинно-обусловленных явлений уже были в бесконечности прошлого. Совершенно ясно, что вне зависимости от времени может стоять только нравственная цель мироздания, а значит, возможен только нравственный смысл прогресса. Нравственный момент не обусловлен причинным рядом явлений. Абсолютно свободный акт воли не находится ни в какой зависимости от количества протекшего времени, и потому бесконечность в прошлом не имеет к нему никакого отношения. Какие бы тысячелетия ни отсчитывала история, пока свободный акт воли в данный момент не совершится, не будет достигнуто то, что требует для своего достижения этого свободного акта. Если мир, несмотря на вечность, продолжает изменяться, то это свидетельствует не о том, что недостаточно прошло времени для достижения материальных задач, а о том, что смысл всех происходящих в мировой жизни изменений лежит в области нравственной, от времени не зависящей и временем не связанной. Такую цель мироздания и такой смысл прогресса открывает нам христианское учение.

По христианскому учению, конечная цель мироздания, как и отдельной человеческой жизни, заключается в совершенном восстановлении через веру в Иисуса Христа нарушенного в грехопадении единства с Богом. Ибо «соединяющийся с Господом есть один дух с Господом» (1 Кор. 6, 17). В это единство должны войти не отдельные, ничем не связанные между собой люди, а люди, объединенные в таинственное Тело Христово, в святую Церковь. Это должно быть единство в Боге не только человека, но и всей жизни. Ибо «и сама тварь освобождена будет от рабства тлению в свободу славы детей Божиих» (Рим. 8, 21). Это должно быть единство не только всей жизни, но и всей вселенной, ибо «мы, по обетованию Его, ожидаем нового неба и новой земли, на которых обитает правда» (2 Пет. 3, 13). Словом, «да будет Бог все во всем» (1 Кор. 15, 28). Вот что стоит в конце мировой жизни, вот что дает смысл историческому процессу, и вот приближение к какой цели дает основание этот процесс именовать прогрессом.

Прогресс — это не аэропланы, радио, чудеса техники и утонченные наслаждения — это страшная борьба с мировым злом, препятствующим

достижению конечной цели мироздания — единству с Богом.

Рассмотрим же теперь самый процесс исторической жизни и как достигается в нем эта конечная цель.

Исторический процесс — это, с одной стороны, созидающееся Царство Христово — святая Церковь, а с другой — созидающееся царство антихриста.

Неизвестный. Что ты разумеешь под антихристом — определенную личность или общее нравственное состояние мира.

Духовник. В процессе живой личности антихриста еще нет, так же, как нет Христа, пришедшего во славе. Но дух антихриста действует в мире и постепенно подготавливает такое состояние зла, при котором сделается возможным воплощение этого духа и в определенную личность.»...Дух антихриста, о котором вы слышали, что он придет и теперь есть уже в мире» (1 Ин. 4, 3). Смысл всех мировых изменений лежит в процессе моральной дифференциации, которая окончательно отделит царство Христово от царства антихриста.

Неизвестный. Но ведь в первоначальном христианстве дана была эта дифференциация. Ты сам говорил, что церковь и мир отделены непроходимой стеной. Зачем же «процесс»?

Духовник. Церковь и мир были действительно резко разграничены в первоначальном христианстве. Но разве все, что могла вместить в себя Церковь, было отделено от мира? Разве это разделение до конца рассекло всю мирскую жизнь? Разве не нужен был долгий процесс, чтобы весь мир прошел через это разделение. Вспомни слова Ап. Петра: «Не медлит Господь исполнением обетования, как некоторые почитают то медлением: но долготерпит нас, не желая чтобы кто погиб, но чтобы все пришли к покаянию». (2 Пет. 3, 9).

Завершится ли земной прогресс благополучием? Церковь отвечает на этот вопрос категорическим отрицанием. По учению Церкви, мировая жизнь в смысле земного благополучия будет все более и более ухудшаться, пока не придет к катастрофе. Земного счастья человечество не достигнет никогда. И в этом смысле никакого прогресса не существует. Здесь лежит целая пропасть между материалистическим и христианским мировоззрением.

Христианское учение о прогрессе понимает исторический процесс не как постепенное достижение материального благополучия, а как постепенное внутреннее самоопределение добра и зла.

Прогресс не есть созидание материального блага, а разделение противоположных нравственных начал. Внешняя история мира есть простое следствие этих внутренних столкновений, этой борьбы. Этот процесс разделения прежде всего касается взаимоотношений Церкви и мира. Здесь дифференциация приводит к решительному и полному их противоположению. Затем тот же процесс касается Церкви, ее в особенности. Здесь отсеивается чистая пшеница от сорных трав. Затем он проходит через всю мирскую жизнь — и здесь одних приближает к спасению в порядке естественно-природного развития, других — повергает в бездну окончательного растления. Этот процесс поэтому касается каждой человеческой души, где смешанные начала

добра и зла все резче и резче разделяются и все ожесточеннее противоборствуют. Этот процесс в своих последних стадиях развития окончательно разрывает связь между Церковью и миром, Христом и Велиаром. Церковь приводит к чистоте Апостольского века. Мир — к окончательному нравственному падению. Каждая отдельная душа ставится перед необходимостью выбрать себе господина.

Только рассмотрев все пути этого процесса, можно прийти и к правильному пониманию конца мировой истории, явления антихриста, последней катастрофы и второго пришествия Господа, поскольку все это открыто в Божественном откровении.

Неизвестный. Я прошу тебя говорить все, что ты найдешь нужным для возможно более полного ответа на мой вопрос.

Духовник. Хорошо. Итак Церковь и мир — это основное разделение в процессе исторического развития. Это — первая и последняя дифференциация добра и зла, ибо «не мир пришел Я принести, но меч» (Мф. 10, 34).

Происхождение Церкви — сверхъестественное. Ее сущность — таинственное Тело Христово. Ее жизнь — благодатная жизнь в Боге, ибо «Царство Мое не от мира сего» (Ин. 18, 36).

Внутренняя жизнь Церкви вся зиждется на истинной свободе, на благодати, на духовном единстве, на нравственном авторитете. В ней решительно преодолевается всякое насилие, неравенство и эгоизм.»...Князья народов господствуют над ними, и вельможи властвуют ими; но между вами да не будет так...» (Мф. 20, 25–26).»...Стойте в свободе, которую даровал нам Христос, и не подвергайтесь опять игу рабства» (Гал. 5, 1). «Вы куплены дорогою ценою; не делайтесь рабами человеков» (1 Кор. 7, 23).

В историческом процессе отношения Церкви с миром принципиально не изменялись никогда. Но фактически они не оставались неизменными. И смысл всех бывших фактических изменений лежит в постепенном разделении Церкви и мира, необходимом для достижения конечной цели мироздания. Первоначальная Церковь была более обособлена от мира, чем Церковь последующих веков. И с точки зрения полноты самоопределения всего церковного и мирского может казаться, что исторический процесс в этом отношении нельзя назвать «прогрессом», дифференциация не увеличивалась, а ослаблялась, грань между Церковью и миром как бы исчезла, и Церковь явно поддавалась обмирщению.

Но процесс надо брать не в отдельных его стадиях, а во всей совокупности, и тогда оценка промежуточных состояний окажется совсем иной. Как в отдельной жизни человека многие события, когда они совершаются, оцениваются нами отрицательно, а впоследствии, к концу жизни, открывается положительный их смысл — так же и в процессе исторической жизни многое, что кажется движением назад или в сторону, в общем ходе истории оказывается прогрессом.

Первоначальная Церковь, этот «монастырь в миру», была в более совершенном разделении с миром, чем Церковь последующего времени. Но мир не был достаточно дифференцирован на церковное и нецерковное, поэтому

прежде чем прийти к окончательному самоопределению всего Церковного и всего мирского, должно было произойти многое. Евангелие должно было распространиться по всей земле, и в сферу церковной жизни вошло множество народов. Пусть этот процесс повлек за собой некоторое обмирщение земной Церкви. Пусть просочилось из мира в Церковь многое, о чем сказано: «среди вас да не будет так». Но этот процесс в общем ходе истории является прогрессом, потому что через него подготавливается окончательное разделение всего мирского и всего церковного, необходимое для достижения конечной цели мироздания.

Мир в отношении Церкви по-своему пережил тот же процесс. И он начал с более совершенного отрицания Церкви. Эпоха гонений была эпохой полного разделения мирского и церковного начал. В дальнейшем этот натиск на Церковь ослаб, а вместе с тем ослабла грань, отделяющая мир от Церкви. Постепенно мир путем слияния с Церковью стал стремиться к власти в благодатном царстве не от мира сего. И этот процесс, взятый в своей изолированности, может казаться движением назад уже с точки зрения чистоты разделения мирского начала и Церкви. Ибо Церковь получила влияние на мирскую жизнь и сама подверглась влиянию мирской жизни. В результате стусеживалось разделение мира и Церкви по сравнению с эпохой гонений, но в общем ходе истории и это служит делу последнего разделения добра и зла, мира и Церкви — ибо приводит к самому ожесточенному отрицанию Церкви, а значит и самой полной дифференциации.

Неизвестный. Разделение между Церковью и миром для меня ясно. Ясен и процесс, которым идет это разделение. Больше того, самый вопрос мой вытекает в значительной степени именно из этого несомненного противоположения. Поэтому для меня важно уяснить себе не процесс разделения Церкви и мира, а дифференциацию каждого из них в отдельности.

Духовник. Я это знаю. Но общая картина мирового процесса в церковном понимании была бы не полной, если бы я не сказал об этом основном разделении.

Неизвестный. Конечно, конечно, это просто мое нетерпение, ведь то, что ты говоришь о разделении Церкви и мира, я представлял себе именно так, как ты говоришь, а то, что можешь сказать о дифференциации Церкви и особенно мира в отдельности, я не представляю совершенно. Но, пожалуйста, продолжай говорить так, как находишь нужным. Это основное условие наших разговоров.

Духовник. О разделении Церкви и мира я уже сказал, перейдем теперь к рассмотрению того же процесса в жизни самой Церкви и здесь мы увидим ту же борьбу добра и зла, то же разделение противоположных начал, тот же дух Христа и антихриста. Спаситель сказал своим ученикам: «...берегитесь, чтобы кто не- прельстил вас, ибо многие придут под именем Моим, и будут говорить: «я Христос», и многих прельстят» (Мф. 24, 4, 5). Слова Спасителя начали сбываться с первых же дней бытия Церкви. Уже при жизни Апостолов явились еретики, те, о которых Ап. Иоанн сказал: «...вы слышали, что придет антихрист, и теперь появилось много антихристов... Они вышли от нас, но не были наши: ибо если бы они были наши, то остались бы с нами: но они вышли,

и через то открылось, что не все наши» (1 Ин. 2, 18–19).

Это была антихристовская гордыня ума, стремящаяся исказить христианское учение. В дальнейшей истории Церкви начались страшные внутренние потрясения, гораздо более волновавшие Церковь, чем все внешние нападения на нее мира. Что лежало в основе этих внутренних нападений? Дух антихриста. Стремление создать подделку истинной Церкви, подменить Христа. Это было то, о чем сказал Спаситель ученикам: «многие придут под именем Моим и будут говорить: «я Христос» (Мф. 24, 5).

Что делала Церковь, преодолевая эти нападения? Отделялась от антихриста, очищалась в этом процессе внутренней борьбы. Это была та дифференциация, в которой Церковь достигала все большего и большего самоопределения. Достаточно вспомнить пятидесятилетнюю эпоху борьбы с арианством и столетнюю борьбу с иконоборчеством, чтобы совершенно в конкретных формах представить себе смысл этого процесса. Дух антихриста — это дух самоутверждения, гордыни, самости, рабства, лжи, страстей. Все это составляло сущность и внутренних восстаний на истинную Церковь.

Арианство стремилось подменить непостижимые Богооткровенные истины веры понятною для ума ложью. Церковь боролась с ересью не силой оружия, а силой исповедания истины. Арианские гонения были не менее жестоки, чем языческие. А христиане противоборствовали им терпением, святостью, неизменной преданностью истинной святой Церкви Христовой. И что дала Церкви эта борьба, как не разделение Христа и антихриста? А иконоборчество? Разве и эта ересь не была «подделкой»? Разве под видом борьбы с языческим началом во имя «истинной Церкви» не стремился антихрист ужасающими насилиями, ложью и клеветой исказить истинное учение Церкви? И что дал этот процесс внутренней борьбы с ересью, как не отсев чистой пшеницы от сорных трав? И что такое вообще вся эпоха Вселенских Соборов, как не борьба Христа и антихриста в недрах самой Церкви?

Борьба эта не прекратилась и после Вселенских Соборов, не прекратится и до последних дней земного бытия Церкви. Изменяются лишь условия этой борьбы в зависимости от изменения внешних условий жизни, изменяется повод борьбы в зависимости от того, на что именно нападает враг, который делается все хитрей, и потому подделки его более и более трудно распознаваемы, но дух и сущность нападений остаются теми же. Будет ли вестись борьба за чистоту истинной веры, или за чистоту Богочитания, или за канонический строй Церкви, или за внутреннюю свободу Христа в ней — в своей сущности все это будет борьба Христа и антихриста, все это будет процесс разделения истинной Церкви от ее подделки. И результат этого процесса — все большее самоопределение истинной Церкви и отсев от плевел чистой пшеницы.

Поэтому и должен быть назван этот процесс прогрессом. В страшных испытаниях и скорбях этой борьбы, отвечая на насилие терпением, на ложь — исповеданием истины, будет сберегаться в безупречной чистоте своей святая Церковь к последним дням мира.

Лжецерковь будет существовать до конца исторического процесса. Внешне она будет сильнее и многочисленнее истинной Церкви. «Ибо восстанут

лжехристы и лжепророки, и дадут великие знамения и чудеса, чтобы прельстить, если возможно, и избранных» (Мф. 24, 24). Не эта кажущаяся могучей лжецерковь, а гонимая, презируемая в миру, ушедшая в пустыню Церковь — будет истинной Церковью Христовой.

Неизвестный. Да, все это очень ясно, и возможно, что все это так. Но ведь все, что ты говоришь о Церкви, нисколько не приближает нас к решению моего вопроса о смысле мирской жизни.

Духовник. Нет, приближает. Мы уже увидели, что мирская жизнь не безразлична в процессе дифференциации, а значит, и в достижении конечной цели мироздания.

Неизвестный. Но это не положительное, а отрицательное значение. Едва ли оно достаточно, чтобы оправдать исторический процесс.

Духовник. Разумеется, недостаточно, но ведь мы о мире сказали не все.

Неизвестный. Я думаю, ты понимаешь, с каким нетерпением я слушаю тебя дальше.

Духовник. Не будем торопиться, вопрос этот требует спокойного рассмотрения. Откроем книгу Деяний и прочтем первые слова речи Ап. Павла в Ареопаге: «Афиняне! по всему вижу я, что вы как бы особенно набожны. Ибо, проходя и осматривая ваши святыни, я нашел и жертвенник, на котором написано: «неведомому Богу». Сего-то, Которого вы, не зная, чтите, я проповедую вам» (Деян. 17, 22–23).

Все, что есть положительное в среде внецерковной, — в науке, в творчестве человеческого разума, в искусстве, в благородных стремлениях целых народов и героических поступках отдельных лиц, — все это не что иное, как служение неведомому Богу. Та часть человечества, которая не вошла в состав таинственного Тела Христова — Его святую Церковь, — не потеряла образа и подобия Божия. Божественное начало в человеке, лишнее соприкосновения со своим первоисточником, не уничтожилось этим, а лишь отдавалось во власть естественно-природного бытия. Внецерковный мирской процесс поэтому протекает совершенно иначе, чем процесс внутренней жизни Церкви. Но в нем происходит та же борьба и то же разделение.

Рассмотрим теперь подробно этот процесс.

Божественное начало содержит вселенную неизменными законами природы, которые являются выражением Божественной воли. И вся внецерковная жизнь человеческая утверждается на некоторых определенных началах, имеющих биологическое основание. Люди вне Церкви не принимают рождения свыше, не делаются «причастниками Божественного естества» (2 Пет. 1, 4). Они составляют частицу общей естественно-природной жизни. Но человек, и отказываясь от своего высшего достоинства, не может лишить себя нравственного сознания и ответственности перед Богом, и потому его жизнь в миру не совсем тождественна с жизнью бессловесной природы. Я разумею разницу не только интеллектуальную, но и нравственную. Природная жизнь не знает «нравственного закона» и потому не знает «греха» и «нравственного разложения». Там вся жизнь — процесс биологический. А внецерковная жизнь человеческая — это, с одной стороны, природное, присущее только людям,

стремление к соединению с Божеством, с другой — падение в смысле безусловного подчинения низшим первоосновам физической природы. Вот на какие две стороны разделится мирская жизнь в процессе своего развития. Положительное в ней создают и человек, и природа. Человек, поскольку он служит неведомому Богу. Природа, поскольку она в порядке естественно-природного развития содействует выработке лучшего в биологическом смысле. Отрицательное в ней то, что отпадает от служения неведомому Богу и что препятствует положительному биологическому процессу.

На трех началах зиждется мирская внецерковная жизнь, и все они имеют биологическое основание. Это — власть, неравенство и эгоизм.

В жизни Церкви эти начала преодолеваются новым благодатным рождением. Там нет власти в мирском смысле как организованного внешнего насилия. Нет неравенства, ибо все равны перед Богом, нет эгоизма, потому что дано единство в духе, истине, любви. Я говорю, разумеется, не об отдельных людях, где возможны самые тяжелые грехи и падения, — а о жизни Церкви. не то в миру. Там непременным условием естественно-природного развития является власть, неравенство и эгоизм.

Внецерковная жизнь без внешней организующей государственной силы, отданная во власть естественно-природным стихиям, не перерожденная свыше и не объединенная в духе и истине, распалась бы, перестала бы существовать как нечто целое и этим была бы поставлена вне общемирового процесса. Поэтому власть как положительная сила внецерковного развития — от Бога. Не та или иная конкретная власть. Не потому, что одна хороша, а другая хуже, а всякая власть как институт.

Перед очами Апостолов была ужасающая власть римских императоров. И по-человечески так легко было впасть в соблазн и в лице этой власти отвергнуть всякую власть вообще. Тем более, что в среде церковной она была совершенно излишней. Но не человеческий разум, а Дух Божий открыл Апостолам великую истину: «нет власти не от Бога» (Рим. 13, 1). В этих словах открывалось положительное значение власти в историческом процессе как внешней организующей силы, без которой не мог бы развиваться внецерковный мир. В Церкви неравенство невозможно. Так все утверждается не на биологическом, а на сверхъестественном основании. Перед Господом все равны. Нет ни богатых, ни бедных, ни знатных, ни незнатных. Нет никаких делений на высших и низших. «Здесь нет различия между Иудеем и Еллином, потому что один Господь у всех, богатый для всех, призывающих Его» (Рим. 10, 12). Все одинаково дети Божии и члены Церкви. Но жизнь природы зиждется на неравенстве. Там развитие есть постепенное возвышение одних и принижение других. Там неравенство — положительное начало, потому что оно создает в процессе биологическом высшие породы и более жизнеспособные, и более сильные организмы. Различие пород создается различием внешних условий жизни, и борьба этих пород, имеющая биологическое основание, является положительной движущей силой естественно-природного развития. Личный эгоизм в Церкви был бы

отрицанием самого существа церковного единства. Там все индивидуальное освобождается от эгоистической, естественно-природной основы и входит в церковное единство без эгоистического самоутверждения, сохраняя лишь положительное содержание индивидуальных различий. Вне церкви эгоизм — основная движущая сила жизни. Там личное благо, утверждение своего личного бытия, своей самости — есть биологический факт, который нельзя преодолеть никакими человеческими усилиями. Он заставляет с напряжением всех сил стремиться к достижению намеченной цели, создает борьбу и обуславливает в значительной степени общее направление исторического процесса.

Итак, дифференциация мирской жизни происходит в процессе, где, с одной стороны, действует Божественное начало человека, стремящееся к неведомому Богу, и основные движущие силы естественно-природного развития — власть, неравенство и эгоизм, а с другой стороны, животные потребности, которые все стремятся покорить себе и в этом стремлении своем превращаются в страсть.

Неизвестный. Из твоих слов можно вывести заключение, что, с христианской точки зрения, власть, неравенство и эгоизм являются положительными началами исторического процесса. Но как же так? Власть как морально безразличное понятие я еще могу допустить. Но как допустить положительную оценку неравенства и эгоизма с точки зрения христианской морали — я не понимаю.

Духовник. Эти начала имеют положительное значение в процессе дифференциации, а не взятые сами по себе. Они оцениваются положительно лишь как факторы естественно-природного развития, где понятие «морали» вообще не имеет смысла.

Неизвестный. Неясно мне еще то, в чем состоит положительное содержание того, что ты определяешь как стремление к неведомому Богу.

Духовник. Полнота Божественного Духа, поскольку она раскрывается в мире, содержится в истинной Церкви, но открывается и в природе. Открывается Он и в человеческом сознании, открывается и в творчестве, в науке, в искусстве. Во всем, что именуется культурой. В природе нет нравственного падения, нет злой воли, нет нарушения нравственного закона, нет действия страстей. Поэтому Бог открывается в природе вне воли и нравственного сознания; в совершенной гармонии естественно-природного бытия. А в человеческом сознании и в человеческом творчестве Божественный Дух выражается постольку, поскольку он не затемнен действием страстей.

Неизвестный. Значит, это выражение Божественного начала искажено?

Духовник. Да, и в слове Божиим объяснена причина этого. Человечество вне Церкви в своем большинстве противоборствует Божественному началу, и потому естественно, что природная жизнь его отравлена действием страстей. Как говорит Апостол: «злословят то, чего не знают; что же по природе, как бессловесные животные, знают, тем растлевают себя» (Иуд. 1, 10).

Неизвестный. Значит, если бы весь мир стал Церковью, культура была бы не нужна?

Духовник. Она была бы совершенно другой.

Неизвестный. Постой. Я все же не могу ясно представить себе положительное содержание культуры. Возьмем, положим, искусство. Я поставлю вопрос конкретно: Бетховен нужен?

Духовник. Кому?

Неизвестный. То есть, как «кому»? Вообще объективно, чтобы «открылся Бог».

Духовник. Так вопрос ставить нельзя. Или, вернее, на вопрос, так поставленный, нельзя ответить «да» или «нет».

Неизвестный. Ответь как угодно.

Духовник. Хорошо. Бетховен нужен, поскольку он отражает в своем творчестве Божественное начало вне Церкви. Он — явление положительное, поскольку имеет положительное значение в процессе внецерковной жизни. Он не нужен для тех, кто живет в полноте жизни церковной.

Неизвестный. Значит, если бы все были в Церкви, он не был бы нужен никому. Почему же ты говоришь, что культура, а значит и искусство были бы иными, если бы все жили церковной жизнью? Из твоих слов вытекает, что тогда культура, наука, искусство и т. д. не нужны были бы вовсе.

Духовник. Ни в коем случае. Бог дал человеку определенные индивидуальные силы: ум, воображение, творческую способность. Эти силы даны не напрасно. Не для удовлетворения праздного любопытства, не для изобретений, которые бы тешили плоть, не для произведений, которые бы услаждали страсти. Человек мог бы благоговейно рассматривать созданную Богом природу, изучать ее законы, видя в них Божественную волю. И такое научное познание было бы Богопознанием. Человек мог бы покорить себе природу, чтобы внешняя жизнь, поскольку это дано человеку, содействовала его внутренним задачам, и тогда великие изобретения человеческого разума были бы Богослужением. Человек мог бы в искусстве, в красоте отражать тот Дух Божий, который видится очами веры и в природе, и в человеке, и во всей жизни вселенной, а не тешить свою чувственность и сластолюбие, и тогда искусство стало бы Богосозерцанием. Вся культура была бы гармоничным соединением Божеского и человеческого, как и сам человек, и вся жизнь вообще.

Неизвестный. Но скажи тогда, в чем же состоит процесс дифференциации в мире, где нет всего того, о чем сейчас сказал ты? Каким образом эта дифференциация приближает конечную цель мироздания?

Духовник. Да. Теперь у нас есть достаточные основания ответить на этот вопрос.

В процессе мирской жизни происходит окончательное разделение добра и зла во внецерковной среде. Добром вне Церкви является все, что выражает в условиях естественно-природного бытия Божественное начало и в стремлении своем к неведомому Богу почти соприкасается с Богом истинным. Это содержится и в науке, и в искусстве, и во всех видах человеческого творчества, и в достижениях человеческой культуры. Злом вне Церкви является начало плотское, которое все больше затемняет Божественный образ, открывающийся

в условия естественно-природного бытия и, поработав себе мирскую жизнь, приводит ее к страшному нравственному падению. Таков процесс этой дифференциации. Как он служит конечной цели мироздания? Он служит тем, что отделяет все положительное, что может вместить в себя истинная Церковь. И все злое, что подготавливает пришествие антихриста.

Неизвестный. Что же положительное может вместить Церковь, и какое зло подготавливает пришествие антихриста?

Духовник. Церковь может вместить познание природы в мирской науке, созерцание красоты в мирском искусстве, добра в культуре и просвещении людей, но не во всей полноте, как бы это могло быть в Церкви, а лишь отчасти. И она решительно отвергает все, чем наука искусство и культура служат похоти и растлению. Ибо это то зло, которое подготавливает пришествие антихриста. Церковь понимает положительный смысл в естественно-природном процессе — власти, неравенстве и эгоизме, — хотя и не принимает их в свою внутреннюю церковную жизнь, где все зиждется на духовно-нравственном авторитете, равенстве и жертвенной любви. Но она утверждает, что все эти начала, отданные на служение страстям, являются тем злом, которое подготавливает пришествие антихриста. Начало власти — беспредельное его владычество. Неравенство — абсолютное его самовозвышение. Эгоизм — его абсолютное самоутверждение.

Неизвестный. Что же в итоге положительного дает мировой процесс вне Церкви?

Духовник. Дифференциацию добра и зла — как и всякий вообще процесс. Приближение к Церкви внецерковной среды путем служения неведомому Богу, и все положительное в человеческом творчестве, поскольку в нем открывается Божественное начало.

Неизвестный. Конечно, это делает культуру не «пустой комедией», но все же низводит ее с пьедестала.

Духовник. Да, это не то горделивое мирское возвеличивание «культуры», которое, не видя истинного смысла жизни человеческой, не может понять и истинного смысла жизни мирской, но ведь и в личной человеческой жизни главное, то есть духовное состояние души, считается в миру пустяком, а сравнительные пустяки, то есть внешнее благополучие, принимается за главное. Так и в жизни мировой... Для многих вопросы о судьбе Церкви и борьбе добра и зла кажутся пустяками, а мирская судьба и достижения культуры самым важным и самым существенным делом истории, но хотя это и важно, и не «бессмысленно», однако совсем не может иметь первенствующего значения.

Неизвестный. Можно ли считать, что все, что ты говоришь об историческом процессе, — это учение Церкви и св. Отцов?

Духовник. Церковь учит о конце исторического процесса и об отдельных его моментах. Но это раскрывает и весь его путь.

Неизвестный. Я думаю, что общее понимание мирового процесса будет не полным, если ты не скажешь и об его конце.

Духовник. Совершенно верно.

Неизвестный. Поэтому и об этом я прошу тебя говорить как можно подробнее.

Духовник. Здесь уже буду говорить не я: здесь да не дерзнет говорить никто от своего разумения. В слове Божиим и у св. Отцов сказано все.

Начнем с общего состояния мира. К чему приведет мировую жизнь исторический процесс? Господь сказал своим ученикам: «...восстанет народ на народ, и царство на царство; и будут глады, моры и землетрясения по местам... Тогда будут предавать вас на мучения и убивать вас; и вы будете ненавидимы всеми народами за имя Мое... по причине умножения беззакония, во многих охладает любовь...»...Тогда будет великая скорбь, какой не было от начала мира доныне, и не будет» (Мф. 24, 7, 9, 12, 21).

Апостол об общем состоянии мира говорит: «Знай же, что в последние дни наступят времена тяжкие. Ибо люди будут самолюбивы, сребролюбивы, горды, надменны, злоречивы, родителям непокорны, неблагодарны, нечестивы, недружелюбны, непримирительны, клеветники, невоздержны, жестоки, не любящие добра, предатели, наглы, напыщенны, более сластолюбивы, нежели боголюбивы, имеющие вид благочестия, сами же его отрекшиеся»...Все, желающие жить благочестиво во Христе Иисусе, будут гонимы. Злые же люди и обманщики будут преуспевать во зле, вводя в заблуждение и заблуждаясь»...Здорового учения принимать не будут, но по своим прихотям будут избирать себе учителей, которые льстили бы слуху; и от истины отвратят слух и обратятся к басням (2 Тим. 3, 1–5, 12–13; 4, 3–4). Св. Отцы как бы видели перед собою эти грядущие страшные дни. Прочти Ефрема Сирина и ты поймешь, что такое исторический процесс, лучше всяческих теоретических построений: «Пречистый Владыка за нечестие людей попустил, чтобы мир был искушен духом лести, потому что так восхотели человеки, отступить от Бога и возлюбить лукавого. Велик подвиг, братия, в те времена особливо для верных, когда самим змием с великою властью совершаемы будут знамения и чудеса, когда в страшных призраках покажет он себя подобным Богу, будет летать по воздуху, и все бесы, подобно ангелам, вознесутся перед мучителем». «Тогда сильно восплачет и воздохнет всякая душа; тогда все увидят, что несказанная скорбь гнетет их день и ночь, и нигде не найдут пищи, чтобы утолить голод. Ибо жестокие надзиратели будут поставлены на место, и кто только имеет у себя на челе или на правой руке печать мучителя, тому позволено будет купить немного пищи, какая найдется. Тогда младенцы будут умирать на лоне матерей, умрет и мать над своим детищем, умрет также и отец с женою и детьми среди торжища, и некому похоронить и положить их во гроб. От множества трупов, поверженных на улицах, везде зловоние, сильно поражающее живых. С болезнью и воздыханиями скажет всякий поутру: «Когда наступит вечер, чтобы иметь нам отдых?» Когда наступит вечер с самыми горькими слезами будут говорить сами себе: «Скоро ли рассвет, чтобы избежать нам постигшей скорби?» Но некуда бежать или скрыться, потому что все в смятении, и море, и суша». «Множество золота и серебра, и шелковые одежды не принесут никому пользы во время сей скорби, но все люди будут называть блаженными мертвецов, преданных погребению прежде, нежели пришла на землю эта

великая скорбь. И золото и серебро рассыпаны на улицах, и никто до них не касается, потому что все омерзело». «С рыданием встречаются все друг с другом — отец с сыном, и сын с отцом, и мать с дочерью. Друзья на улицах, обнимаясь с друзьями, кончают жизнь. Братья, обнимаясь с братьями, умирают. Увядает красота лица у всякой плоти, и вид у людей как у мертвецов. Омерзела и ненавистною стала красота женская. Увянут всякая плоть и вожделение человеческое. Все же поверившие лютотому зверю и принявшие на себя печать его, злочестивое начертание оскверненного, приступят к нему вдруг и с болезнью скажут: «Дай нам есть и пить, потому что все мы истаяваем, томимые голодом, и отгони от нас ядоносных зверей». И этот бедный, не имея к тому средств, с великою жестокостью даст ответ, говоря: «Откуда, люди, дам вам есть и пить? Небо не хочет дать земле дождя, и земля также вовсе не дает ни жатвы, ни плодов». «Восплачут тогда вся земля и море, восплачет воздух, а вместе восплачут дикие звери и птицы небесные; восплачут горы и холмы, и деревья на равнинах; восплачут и светила небесные о роде человеческом, потому что все уклонились от святого Бога и поверили лести, приняв на себя, вместо животворящего Спасителя креста, начертание скверного и богоборного. Восплачут земля и море, потому что в устах человеческих прекратится вдруг глас псалма и молитвы; восплачут великим плачем все Церкви Христовы, потому что не будет священнослужения и приношения». «Но прежде, нежели будет сие, Господь, по милосердию своему, пошлет Илию Фесвитянина и Еноха, чтобы они возвестили человеческому роду благочестие, дерзновенно проповедали всем боговедение, научили не верить мучителю из страха, вопия и говоря: «Это лесь, о человеки! Никто да не верит ей нисколько, никто да не повинуется богоборцу; никто из вас да не приходит в страх, потому что он скоро будет приведен в бездействие. Вот, Святый Господь идет с неба судить всех поверивших знамениям его». Впрочем, немногие тогда захотят послушать и поверить сей проповеди Пророка» (Творения, ч. 2 и 3).

Таково будет общее состояние жизни перед явлением антихриста. Об антихристе в слове Божиим говорится так: «И тогда откроется беззаконник, которого Господь Иисус убьет духом уст Своих и истребит явлением пришествия Своего, того, которого пришествие, по действию сатаны, будет со всякою силою и знамениями и чудесами ложными, и со всяким неправедным обольщением погибающих за то, что они не приняли любви истины для своего спасения» (2 Фес. 2, 8-10).

В откровении св. Иоанна Богослова об антихристе сказано: «И стал я на песке морском, и увидел выходящего из моря зверя с семью головами и десятью рогами: на рогах его было десять диадим, а на головах его имена богохульные. Зверь, которого я видел, был подобен барсу; ноги у него — как у медведя, пасть у него — как пасть у льва; и дал ему дракон силу свою и престол свой и великую власть». «...И поклонились зверю, говоря: кто подобен зверю сему? и кто может сразиться с ним? И даны были ему уста, говорящие гордо и богохульно, и дана ему власть действовать сорок два месяца. И отверз он уста свои для хулы на Бога, чтобы хулить имя Его, и жилище Его, и живущих на небе. И дано ему было вести войну со святыми и победить их; и дана ему была

власть над всяким коленом и народом, и языком и племенем. И поклонятся ему все живущие на земле, которых имена не написаны в книге жизни у Агнца, закланного от создания мира» (Откр. 13, 1–2, 4–8).

О личности антихриста Ефрем Сирин говорит так. Он «смятет вселенную, подвигнет концы ея, всех притеснит, осквернит многие души; поступая уже не как человек благоговейный, благопопечительный, ласковый, но при всяком случае суровый, жестокий, гневливый, раздражительный, стремительный, беспорядочный, страшный, отвратительный, ненавистный, мерзкий, лютый, лукавый, губительный, бесстыдный, своим неистовством старающийся род смертных ввергнуть в пучину нечестия, произведет великие знамения, многочисленные страхования, показывая сие лживо, а не действительно» (Творения, ч. 2).

Мы приближаемся к последнему моменту, к мировой катастрофе, к концу жизни вселенной. Вот что открыл Спаситель ученикам своим на горе Елеонской: «И вдруг, после скорби дней тех, солнце померкнет, и луна не даст света своего, и звезды спадут с неба, и силы небесные поколеблются; тогда явится знамение Сына Человеческого на небе; и тогда восплачутся все племена земные и увидят Сына Человеческого, грядущего на облаках небесных с силою и славою великою» (Мф. 24, 29–30).

«...Как молния исходит от востока и видна бывает даже до запада, так и будет пришествие Сына Человеческого» (Мф. 24, 27). Апостол Петр о втором пришествии Спасителя говорит так: «Придет же день Господень, как тать ночью, и тогда небеса с шумом прейдут, стихии же, разгоревшись, разрушатся, земля и все дела на ней сгорят» (2 Пет. 3, 10).

Этот страшный момент будет не гибелью, а преображением вселенной. По слову Ап. Петра: «...мы, по обетованию Его, ожидаем нового неба и новой земли, на которых обитает правда» (2 Пет. 3, 13).

Ап. Павел этот момент преображения называет тайной: «Говорю вам тайну: не все мы умрем, но все изменимся вдруг, во мгновение ока, при последней трубе; ибо вострубит, и мертвые воскреснут нетленными, а мы изменимся» (1 Кор. 15, 51–52).

Это непостижимое преображенное бытие открыто нам св. Иоанном Богословом в образе Нового Иерусалима: «И вознес меня в духе на великую и высокую гору, и показал мне великий город, святой Иерусалим, который нисходил с неба от Бога. Он имеет славу Божию. Светило его подобно драгоценнейшему камню, как бы камню яспису кристалловидному. Он имеет большую и высокую стену, имеет двенадцать ворот и на них двенадцать Ангелов; на воротах написаны имена двенадцати колен сынов Израилевых...». «...Основания стены города украшены всякими драгоценными камнями...». «А двенадцать ворот — двенадцать жемчужин: каждые ворота были из одной жемчужины. Улица города — чистое золото, как прозрачное стекло. Храма же я не видел в нем; ибо Господь Бог Вседержитель — храм Его, и Агнец. И город не имеет нужды ни в солнце, ни в луне для освещения своего, ибо слава Божия осветила его и светильник его — Агнец». «Ворота его не будут запираются днем; а ночи там не будет». «И не войдет в него ничто

нечистое и никто преданный мерзости и лжи, а только те, которые написаны у Агнца в книге жизни». «И ничего уже не будет проклятого; но престол Бога и Агнца будет в нем, и рабы Его будут служить Ему» (Откр. 21, 10–12, 19, 21–22, 25, 27; 22, 3).

Неизвестный. Да. Изумительно. Пророческая сила! Вот слова, которые, действительно, не нуждаются в доказательствах.

Духовник. Наконец-то ты сказал, что я так долго от тебя ждал. Но, может быть, у тебя все же есть еще какие-нибудь вопросы?

Неизвестный. Да. Есть еще один. Только не знаю, может быть, на него нельзя ответить сразу?

Духовник. Говори. Если возможно, я постараюсь ответить.

Неизвестный. Видишь ли, истина, которую я, кажется, наконец увидел, имеет одно свойство. По крайней мере я так чувствую. Ее нельзя просто «знать». Надо непременно по-другому начать жить.

Духовник. Совершенно верно.

Неизвестный. Так вот, вопрос мой именно об этом: как от признания истины перейти к новой жизни? Как приобрести настоящую веру, научиться молитве, как создать для себя — употребляя твою терминологию — монастырь в миру?

Духовник. Ты должен стать на путь духовной жизни.

Неизвестный. Что же для этого надо сделать?

Духовник. Я отвечу тебе на этот вопрос в следующий раз.

Диалог десятый О ДУХОВНОЙ ЖИЗНИ

Духовник. Что же тебе надо сделать, чтобы встать на путь духовной жизни? Ты, наверное, и не подозреваешь, как это трудно и в то же время легко!

Неизвестный. Трудно — я понимаю. А почему легко — нет.

Духовник. Один оптинский старец говорит: «Монашеская жизнь — трудная, это всем известно, а что она самая высокая, самая чистая, самая прекрасная и даже самая легкая — что говорю, легкая — неизъяснимо привлекающая, сладостнейшая, отрадная, светлая, радостно вечно сияющая, это малым известно. Но истина на стороне малых, а не многих».

Он говорит это о монашестве. Но то же можно сказать и о духовной жизни вообще. Вот почему Спаситель сказал: «...иго Мое благо, и бремя Мое легко» (Мф. 11, 30).

А каково же иго Христово и каково же бремя Его, как не жизнь духовная! И у Апостола читаем: «Всегда радуйтесь». И он ни о какой иной радости говорит, как о радости во Христе Иисусе. Вот и потому и легко встать на путь духовной жизни.

Тот же старец говорит еще: «Господь сказал возлюбленным ученикам: не бойся, малое Мое стадо, яко изволит Бог даровати вам — что? думаешь, отраду? богатство? наслаждение? Нет! Царство! Где не только все блага, все возможные сокровища и красота, и слава, и свет, и радость, и горящая любовь, и Божеская жизнь, и веселие вечное. Царство это — Царство всех веков, перед

которым все величайшие царства мира сего — дым, сырец! И в том-то Царстве света и веселия тебе уготовано и всем возлюбившим Господа Иисуса Христа царское место».

Как же можно колебаться человеку в выборе жизненного пути? Ведь их два: узкий путь — спасения, широкий — гибели. Путь спасения — духовная жизнь. Гибели — жизнь плотская. Как говорит Апостол: «...если живете по плоти, то умрете, а если духом умерщвляете дела плотские, то живы будете» (Рим. 8, 13).

Неизвестный. Относительно выбора пути я больше не сомневаюсь. Увидя жизнь так, как она сейчас мне представляется, — выбор сделать легко. Это верно, но я спрашиваю, как встать на этот путь. С чего начать? Я почти прожил свою жизнь и шел по другому пути. Мне все в нем понятно и привычно. А этот духовный путь от меня далек, чужд мне и совершенно мне неизвестен. Я понял, что не так жил. Я хочу теперь жить иначе, в соответствии с той истиной, которую вижу. И я спрашиваю тебя, как мне это сделать?

Духовник. Да. Я именно так и понял твой вопрос. И на него-то и отвечаю тебе, но я начинаю сначала, так сказать, с первого слова.

Неизвестный. А именно?

Духовник. Для того, чтобы встать на путь духовной жизни, надо прежде всего ясно поставить перед собой оба пути — путь жизни духовной, ведущий к спасению, и путь жизни плотской, ведущий к гибели. И в самой глубине существа своего — решить идти путем жизни духовной. С этого решения должна начинаться жизнь духовная каждого человека, осознавшего, что он уклонился от пути спасения. И этот первый шаг, это решение делать легко, потому что легко сделать выбор между жизнью и смертью. Сознательно выбрать смерть, а не жизнь, может только человек безумный. И если ты понял, что жизнь мирская, по плоти есть смерть, а жизнь церковная, по духу есть жизнь, — то ты без колебаний примешь внутреннее, непоколебимое решение встать на путь жизни церковной. Это решение по своему значению для твоей внутренней жизни будет уходом в монастырь. Твое душевное самочувствие изменится. По-новому видишь ты все, чем жил раньше. Ты придешь в ужас от своей прошлой жизни. Ты увидишь, сколько в ней было греха, нечистоты, всякой мерзости. Какая она была пустая, бесцельная. Твое прошлое покажется тебе безобразным сном. И сколько бы тебе ни было лет, ты почувствуешь себя вновь начинающим жить. Ты будешь поражен этой переменой и с величайшим изумлением будешь спрашивать себя: да как же я жил раньше? Как я мог не видеть того, что вижу теперь, когда все это так ясно, так несомненно? А вместе с тем охватит чувство нестерпимого стыда за все твое прошлое. Ты ощутишь непреодолимую жажду покаяния. Это первый шаг на твоём пути, но здесь ждет тебя и первое искушение: это чувство стыда и сознание греха может быть и к жизни, и к смерти. К жизни, если оно вызовет в тебе жажду спасения, если его осветит надежда на милосердие Божие, если не убьет оно в тебе веры, что Господь пощадит создание Свое и примет тебя, как принял блудного сына. К смерти — если оно приведет тебя к безнадежному отчаянью. И заметь: с первых же шагов жизни духовной козни вражеские! Они подстерегают

человека на всех ступенях духовного восхождения, враг подстерегает каждое доброе движение сердца и стремится обратить его в зло, потому что все доброе в нас имеет некую черту, перейдя которую, незаметно обращается в зло. Распознавать эту черту часто не может человек своими силами. Это дело благодати Божией, потому самонадеянность — самый опасный грех, так как в нем таится возможность всех грехов. Враг будет стремиться и доброе твое покаяние довести до злого уныния. Он будет говорить тебе слова безнадежные о том, что тебе уже поздно исправляться, что это тебе не под силу. Что ты погибнешь, что не стоит и начинать этой новой жизни. Она не для тебя.

Неизвестный. Я еще не начал новой жизни, а эти мысли уже мелькают у меня в мозгу.

Духовник. Отгоняй их. Не давай им задерживаться в сердце. Они — от врага. Жизнь духовная не зависит от времени. Можно, как видим в примере разбойника на кресте, стяжать спасение и во единый час. О том же свидетельствуют и многие примеры из жизни святых. Жить всегда можно начать сначала. И нет такого грешника, которого бы не простил Господь. А возраст? Какое же он имеет отношение к вопросу о духовной жизни? Разве не в каждый возраст человек одинаково близок к смерти? И разве погибнуть духовно нельзя в юности и спастись в старости?

Неизвестный. Что же я должен сделать в сознании своего греха?

Духовник. Ты должен исповедовать грехи свои в Церкви и после отпущения грехов причаститься святых Тайн.

Неизвестный. Неужели с этого надо начать? Мне кажется, что я еще не готов для того, чтобы причаститься. Это требует полноты веры и чистоты жизни. Ведь иначе и по церковному учению мое причащение будет «в суд и осуждение».

Духовник. Достойное причащение — не есть причащение только святых. И несовершенство в вере не может быть препятствием для принятия святых Тайн. Ибо не здоровые, а больные нуждаются во врачах. И не к праведным только, но и к грешным пришел Христос, чтобы спасти их. Причащение — это источник нашего совершенства и утверждения нашей веры — как же можно сначала требовать совершенства в вере и жизни, а уже потом допускать до причастия святых Тайн!

Неизвестный. Но какое-нибудь условие есть же для достойного причащения?

Духовник. Есть. Покаяние.

Неизвестный. Но ты ведь сам говорил, как ничтожно наше покаяние в сравнении с тяжестью грехов.

Духовник. Да. Но и эту нераскаянность нашу надо тоже исповедовать как грех. И если у тебя нет злого и сознательного желания остаться в грехе, если ты не возлюбил грех, а стыдишься его — святая Церковь властью, которая дана священнику, снимет с тебя все твои грехи и ты достоин будешь причащения. То же и немощность в вере. Пусть сознаешь ты, что ничтожна и слаба твоя вера. Но ты хочешь веровать. Ты видишь в неверии грех свой. Ты взываешь: «Верую, Господи! помоги моему неверию» (Мк. 9, 24). И причащение и при твоём

маловерии будет достойно. На путь духовный надо вступать через покаяние и утверждаться на нем таинством Божественной Евхаристии. Причащаться надо не один раз в год, как вошло в привычку обмирщенных христиан, а часто, как подобает в монастыре, потому что без частого причащения не возможна духовная жизнь в миру. Ведь тело твое иссыхает и делается бессильным, когда ты не даешь ему пищи. И душа требует своей небесной пищи. Иначе и она иссохнет и обессилит. Без причащения заглохнет духовный огонь в тебе. Завалит его мирской хлам. Чтобы освободиться от этого хлама, нужен огонь, пополающий тернии наших прегрешений. Жизнь духовная — не отвлеченное богословие, а действительная и самая несомненная жизнь во Христе. Но как же она может начаться, если ты не примешь в этом страшном и великом таинстве полноты духа Христова. Как, не приняв плоти и крови Христовой, будешь жить с Ним? И здесь, как и в покаянии, не оставит тебя враг без нападений. И здесь он будет строить тебе всякие козни. Он воздвигнет множество и внешних, и внутренних преград. То будет тебе некогда, то почувствуешь себя нездоровым, то захочется отложить ненадолго, чтобы «лучше подготовиться». Не слушай. Иди. Исповедуйся. Причащайся. Ведь не знаешь ты, когда призовет тебя Господь.

Неизвестный. Да. Я это сделаю.

Духовник. Духовный путь требует оцерковления всей жизни и внутренней и, по возможности, внешней. Если ты не положишь резкую грань между своею жизнью и жизнью мирской, мир непременно победит тебя, сделает тебя своим рабом. Господь принес меч разделения: «Думаете ли вы, что Я пришел дать мир земле? Нет, говорю вам, но разделение; ибо отныне пятеро в одном доме станут разделяться, трое против двух, и двое против трех: отец будет против сына, и сын против отца; мать против дочери, и дочь против матери; свекровь против невестки своей, и невестка против свекрови своей» (Лк. 12, 51–53). Так надлежит отделяться от всего и от всех, что будет содержать в себе мирское начало. Без этого внутреннего отделения невозможна духовная жизнь.

Неизвестный. Но что ты разумеешь под «оцерковлением жизни»?

Духовник. Ты понимаешь разницу между монастырем и миром?

Неизвестный. Конечно.

Духовник. Ты понимаешь, что монастырская жизнь оцерковлена и потому противопоставлена миру?

Неизвестный. Да.

Духовник. Вот создать монастырскую жизнь в миру — это и есть то оцерковление, которое необходимо для желающих идти по пути духовной жизни.

Неизвестный. Теоретически твою мысль о монастыре в миру я понимаю, но как ее осуществить практически — нет.

Духовник. Представь себе, что ты живешь в монастыре. Вокруг монастыря высокая стена. У ворот монах, который не пропускает в монастырь посторонних. В монастыре храм, ты ходишь в него молиться. Твоя жизнь вне храма — протекает в келье. У тебя есть келейное правило молитвенное, ты

читаешь слово Божие, творения св. Отцов, углубляешься в созерцание Божественных тайн. Вне храма и кельи ты несешь послушания, иногда очень тяжелые, в пекарне, на огороде, на скотном дворе. У тебя есть духовный отец, который руководит всей твоей жизнью, которому ты отдал душу свою в руководство, отказавшись от своего самочиния и мирской воли. Ты соблюдаешь посты, и весь уклад твоей жизни зиждется на основе церковных правил. Монашество — это храм, у которого раздвинулись стены и который охватил и заключил в себя всю твою жизнь. И вот случилось так, что монастырь этот перенесен в мир. Стен больше нет. Но где же твой монастырский храм? Это тот храм, где ты теперь исповедуешься у духовника своего и причащаешься Святых Тайн. Может быть, ты не можешь проводить в нем столько времени, сколько в монастыре, но все же жизнь в этом храме — главное в твоей жизни. Где твоя келья? Она перенесена в шумные мирские квартиры, но и в миру она осталась келией, даже если ты занимаешь «угол». В ней должна быть монастырская тишина и монастырская жизнь — хотя кругом шум, и из-за стен доносятся в твою келью не церковные песнопения братии, а мирские песни, суетные разговоры, пьяное веселие. Твоя комната неизменно должна оставаться келией, где все проникнуто духом молитвы и тишины. У тебя много внешних мирских дел, ты должен делать их «за послушание», не прилепляясь к ним душой, как делал ты и в монастыре тяжелую работу в пекарне или на скотном дворе. Жизнь мирская течет по своим законам. У нее свой уклад. И ты, принимая его, поскольку это внешнее необходимо для твоей жизни в миру, должен свою личную и внутреннюю жизнь построить на началах церковных. В монастыре ты был послушник. Ты должен оставаться им в миру.

И если ты соблюдешь все это и в миру, ты сохранишь монастырь. И этот внутренний монастырь не сможет уничтожить никто. Потому, что уничтожить можно только внешнее, а внутреннее — неотъемлемое достояние человека. Так вот что такое «оцерковление», которое есть необходимое условие истинно духовной жизни.

Неизвестный. Да. Я понимаю теперь, что ты разумеешь теперь под словом «оцерковление». Но смогу ли я создать это «необходимое условие» для духовной жизни?

Духовник. Почему же нет? Это зависит только от тебя.

Неизвестный. Может быть. Но по силам ли это мне? Смогу ли я так сразу отказаться от всего мирского? Я слишком привык к мирской жизни и многое слишком люблю в ней.

Духовник. Например?

Неизвестный. Ну, например, я очень люблю музыку, светскую литературу, театр, я по-мирскому люблю жизнь природы — цветы, пение птиц; люблю посмеяться, пошутить, поболтать в веселой компании, наконец, я курю... Конечно, все это «мелочи», но отказаться от всего этого сразу — я не чувствую себя в силах.

Духовник. А кто тебе говорит сразу?

Неизвестный. Это говорит Евангелие.

Духовник. Никогда! В Евангелии говорится о необходимости твердого

решения идти за Христом. Говорится об идеале, к которому должен стремиться человек. Говорится о том, что человеку надлежит делать для достижения этого идеала. Больше того, там говорится, что Царство Божие силою берется, что делающие усилия получают его. И Апостолы поучают, что многими скорбями надлежит войти в Царство небесное. Значит, совсем не «сразу». Подвижники, которые сами прошли путь спасения, познавшие на опыте все козни вражеские, открывшие для нас внутреннего человека, изучавшие «невидимую брань» духовную, осветившие светом благодатного разума весь путь духовной жизни, — с непреложностью установили то учение Церкви, по которому, наоборот, внутреннее устройство человека — процесс медленный, постепенный, требующий великого терпения.

Неизвестный. А как примирить с этим слова Спасителя, сказанные человеку, хотевшему прежде, чем идти за Христом, «пойти и похоронить отца»: «...предоставь мертвым погребать своих мертвецов», и другому, который просил отпустить его проститься с домашними: «...никто, возложивший руку свою на плуг и озирающийся назад, не благонадежен для Царствия Божия» (Лк. 9, 59–62).

Духовник. Это и есть требование окончательного решения идти за Христом, требование окончательного избрания пути без оглядывания назад и без двоящихся мыслей. Здесь Спаситель ничего не говорит о возможности достигнуть совершенства «сразу», а только об этом окончательном решении не в мыслях, чувствах и намерениях, а в воле и в жизни.

Неизвестный. Допустим, теоретически это так. Но я не понимаю, как же практически можно установить постепенность? По-моему, например, так: если в театр ходить нельзя, так уж нельзя. Читать романы нельзя, так уж нельзя. Вести праздные разговоры в праздной компании с папиросой в зубах нельзя — так уж нельзя. Нельзя танцевать, нельзя смеяться, нельзя шутить, петь, играть. Да все нельзя. И кто мне скажет, как «постепенно» можно оставлять все это. Какой внешний признак будет указан «временно допустимого смеха», «временно допустимых развлечений», «временно допустимого обмирщения».

Духовник. Никто не укажет тебе такого внешнего признака. Его нет и не может быть, потому что «обмирщение» недопустимо вообще. Но речь идет не о допустимости обмирщения, а о том, как от него избавиться и как достигнуть оцерковления всей жизни. И здесь православие не говорит о достижении сразу, а говорит о неизбежности большой внутренней борьбы и постепенном восхождении по лестнице совершенства. Здесь «сразу» будет страшной опасностью, которая может подменить истинное благодатное состояние святости — внешней фарисейской его подделкой. Ты спрашиваешь, какой внешний признак допустимых развлечений будет указан? Тебе будет указано другое: внутреннее основание того процесса, в котором человек действительно освобождается от обмирщения. Это основание — духовный рост человека. Внешнее самоограничение должно быть здесь не по букве закона, а в соответствии с внутренним процессом духовной жизни. Не сразу надо сказать человеку — брось мирские развлечения. Но и нельзя ждать, чтобы он бросил их без труда, без борьбы, когда он совершенно потеряет к ним всякое влечение.

Надо знать момент, когда пора человеку поставить такую задачу. Надо знать не только, каково здесь требование закона, но и созрел ли данный человек для решения такой задачи. Формальный, «по букве» отказ «сразу» от всего «мирского», потому что святые отцы «в театр не ходили», и «папирос не курили», и «в веселой компании не сидели» — при всей видимости истинности — может оказаться не только бесплодным, но даже губительным для души. Здесь недостаточно знать учение о совершенстве — здесь надлежит иметь духовное ведение. Книга — великое дело, но для того, чтобы пользоваться ею, нужна не мирская мудрость, а благодатная премудрость. Ведь как ни известна нам из подвижнических творений невидимая брань, как ни изучены в духовном опыте святых основные законы духовной жизни, все же каждый человек не вполне такой же, как другой, и каждая жизнь человеческая — особая, единственная и новая жизнь. Поэтому и книги сказать всего не могут. То живое, единственное, особое, что касается только этой жизни, постигается не мирской мудростью, а премудростью Благодати. Православные монастыри доселе сохранили живую практику истинного духовного руководства. И если хочешь по-настоящему понять православное учение о пути жизни духовной и о восхождении по лестнице совершенства — посмотри, какой там был дух. Чему учили старцы своих духовных детей? Было ли в словах их это, исполненное мертвого формализма, требование «сразу», кажущееся таким возвышенным, а в существе своем исполненное внешнего фарисейства? Вот послушай, как писали великие оптинские старцы о «мирских развлечениях». Имея в виду, что слова, которые я сейчас тебе приведу, писались девушке, живущей веселой мирской жизнью, но стремившейся к монашеству: «Таинство странное вижу и преславное: небо — вертеп; престол херувимский — Деву; ясли — вместилище, в них же возлеже невместимый...

Истинно — чудо ужасное! и херувимский ум ужасается, как это могло быть? А между тем это было! И какое из сих чудес чудеснее, ум отказывается уразуметь. Цепенеет... Да, великое утешение св. Церковь даровала умному человеку. Так вот целый век и смотрел бы в бездну этих трех строчек. А сколько еще перлов рассыпано в духовных церковных песнях! Но земной ум не жалуется этих драгоценностей, ибо понять их не может. Что петуху неоцененный рубин? Ему надо горошину. А нам доставляет утешение попрыгать по паркету, как какому козленку, нам бы похотеть до лому затылка, нам бы рожу какую-нибудь надеть, замаскироваться, и сколько еще глупостей и нелепостей, поглощающих этот световидный дар неба — ум наш. Впрочем, это я пишу не с тем, чтобы ты, моя искренняя, все рожи и бальные принадлежности разбросала и тем огорчила бы родных и чужих. А так говорю, чтобы ты знала, что творишь. И уж если набедокуришь — исповедовалась бы Господу, и Он простит тебя».

И в другом письме ей же: «Вчера или 3-го дня о. М. сказал, что ты там все плясешь. Я ему советовал указать тебе басню Крылова «Стрекоза и муравей». К тебе она подходит. Та тоже любила масленицу и не жаловала поста — все плясала. Говорю это не в укор тебе, а чтобы ты знала настоящее положение вещей и при случае не теряла головы»...

И еще: «Экая ты подозрительная! Опять взвела на меня клевету, будто я не доволен тобою. Да хоть бы ты и действительно увлеклась кем-нибудь, да как же я тебя не прощу? сам грешный человек. А ты даже и не увлеклась, а так просто, подружилась. Ну и Бог простит тебя, и я прощаю».

Требовал ли он от этой мирской девушки, чтобы она «сразу» отказалась от всего? Напротив, он и самую мысль о таком «немедленном» изменении жизни отгонял от нее, как мысль вражескую. «Но вижу ты желаешь, — пишет ей старец, — бросив модные со шпорами башмаки и бальное платье, сию же минуту сделаться святою, преподобною, сразу просветлеть. Нет, матушка, в деле духовном так не бывает. Тут на первом плане стоит терпение, за ним еще терпение, и, наконец, все это венчает опять-таки терпение» (Иеросх. Анатолий).

Вот голос истинного православия. Вот как старчество понимало процесс духовного перерождения человека. И это была не теория, а сама жизнь. Через пять лет после этих писем оптинский старец пишет той же девушке поздравление со вступлением на иноческий путь, в котором уже нет ничего ни о модных ботинках, ни о бальных платьях, а говорится: «Читай непременно каждый день Авву Дорофея или Иоанна Лествичника, в сих книгах великая сокровищница уроков для духовной жизни. И если будешь идти указанным ими путем по силе своей — верь, не погибнешь и наследуешь Царство (небесное) вечное».

Неизвестный. Значит, вопрос переносится на внутреннее возрастание. Внешние ограничения — это отчасти помощь для этого возрастания, отчасти — следствие его?

Духовник. Совершенно верно.

Неизвестный. Что же содействует этому возрастанию в положительном, а не в ограниченном смысле?

Духовник. Я уже сказал тебе: покаяние, частое причащение. К этому надо прибавить молитву, пост и внутреннюю брань.

Неизвестный. Скажи об этом подробнее.

Духовник. Мы уже говорили с тобой о молитве и о посте, когда говорили о монашестве. Но теперь нам надлежит рассмотреть молитвенное делание применительно к вопросу, который поставил ты: что тебе даст молитва в оцерковлении твоей жизни и как тебе подойти к ее научению? Молитву называют «художеством духовным». И воистину — это художество, требующее долгого и терпеливого научения. Молитва, как молитвенное настроение, бывает у всякого. Но иное дело стяжать молитву как постоянное и привычное духовное состояние.

В молитве, как и вообще в жизни духовной, подвиги человеческие необходимы, но без Благодати Божией они ничто. Путь молитвенный с особою полнотою раскрыт в творениях великих молитвенников и подвижников с древнейших времен. Следуя указаниям их, не собьешься с дороги. Но многих смущает здесь особенность внешних условий, в которых протекает духовная жизнь в миру. Молитва, о которой говорится у святых Отцов, была в уединении, в тиши, а не в ужасающей сутолоке современной жизни, и дело молитвы в миру начинает казаться невозможным. Да, несомненно, есть свои

трудности, зависящие от особенностей этих внешних условий. Но молитва в миру и возможна и необходима, потому что без нее нельзя создать невидимый монастырь, потому что она ограждает и утверждает духовную жизнь: твоя комната не станет келией, пока не будет в ней молитвы, и ты в шумном городе не будешь чувствовать себя как за монастырской стеной, пока молитва не вселится в твое сердце. Учиться молитве, прожив без молитвы почти всю свою жизнь, — дело особенно трудное, потому что приходится человеку как бы учиться ходить, чувствуя себя взрослым. Но это чувство не должно смущать. Как может младенец в вере. сдв.1 начавший жить духовной жизнью, сразу пойти, как взрослый, по пути молитвенного делания? Конечно, ему надо поучиться. Молитва — это то, что в жизни твоей «не от мира сего». И потому, как только ты начнешь молиться, мир станет для тебя внешним. Молитва и все в душе твоей, что связано с ней, это будет одно. А мир со всеми мирскими делами — это другое. И чем глубже ты будешь отдаваться молитве, тем глубже будет проходить грань между твоею внутренней жизнью и миром, и тем выше и непроницаемей будут подниматься стены незримого монастыря.

Неизвестный. Но я даже представить себе не могу, как взяться за это дело. Как молиться? Прочитывать молитвы, которые знаешь? Но уложится ли в эти чужие славянские слова то, что явится в душе, похожее на молитву? Или, может быть, надо молиться своими словами? Но как с такими реальными житейскими словами обращаться к Богу, бытие которого готов признать, но которого еще совершенно не научился чувствовать. Может быть, надо воображать Его образно и делать более реальным при помощи воображения? Разъясни мне все это.

Духовник. Молиться надо начинать не мудрствуя и не задаваясь вопросом: как все это будет? Не надо усложнять дело никакими вопросами «от разума», который первый в нас самочинник и, развращенный мирским своеволием, непременно будет нагромождать один вопрос на другой. Старайся не слушать его. Скажи себе, что будешь молиться, как Церковь учит. Что это обязанность твоя перед Богом. Выйдет, не выйдет, а свое делать будешь. И непременно имей келейное правило. Самое малое, начиная хотя бы с нескольких молитв. Чтобы от слова перейти к делу. Этот переход будет такой переменной в твоей жизни, что ты и представить себе не можешь. Человек молящийся и немолящийся — это люди двух разных миров. Молитва вначале даст тебе прежде всего это основное чувство, что ты «по эту сторону», где Церковь, на узкой дороге, в ином Царстве, а не с ними, там, по другую сторону, в царстве во зле лежащего мира. Молясь, ничего особенного не жди и решительно ничем не смущайся. И никакими особыми задачами не задавайся, чувствуй себя младенцем, который еще ходить не умеет. Где ему рассуждать да разными вопросами задаваться. Тебе бы лишь на ногах устоять да несколько шагов сделать. Ты их и делай: старайся не отвлекаться от слов молитвы по сторонам, а отвлечешься — назад возвращайся. Прочти молитву, которую знаешь, спокойно. Перекрестись и, начиная, положи земной поклон. Кончая, тоже. Станет на душе хорошо. Слава Богу. Останешься как бы ничего не чувствующим — не смущайся. Никаких особых переживаний сам в себе не

вызывай, но и возникающие не отгоняй. Все предоставь Господу. Может быть, сразу, ощутишь тяжелое состояние раздвоения. Начнешь со стороны смотреть на себя — и странно, и смешно покажется, что стоишь на молитве, читаешь, крестишься и поклоны кладешь. Это мир через тебя на твою душу смотреть будет, что она к новой жизни пробуждается, А в тебе «мира» больше, чем «духовной жизни», и покажется тебе, что «ты» весь смотришь на какие-то «случайные» и «странные» поступки, которые словно не твои. Оставь «его». Пусть смотрит — ты делай свое дело. Ибо дело твое великое и истинное. Понемногу войдешь в слова молитвы. Ведь они не от головы созданы, а от жизни. За ними стоит подвиг, сокрушение о грехах, борьба со страстями, вера, надежда, любовь, благодатное озарение, жизнь о Духе Святе. Боишься, что в эти слова не уложатся твои чувствования? Да в них весь мир уложится — не только твои душевные состояния. Лишь бы душа твоя соединилась с теми чувствованиями, которые стоят за словами святых молитв. Но если ощутишь некую потребность и свои слова от сердца сказать Господу — и этому не препятствуй. Дополни ими свое молитвенное правило. Никогда не старайся воображать и образно представлять тех, кому молишься, ни Господа Иисуса Христа, ни Его Пречистую Матерь, ни силы Бесплотные, ни угодников Божиих. Образное представление при молитве — бесовское искушение, которое угрожает человеку духовной гибелью.

Неизвестный. Но должен же я как-нибудь представлять себе, кому молюсь. Ведь это для меня не пустое место.

Духовник. Да. Не пустое место. Но не в воображении должно быть у тебя, к кому обращаться, а в сердце — не в образе, а в чувстве. Не внешние черты, внешний облик должны быть перед тобою, а внутреннее, в сердце пребывающее чувствование образа. Потребное для молитвы внешнее дастся тебе в иконе, молясь которой, обращаешься к первообразу не через воображение живых внешних черт, а через сердечное духовное состояние. Иначе, действием воображения будет казаться тебе, что перед тобою Господь Иисус Христос со всеми внешними чертами, которые представляешь себе в Нем, и сделается этот образ совсем ясным, как бы перед тобой стоящим и чувства соответствующие подымутся, но будет это не Христос Спаситель, и все чувства твои будут не молитвою, а бесовским наваждением. Может явиться и как бы теплота сердца, и слезы, и радость — и все будет не настоящее, а подделка вражеская, в которую вовлечет тебя враг. И заметно это будет только по внутреннему признаку, непослушанию, гордыне, ослеплению духовному. Но все это трудно будет самому в себе заметить и сознать. Боже сохрани от всего этого. Молиться образно — дело безумное.

Неизвестный. Скажи мне еще, как идти по молитвенному пути? Как от первых шагов перейти к дальнейшим?

Духовник. Переход должен быть не от головного решения, а от духовного возрастания. Будешь жить церковной жизнью — и с Божией помощью станешь внутренне отходить от мира и прилепляться к Господу. А вместе с тем потянется твоя душа и к молитвенному деланию. Захочется тебе чаще и дольше заключаться в келье на молитве. В миру ты будешь «чужой». В

храме и келье на молитве у себя дома. Молитва станет сладостным делом, к которому ты будешь спешить, закончив необходимое «мирское послушание», и келейное молитвенное правило станет казаться тебе таким коротким, что ты с трудом будешь отрываться от него. Проверь это чувство. Не случайное ли оно настроение? Устойчиво ли оно в тебе? И когда убедишься, что устойчиво, тогда увеличь молитвенное правило.

Вожделенная надежда для каждого подвижающегося — стяжать постоянную молитву в сердце, чтобы молитва всегда жила и действовала в нем. Чтобы живой, несказанный благодатный дар молитвы, который и в словах молитвенных, и без слов, и в храме, и в келье, и в делах житейских, и даже во сне — всегда, как величайшая драгоценность и самая неоцененная радость, всегда бы ощущался в таинственных и непостижимых глубинах твоего духа. Это — надежда. Но никогда да не дерзнет самочинный вызвать в себе своими усилиями такое состояние. Пусть никогда не говорит человек: не пора ли мне переходить к молитве без слов. Молитва становится умною и вселяется в сердце не по решению человеческого, а по милости и благодати Божией.

Неизвестный. Да, я понимаю, что без молитвы невозможна духовная жизнь, и я постараюсь исполнить то, что ты говоришь.

Духовник. Скажем теперь о посте. Многим в миру пост кажется маловажным. Привыкли считать его делом специально монашеским. Для мирян пост необязателен. Какой-то пережиток старого. Пустая, ни для чего не нужная формальность. Мертвая буква устава. Конечно, церковному человеку неловко сказать: «пост не нужен», но к нарушению его столь снисходительное отношение, что и без слов громадное большинство прониклось безразличным отношением к посту. И в этом лежит одна из причин обмирщения христиан. И поэтому оцерковление немедленно требует постного устава. Знаешь ли ты, как Церковь строго требовало соблюдения поста? Знаешь ли, каким строгим наказанием она ограждала его соблюдение? По 69-му Апостольскому правилу: «Аще кто епископ или пресвитер, или дьякон, или чтец, или певец не постится в святую четыредесятницу перед Пасхою, или в среду, или в пяток, кроме препятствий от немощей телесных: да будет — извержен. Аще мирянин — да будет отлучен».

Маловажное дело не ограничивалось бы с такою строгостию. О значении поста во внутренней жизни человека мы говорили с тобой, когда говорили о монашестве. Посмотрим теперь, каково значение его в той внутренней задаче, о которой спрашиваешь ты.

Пост не только содействует особому самочувствованию, он не только одно из могущественных средств в борьбе со страстями, он, подобно молитве, воздвигает новую разделяющую преграду между твоей духовной жизнью и жизнью мирской. Пост начинается с пищи и доходит до высшего — до бесстрастия, соединяясь на высших ступенях своих с молитвою и Богосозерцанием. Начиная с низших ступеней он уже поставляет тебя вне мирской жизни, где пост нелеп и почти смешон. Они — едят все. И в Великий Четверг, когда совершается Тайная вечеря и предается Сын Человеческий, и Великую Пятницу, когда слышим мы плач Богоматери у гроба распятого Сына.

И в день погребения. Для них не существует ни Христа, ни Богородицы, ни Тайной вечери, ни Голгофы. Какой же у них может быть пост? Мы почти не вкушаем пищи в эти дни, потому что духовная жизнь наша поглощена памятью о страстях Христовых. И если ты не хочешь сделать первого шага, чтобы жизнь твоя как бы слилась с их мирской жизнью — никак не отступай от поста. Держи и соблюдай его как великую церковную святыню. Каждый раз, когда ты воздерживаешься от вкушения запрещенного в дни поста, то со всею Церковью ты делаешь в полном единомыслии и единочувствии то, что делала вся Церковь и все святые угодники Божии с самых первых дней бытия Церкви. Это будет давать тебе силу и твердость в твоей духовной жизни. Ты, не стесняясь перед мирскими людьми, живущими по мирским привычкам, открыто и мужественно проведешь здесь отделяющую тебя от них черту, потому что это одна из непоколебимых твердынь твоего невидимого монастыря.

Неизвестный. Да, может быть, с этой точки зрения пост принять легче всего. Я готов исполнить его не рассуждая, коль скоро таково правило Церкви.

Духовник. Но самая главная задача на пути твоей внутренней жизни: борьба со страстями, внутреннее ограждение себя от мирских начал. Эта задача в корне изменит всю твою жизнь и даст ей совершенно новое содержание, поставит тебя в совершенно иное отношение ко всему окружающему миру. До сих пор ты не знал никакой внутренней борьбы с «грехом». Перед тобой не было вопроса о «вечной жизни». Земная жизнь знает лишь те нравственные законы, которые определяют взаимоотношения людей в пределах здешних земных интересов и здешних земных задач. Грех — это нарушение закона Божественного, открытого людям для достижения вечной жизни, и потому-то, что кажется людям заслуживающим одобрения, — мерзость перед Богом. Ты никогда не просматривал своих душевных состояний, своих помыслов, своих чувств, своих поступков, всей своей внутренней, да и внешней жизни с точки зрения этих высоких требований Божественного закона. Все твои нравственные понятия и вся твоя нравственная жизнь были вне всякого вопроса о спасении. Ты жил до сих пор, как частица мира сего по его понятиям и по его стихиям. Теперь ты должен начать внутренний просмотр всей своей жизни. С каким ужасом увидишь ты, при этом новом освещении, самого себя. Представь себе неопишуемой красоты храм. В ней доверху навалены груды мусора, отвратительной грязи, всякой нечистоты. Драгоценные украшения свалены в самый дальний и темный угол. Этот храм — твое сердце, где твоя духовная жизнь? Где драгоценный Божий дар? Не груды ли мирской мерзости завалили в нем все? И ты должен начать в покаянии и в причащении Святых Тайн, в молитве и посте, уповая во всем на милость и помощь Божию, очищать свое сердце, освобождать от мирского хлама духовную свою жизнь. Это будет не так просто. Эта борьба потребует громадных усилий, терпения, веры. Она будет поглощать все твое внимание и наполнять всю твою жизнь. Все интересы твои, все оценки, все вкусы — все станет иным. Хорошим для тебя станет не то, что увеличивает твое земное благо, а то, что содействует твоему внутреннему устройству. И плохим не то, что уменьшает земное благо, а то, что препятствует твоему спасению. У тебя никогда не будет чувства скуки, пустоты

жизни, и ты не будешь рваться к внешнему общению с людьми, к пустым разговорам, к заполнению жизни своей внешними впечатлениями. У тебя будет великая задача внутреннего устройства, ты будешь стремиться все пережить во благо своего спасения, и это преисполнит твою жизнь полнотой нравственного содержания. Те события, которые в миру кажутся грандиозными, станут для тебя пустыми. А то, что раньше проходило без всякого внимания, делается для тебя великим и важным. Многие ничтожные события твоей жизни, какие-либо встречи с людьми, житейские неприятности, раздражительное, злое слово, все, что раньше было для тебя житейскими мелочами, станет совсем иным, ибо иными станут для тебя те душевные состояния, которые стоят за ними. Ты увидишь, что душа твоя находится в рабстве у страстей. Что свободный дух твой потерял свою истинную свободу. Что ты раб самолюбия, тщеславия, гордыни, чревоугодия, зависти, гнева, ревности, блуда.

Начать жить духовною жизнью — это значит объявить беспощадную войну порабащившим страстям. И поскольку ты будешь освобождаться от них, ты будешь отрываться от мира и заключаться в свой невидимый монастырь. Не думай, что этого возможно достигнуть «сразу», и не унывай, видя, как медленно и плохо идет твоя работа. Знай, что и на самых высоких ступенях духовной лестницы бывают страшные падения, и на первых ступенях посещает душу по милости Божией — Божественная благодать. Посему никогда не гордись, что достиг многого, ибо все можешь потерять в единый миг, и не унывай, что имеешь мало, ибо все в руке Божией. Но трудись спокойно, неослабно, терпеливо. Никогда не спрашивай, долго ли тебе изнемогать в борьбе и когда придет желанное освобождение? Ответ готов: до конца дней твоих, всегда, пока не призвал тебя Господь. И никогда не подсчитывай плодов. Ты должен думать только о трудах, а плоды от Господа. Ожидание плодов рождает нетерпение, нетерпение — уныние, уныние — страсти, ибо, если человек чувствует себя безнадежным, машет на все рукой и говорит: «все равно ничего не выйдет», на смену его безнадежности явится желание «жить как все». Враг часто ловит людей на этом. Подвизающийся должен с самого начала поставить дело своего внутреннего устройства так, чтобы самую мысль о плодах считать лукавой. Ожидать плодов духовных от своих подвигов — это значит уповать на свои силы. А в жизни духовной все должно быть возлагаемо на помощь Божию, на Его святую волю, на Божественную благодать. И потому со смирением делай то, что требует от нас Господь. И не только не жди «плодов», но не смущайся, если явно не будет так. Помни всегда слова св. Иоанна Златоуста: «Бог обыкновенно возлагает венцы, взирая не на конец подвигов, а на расположение подвизающихся». Вот это-то расположение и труды, от него истекающие, требуются от тебя. Иной раз всю жизнь испытывает Господь и смирение, и терпение человека. Не дает ему благодатных состояний. И они лишь на смертном одре за труды всей подвижнической жизни даруются Господом по неизреченной Его милости.

Путь жизни духовной — трудный путь. Но только в нем истинная жизнь, ибо только он приводит к спасению и жизни вечной. Но прохождение этого пути и создание невидимого монастыря требует еще одного условия: духовного

руководства. А духовное руководство предполагает послушание. То, что игумен или старец, для послушника в монастыре, то для тебя должен стать твой духовник в миру. Ему ты должен вручить свою душу в руководство и ему должен быть обязан послушанием.

Неизвестный. Я не представляю себе, каким образом возможно послушание в миру? Ведь послушание требует «благословения» духовника на каждый шаг жизни. Но как это возможно, когда в лучшем случае я могу видеть своего духовника 1–2 раза в неделю. Мирская жизнь не ждет. И часто, даже при желании, будет невозможно спросить духовника, как поступить в том или в другом случае. Какое же это духовное руководство? Какое послушание?

Духовник. Разумеется, и духовное руководство, и послушание с внешней стороны будут в миру несколько иными, чем в монастыре, но с внутренней стороны они останутся такими же и в миру. Духовное руководство возможно не только в монастыре и не только в миру при постоянном или частом общении с духовным отцом. Оно возможно и в тех редких случаях, когда внешнее общение пресекается вовсе. Старцы и затворники часто руководили жизнью иноков и мирян, живущих в отдалении от них, с которыми у них личного общения не было вовсе. Конечно, такое руководство касалось главнейших моментов внутренней жизни и предполагало, что жизнь духовная такого послушника как бы принята в сердце духовного отца, и он, не имея внешнего общения, все время находится с ним в том внутреннем соприкосновении, которое от расстояния не зависит. А руководство в миру при обычных условиях, когда имеется возможность и внешнего общения с духовным отцом, хотя и не столь постоянное, как в монастыре, — тем более возможно в полной мере. Что касается послушания, то ведь главное его значение не практическое, не в исполнении приказаний, а самой настроенности к послушанию.

Неизвестный. Поясни мне это.

Духовник. Надо твердо усвоить себе, что послушание — добродетель. Нет такой добродетели, для стяжания которой достаточно было бы одного самого искреннего желания ее иметь. Но приобретение ее предполагает такое решение. Так же и добродетель послушания — оно начинается с решения быть в послушании и затем достигается благодатию Божией и личными трудами человека. Послушание — одна из труднейших добродетелей. И на пути совершенства в послушании всегда ведется ожесточенная невидимая брань с врагом. Послушание не есть преданность человеку, отречение от своей воли в пользу воли человеческой, хотя по внешности оно таково. Послушание есть преданность Богу и отречение от своей воли во имя воли Божией. Послушание проходится для Господа, и оно на своих высших ступенях состоит в полном отказе от своей самости. Послушание не есть согласие, поэтому оно не предполагает самостоятельного ведения во всем, что касается разумения, воли и чувствования. Самостоятельное ведение его должно касаться самостоятельности только одного — чистоты учения Церкви. Поэтому святые отцы заповедовали нам быть послушниками духовных отцов наших во всем и безо всякого рассуждения, даже если бы казалось, что требования их идут вразрез с пользой в деле нашего спасения (Авва Дорофей), и нарушать обет

послушания лишь тогда, когда духовный отец будет учить противному учению Церкви (св. Антоний Великий).

Неизвестный. А если указания духовного отца будут явно ошибочными?

Духовник. В Житиях святых говорится о злом старце, который издевался и бил своего послушника, и послушник, пребывший у него в послушании до конца, стяжал святость именно через это послушание, о чем засвидетельствовано было чудом. Духовник за ошибки свои, как и за грехи свои, даст ответ Богу. А для послушника все последствия таких ошибок будут покрыты всеобъемлющим значением послушания в духовной жизни. Вот потому и возможно послушание в миру, потому и остается в миру неизменным его значение для внутренней жизни. Не практическое исполнение тех или иных указаний и не безошибочность их имеет первенствующее значение в духовной жизни, а внутренняя готовность послушника соблюдать обет послушания. Готовность, это внутреннее состояние послушника, покрывает все вредные последствия неверных указаний духовника, восполнит и внешнюю невозможность постоянного испрашивания его указаний. Кроме того, и здесь помни, как всегда, попечение Божие о нас. Господь видит всю жизнь нашу, что мы не хотим и что не можем, и невозможное, но должное для нас восполнит промыслительным Своим о нас попечением. Так вот, что тебе надлежит сделать, чтобы от признания истины церковного учения перейти к истинной духовной жизни. Надо «душу свою увести в пустыню» (св. Иоанн Златоуст). Надо принести покаяние Церкви, постоянно принимать Святые Тайны, молиться, соблюдать посты и уставы Церкви, надо иметь духовного отца, который бы руководил твоею жизнью и которому ты был бы обязан послушанием. И тогда с Божией помощью по Его величайшему милосердию ты получишь то, о чем спрашиваешь: ты по-новому начнешь жить, приобретешь настоящую веру, создашь для себя монастырь в миру.

Неизвестный. Да, я вижу теперь, что это так.

Духовник. Но я должен предупредить тебя об одном. Враг нашего спасения не любит отпускать от себя человеческую душу и каждого, встающего на путь спасения, стремится удержать в своих сетях. Он воздвигает неожиданные препятствия, и внешние, и внутренние, он ополчается всяческими соблазнами, он повергает в бездну падения. Он строит самые невероятные козни. Этого всего надо ждать и ко всему этому надо быть готовым, памятуя слова Ап. Петра: «Трезвитесь, бодрствуйте, потому что противник ваш диавол ходит, как рыкающий лев, ища, кого проглотить» (1 Пет. 5, 8). Это сказал Апостол, который сам отрекся от Христа, трижды был после этого призван Господом пасти овец и стал Апостолом Первоверховным, как и гонитель Савл, ставший Первоверховным Апостолом языков. Промысел Божий привел тебя к Церкви. Здесь источник жизни. Вставай же на путь спасения — решительно, твердо, без двоящихся мыслей и начинай жить сначала.

Неизвестный. Да. Я готов. Я вижу, что другой жизни нет. Благослови меня на этот путь.

Духовник. Да благословит тебя Господь во Имя Отца и Сына и Святого Духа. Аминь.

К О Н Е Ц

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
Royallib.ru

Оставить отзыв о книге

Все книги автора